

ЗВЕЗДНАЯ ДОРОГА

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ

#1 '03

ПРИЮТ ПРИЗРАКА

ПЛЕХАНОВ

ЖЕЛЯЗНЫ

ЕЛИСЕЕВА

КОЗАТИК

КАПЛАН

ЛИВАДНЫЙ

БЕЛЯНИН

КРАСИКОВ

ЧУДОВИЩА И ФРАНКЕНШТЕЙНЫ

Все пути ведут на «Роскон»!

Литературная конференция по фантастике «Роскон-2003» состоится 13 по 16 февраля 2003 года под Москвой, в доме отдыха «Планерное» Управления делами Президента РФ.

Во время конференции самым демократическим путем – никаких номинационных списков, голосование в два тура! – будут вручены премии «Роскон». Кроме того, состоится присуждение премии Кира Булычева «Алиса», а также иных призов, дипломов и наград.

Все мероприятия проходят в 8-этажном корпусе дома отдыха. Питание и условия проживания – отличные. Среди почетных гостей конференции – **Кир Булычев, Василий Головачев, Сергей Лукьяненко, Владимир Михайлов.**

Будут проведены пять мастер-классов: **Василия Головачева, Александра Громова, Сергея Лукьяненко, Г.Л.Олди, Ника Перумова, Святослава Логинова (вместе).**

Всю дополнительную информацию можно получить на сайте www.convent.ru.

Стоимость участия (включая питание и проживание):

- одно место в двухместном номере – \$125 (при предварительной оплате – \$100);
- место в двухкомнатном трехместном – \$120 (при предварительной оплате – \$100);
- место в двухкомнатном двухместном полулюксе – \$140 (при предварительной оплате – \$120);
- в одноместном номере – \$150 (при предварительной оплате – \$120);
- в двухместном люксе – \$300 (за два места);
- в трех- и четырехместных номерах – \$ 60 (только по предварительной оплате, таких мест всего 50);
- без питания и проживания – \$30 либо по \$10 за один день конвента (гостевой сбор).

Контактные телефоны: **(095) 918-10-87** (МЦФ, Олег Колесников), **170-72-31** (Олег Колесников), **931-19-89** (Дмитрий Володихин).

ЗВЕЗДНАЯ ДОРОГА

журнал фантастики # 1 '03

Содержание

Бортовой журнал 7
Важнейшие новости из мира фантастики

Ожерелье миров

Андрей Плеханов
Холст, свернутый в трубку 12
Он рисовал миры. А потом сжигал их...

Ольга Елисеева
Дорсет 22
Возвращение казенного флотоводца

Павел Козатик
Полет на Луну, рассматриваемый как выстрел по движущемуся щиту 54
Кеннеди убил инопланетянин! Правда, неудачно...

Виталий Каплан
Экзамены 72
Благородный рыцарь против благородного дракона

Роджер Желязны
Рассказы 90
Два любопытнейших текста из архива писателя

Андрей Ливадный
Темная сторона Земли 100
Настал день, когда наша планета остановилась

Братья по разуму

Андрей Белянин:

«Розами меня осыпают только читатели» **120**

Рецензии **124**

Сергей Красиков

Эскапизм со взломом **133**

Роман Арбитман

«Бы» или не «бы»? **138**

«Войнушники», «мстители» и «мессианцы»

Планета кино **141**

Сергей Бережной

Отягощенные злом (о чудовищах и Франкенштейнах) **148**

Киберпространство **155**

Фантастика в Сети

Главный редактор **Александр Ройфе**

Редактор **Василий Мельник**

Издатель **Игорь Огай**

Над номером работали: Сергей Кабанов, Алевтина Горева, Александр Набоков. **Использованы фотографии** Д.Новикова (Митрича), а также фотоматериалы с сайта «Русская фантастика». **На обложке** – работа Ч.Кабрала «Адский дом».

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № 77-3212 от 20.04.2000. Лицензия ИД № 02440 от 24.07.2000. Юридический адрес: 143400, Московская область, г. Красногорск, ул. Ленина, 53.

Почтовый адрес редакции: 143400, Московская область, Красногорск-8, а/я 105. **Тел./факс** 563-55-54. **Электронный адрес:** starroad@rusf.ru. **Интернет:** www.rusf.ru/starroad.

Подписано в печать 18.12.2002. Формат 60х88 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1500 экз. Зак. № **4536**.

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»: 140010, г. Люберцы, Октябрьский просп., 403. Тел. 554-21-86.

Содержание © «Звездная дорога», 2003

Дизайн-макет © А.Ройфе, 2002

Заставки к разделам © В.Мартыненко, 2002

Комиссия по контактам

Здравствуйте, дорогие наши читатели! Позвольте поздравить вас с наступившим Новым годом! Мы рады, что в ближайшие месяцы будем рядом с вами, будем пытаться радовать вас интересной прозой, любопытными интервью, глубокими аналитическими материалами, связанными с фантастическим жанром.

А предыдущий год завершился для нас на мажорной ноте: наконец-то вы откликнулись на наш призыв и прислали в редакцию свои письма о том, что вам нравится или не нравится в «Звездной дороге» и в фантастике в целом. Значит, удалось нам все-таки доказать, что читатели для нас — не просто «потребители выпускаемой продукции», но коллеги и единомышленники! В этом номере мы смогли напечатать (с некоторыми сокращениями) только одно из пришедших писем, в февральском — напечатает еще. Уверены: ваши наблюдения и суждения пригодятся всем профессионалам и любителям фантастики. Так что держать их при себе просто неразумно...

Здравствуйте, уважаемая редакция!

Пишет вам ваш подписчик из города Боровичи Новгородской обл. Разрешите представиться: Евгений Кошелев, 38 лет от роду, к фантастике равнодушен с тех пор, как научился читать, или даже раньше, если учитывать сказки. «ЗД» выписывал весь 2001 год. Надеялся, что издание изменится к лучшему, но терпения не хватило, и на 2002-й не подписался. А изменения-то как раз и произошли. Итак, с № 9 я снова подписчик «Звездной дороги», надеюсь, что теперь — надолго.

Журнал, безусловно, получился. Хвалить вас можно очень долго. Но, думаю, вас уже и так достаточно хвалили, в том числе и в прессе. Поэтому просто скажу: «Спасибо за журнал!» А если еще учесть, что, судя по выходным данным, «ЗД» сделали всего четыре человека... Далее же остановлюсь на том, что мне в журнале не понравилось. Сразу прошу извинения, если где-то буду слишком резок. Начну с того, что сентябрьский номер пришел ко мне только 14 ноября. Впрочем, это особенности национальной почтовой связи. Но вот объем издания явно недостаточен. При сохранении прежнего формата количество страниц было бы неплохо увеличить раза в два, ну полтора как минимум. Хотя

увеличить формат тоже было бы неплохо. Журнал должен быть журнального, а не «тетрадного» формата. А канон «толстого» литературного журнала в России давно сложился.

Судя по редакционному тону и общему настроению журнала, «ЗД» в первую очередь нацелена на молодежную аудиторию. По моим наблюдениям, значительная часть читателей фантастики находится в возрасте 40 лет (плюс минус 10). Не хочу проводить каких-либо параллелей, но журнал «Фантом» в свое время также имел хорошее полиграфическое исполнение и был нацелен на молодежную аудиторию... (Сразу же, как это написал, постучал по столу.)

Очень хорошо, что редакция дает краткие сведения об авторах. А у переводных произведений – и название на «родном» языке, чего почему-то упорно не желает делать «Если». Но вот хронология из справоч совершенно исчезла. Ни года рождения, ни дат выхода основных произведений. Отчество существует только у патриарха Геннадия Мартовича Прашкевича. Ну и было бы совсем отлично, если бы у переводных произведений, кроме названия, сообщались дата первопубликации и название журнала или сборника, где оно было впервые опубликовано (для совсем уж «двинутых» библиофилов вроде меня).

Все же нужно сказать и том, что мне в журнале понравилось Проза в целом неплохо, особенно О.Дивов и А.Аттанасио, да и миниатюра Дж. Мартина почти идеальна. Перевод на самом высоком литературном уровне. Если бы подобный перевод был нормой для издательств! А то ведь иногда отличного автора тошно читать из-за перевода. Нехудожественные разделы хороши также (хотя и маловаты из-за малого общего объема журнала). От статьи Р.Арбитмана в полном восторге. Подобные провокации для фэндома необходимы, чтобы застоя не было. Титул «мастер провокации» закрепился за О.Дивовым. Но, кажется, Р.Арбитман это звание тоже вполне заслуживает.

Что же касается положения дел в отечественной фантастической литературе, то я бы не назвал его ни блестящим, ни катастрофичным. Почти как в экономике: рост есть, но чтобы его увидеть, нужен микроскоп. Бывало и похуже (скажем, в середине 90-х). Все те же две беды – состояние «гетто» и поточно-конвейерное производство. Гетто – беда старая и не только российская. Сказано на эту тему довольно много. Замечу только, что «колючка» вокруг гетто натягивается сразу с двух сторон. «Наши» тоже приложили к этому немало усилий. Вот вышел великолепный роман Т.Толстой «Кысь». «Наши» его почти не заметили. А «Укус ангела» П.Крусанова заметили – и приняли довольно жестко. В отличие от «большой» критики, расхваливающей этот роман на все лады. Впрочем, я о романе судить не берусь, так как до сих пор

не смог его прочесть. В провинции это бывает сделать не так просто, даже бестселлеры добираются с большим опозданием.

Литературный уровень фантастики находится в полном соответствии с законом Старджона: 90% напечатанного даже не стоит брать в руки. Но и оставшиеся 10% портит чрезмерная работоспособность даже самых уважаемых писателей. Ой, не зря над «Спектром С. Лукьяненко» работал целых два года. Получилось нечто, весьма близкое к шедевр. На мой взгляд, это – лучшая вещь писателя. Разумеется, большая литература его опять не заметит. Хотя и собственно литературы, и постмодернизма там больше, чем во всех «букеровских» и «антибукеровских» книгах, вместе взятых. Но зато фантастических премий у романа в следующем году будет сразу несколько. Впрочем, для себя я выбор еще не сделал: не менее хорош и роман А. Громова «Завтра наступит вечность». Кстати, вы не обратили внимания на удивительное сходство этих произведений? Не внешнее, хотя оно тоже присутствует на уровне НФ-идеи («врата»). А какое-то очень тонкое сходство по настроению. У Громова пессимизма куда как поубавилось, а у Лукьяненко появились какие-то типично громовские штрихи. «И еще лежала старомодная, сильно потертая папка с крышкой под мрамор, с ярлыком, на котором было напечатано на машинке: “США–Япония. Культурное воздействие. Материалы”». Внешнее сходство легко объяснить предварительной договоренностью о НФ-идее («прен-цен-денты» были: А. Лазарчук и А. Столяров). А внутреннее? Опять «гетто» и слишком тесное общение? Или не все так просто?

А вот в англоязычной фантастике, кажется, все гораздо хуже, чем в отечественной. По крайней мере, если судить по тому, чем нас снабжают издательства. Почти все гиганты времен «золотого века» уже умерли, «новая волна» тоже далеко не молода. Киберпанк возлагавшихся на него надежд явно не оправдал. Слишком жесткие рамки у этого жанра, атрибутика разработана, получается почти что сочинение на заданную тему. Рискну предположить, что не всякому писателю это интересно. Отсюда – всего два известных имени (вероятно, есть и другие, но в российской провинции о них не слыхали). В НФ (а тем паче в фэнтези) идет перепев старых тем, даже самые талантливые произведения несут на себе печать вторичности. Разумеется, таланты есть и среди молодых. Взять хотя бы Т. Чана. По-прежнему в строю Дж. Холдман. Бесспорно талантливы Д. Симмонс, О. С. Кард, Дж. Мартин. Но в общем и целом «и дым пожиже, и труба пониже», чем в 60-е и 70-е годы. «Если» печатает отличную переводную фантастику, но ведь какой частый бредень им приходится запускать!

Вот, собственно, и всё. Разрешите пожелать вам всяческих успехов.

И, разумеется, роста тиража. Тысяч 8–10 к концу следующего года для новой «Звездной дороги» вполне реально.

С искренним уважением,

Е.Кошелев

Комментарий главного редактора: Уважаемый Евгений Леонидович! Очень приятно, что у «Звездной дороги» есть такие неравнодушные и вдумчивые подписчики, как вы. По поводу недостаточного объема журнала я с вами совершенно согласен: действительно, очень хочется его увеличить! И мы работаем в этом направлении, хотя пока и непонятно, как скоро добьемся желаемого... Что касается молодежи, то, согласно нашим наблюдениям, фантастику она все же читает, причем в больших объемах, чем что-либо другое. Наверное, было бы неправильно пренебрегать этой аудиторией: как-никак, ей принадлежит будущее. Да и не верю я в непроницаемые границы между поколениями: если вещь хороша, ее по достоинству оценит читатель любого возраста... Вашу просьбу увеличить фактографическую насыщенность редакционных врезов мы приняли к исполнению. Хотя делать врез подобием энциклопедической справки все-таки не планируем... А за пожелание 10-тысячного тиража к концу года отдельное спасибо. Если сбудется – с нас причитается!

* * *

На сайте «Звездной дороги» www.rusf.ru/starroad работает гостевая книга. Здесь можно задать вопрос сотрудникам редакции, поделиться мнением о вышедшем номере. Оттуда мы и перепечатаваем постинг Ольги Самухиной из Саратова (конечно, очень лестный для нас постинг, но ведь желающих поспорить с Ольгой не нашлось!).

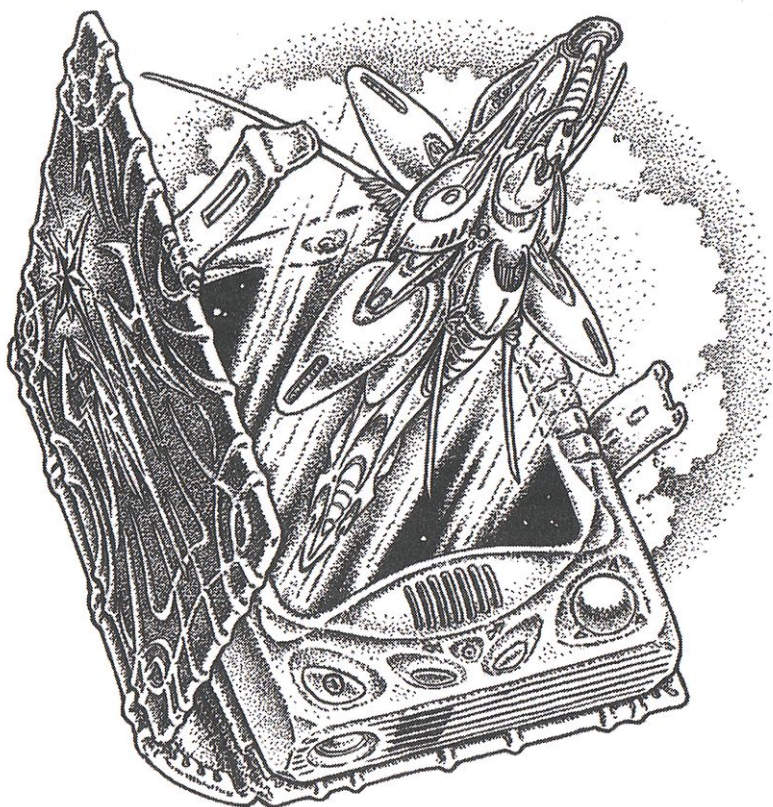
Уважаемая редакция!

Знаю, что сейчас не принято благодарить за то, что кто-то хорошо делает свою работу. И все-таки хочу сказать вам приятные слова, потому что получила колоссальное удовольствие от вашего журнала.

У нас в Саратове он появился в киосках месяц назад (номер 10–11). Фантастику я люблю, поэтому сразу купила. Что сказать? Отличные рассказы (отдельное спасибо за Елену Хаецкую и Северну Парк), любопытные статьи. Два часа чтения пролетели незаметно. Жаль только, маленький у вас журнал. Нельзя ли все же сделать его потолще, пусть это и выльется в некоторое подорожание? Очень хочется, чтобы удовольствие длилось подольше.

Еще раз спасибо вам и высоким тиражей!

БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ

8/XI Издателям книг о Тане Гроттер предложили одуматься

Москва. Адвокаты британской писательницы Джоанны Ролинг, чьи романы о юном маге Гарри Поттере пользуются всемирной популярностью, выдвинули ультиматум российскому издательству «ЭКСМО». Они потребовали отозвать из продажи две книги о маленькой волшебнице Тане Гроттер («Таня Гроттер и магический контрабас», «Таня Гроттер и исчезающий этаж»). Как утверждают британские юристы, автор книг, россиянин Дмитрий Емец, попросту списал свою Таню с Гарри – и, таким образом, повинен в плагиате.

Сам Емец предъявленные ему претензии отверг. Он считает свои произведения «культурным ответом» на романы Ролинг. Крайне жесткую позицию заняло и российское издательство. В его официальном пресс-релизе действия адвокатов названы «неумной и неумелой попыткой запугивания». По мнению «ЭКСМО», все дело в том, что Ролинг и ее издатели испугались конкуренции. Оказывается, уже десятки издательств в разных странах мира заинтересовались приключениями нашей Тани. Однако с «контрафактным» товаром никто связываться не будет...

По мнению многих экспертов, если против «ЭКСМО» будет подан официальный иск, шансов на то, что его удовлетворят, крайне мало: российское законодательство об авторском праве чересчур несовершенно, чтобы подобную переработку можно было приравнять к плагиату. К тому же всегда остается возможность объявить книги о Тане Гроттер пародиями – а с пародий взятки гладки. Только что Ролинг сама подтвердила, что не имеет никаких претензий к американскому юмористу Майклу Герберу, который сочинил книжку под названием «Барри Троттер и бесцеремонная пародия». А в России тропой Гербера пошли начинающие авторы Андрей Жвалевский и Игорь Мытько, чей опус «Порри Гаттер и каменный философ» уже увидел свет. Интересно, получит ли его издатель ультиматум от британских адвокатов? (*«ЗД-информ»*).

23/XI Урсуле Ле Гуин присуждена премия «Индэвор»

Портленд (шт. Орегон). Премия «Индэвор» («Стремление»), которую вручают за лучшее фантастическое произведение, написанное в северо-запад-

ных штатах США, досталась сборнику рассказов Урсулы Ле Гуин «Истории Земноморья». Об этом было объявлено на «Ориконе» – ежегодном орегонском фестивале фантастики. В прошлом году Ле Гуин уже присуждали названную премию, но тогда вместе с ее книгой «Искусство рассказа» победила еще одна – «Стеклянная гармоника» Луизы Марли. На сей раз награду, состоящую из стеклянной таблички и чека на 1000 долларов, делить ни с кем не придется. Кстати, свое название она получила в честь барка «Индэвор», на котором плавал исследователь северо-западного побережья США капитан Джеймс Кук (*«ЗД-информ»*).

6/XII Фантасты выступили против войны в Ираке

Портленд (шт. Орегон). Урсула Ле Гуин возглавила небольшую делегацию, которая вручила орегонскому конгрессмену Дэвиду Ву петицию против войны в Ираке. Представителям прессы знаменитая писательница заявила, что протестовать против политики Белого Дома ее заставляет собственная совесть. «Многие удивляются, как могло случиться, что нацисты пришли к власти, – сказала Ле Гуин. – Да вот с таких действий правительства все и началось».

Размещенную в Интернете петицию к началу декабря подписали свыше 200 человек, в том числе писатели-фантасты из Англии, Новой Зеландии, Австралии, Канады и США (известных имен здесь немного; помимо самой Ле Гуин можно назвать только Майкла Муркока и Терри Биссона). В документе, в частности, говорится: «Убийства, бомбардировки, химические и биологические атаки – это преступления, независимо от того, совершают их индивидуумы или страны... Исходя из этого, мы осуждаем американскую “войну с терроризмом” и призываем США и страны “антитеррористической” коалиции закончить эту войну, которая выгодна только тем, кто делает на ней деньги, и в которой заложены семена будущего терроризма и жестокости...»

Судьба петиции складывалась достаточно непросто: изначально ее мог подписать и прокомментировать каждый желающий. Естественно, американские патриоты воспользовались этой возможностью и завалили соответствующий сайт своими не всегда цензурными размышлениями о сути документа и уместности инициативы его составителей (орегонского фантаста Дугласа Лэйна и его новозеландского коллеги Тима Джонса). Последние были вынуждены перейти на прием подписей с помощью электронной почты... (*«ЗД-информ»*).

Анкета «ЗД»

Уважаемые читатели! Журнал «Звездная дорога» просит вас заполнить эту анкету и прислать ее в редакцию. Ваши ответы помогут нам более точно формировать редакционную политику, помогут сделать так, чтобы издание в максимальной степени отвечало вашим интересам. А чтобы немножко подстегнуть ваш энтузиазм, одному из приславших анкеты (кому именно, определит жребий) мы обещаем подарить библиотечку из пяти новых фантастических книг.

1. Где вы обычно берете «Звездную дорогу»? (нужное подчеркнуть)

Покупаете? Получаете по подписке? Берете в библиотеке? Берете у знакомых?

2. По вашему мнению, цена на журнал...

Слишком велика? Слишком мала? Такая, какая надо?

3. По вашему мнению, полиграфическое исполнение...

Чересчур хорошее? Недостаточно хорошее? Такое, какое надо?

4. Вы хотели бы видеть в журнале больше произведений...

В жанре НФ? В жанре фэнтези? В жанре ужасов?

5. Вы хотели бы видеть в журнале...

В основном отечественные произведения? В основном переводные произведения? Поровну и тех, и других?

6. Лучшими публикациями в последних номерах вам кажутся... (назовите две или три)

7. Худшими публикациями, несомненно, были... (назовите две или три)

8. Ваш возраст? _____ **9. Пол?** _____

10. Род занятий? _____

11. Что бы вы хотели пожелать журналу?

Если какой-либо вопрос анкеты вызывает у вас затруднения, отвечать на него не надо. Спасибо за сотрудничество!

ОЖЕРЕЛЬЕ МИРОВ

Андрей Плеханов

ХОЛСТ, СВЕРНУТЫЙ В ТРУБКУ

В 7-8-м номере «Звездной дороги» за прошлый год было напечатано интервью с Андреем Плехановым — талантливым нижегородским писателем-фантастом, автором романов «Сверхдержава», «Слепое пятно», мистико-приключенческой пенталогии о Дмитриии Коробове. В интервью Андрей рассказывал о том, почему он, успешный врач, кандидат медицинских наук, пришел в литературу (по его словам, это было поиском «личной кислородной отдушины»). Сегодня «ЗД» публикует новый рассказ нижегородского писателя. Ни в каких комментариях это произведение не нуждается, за исключением одного: «бэкграундом» рассказа стала любовь фантаста к испанской культуре и Испании — стране, где ему уже довелось побывать.

«Рикар» — хороший напиток. Многим не нравится его резкий вкус, но я предпочитаю именно это. Главное — правильно развести его водой. Я всегда делаю это сам, не доверяю официантам. Официанты ныне сплошь молодежь, студенты на подработках, сами они предпочитают слабые американские напитки, щедро разбавляют кофейный ликер «кока-колой». Они получают от этого удовольствие. Вы представляете сочетание — кофейный ликер и «кока-кола»? Ужасно. Это даже хуже, чем «Куба либре». Они называют это пойло «Бурет». Откуда им знать, как правильно разбавлять анисовую настойку?

Я расскажу вам. Делается это так: наливаешь «Рикар» в высокий прозрачный стакан. Потом небольшая пауза — нужно откинуться на

спинку стула, задумчиво повертеть стакан в пальцах, прищуриться, изучая коричневую, космическую... философскую, я бы сказал, глубину, чудом уместившуюся в двадцати кубических сантиметрах пространства над толстым стеклянным дном. Потом ставишь стакан на стол, берешь глиняный (только глиняный, никакой пластмассы!) кувшин, тонкой струйкой выливаешь воду в стакан. Напиток мутнеет, становится мутно-белым, похожим на старое молоко. Положено разбавлять один к пяти, но я предпочитаю пропорцию один к трем – так делают все закоренелые любители анисовки в нашем городке. Смотрите, господа: перед вами «Рикар», готовый к употреблению. Амброзия, питье богов. Когда делаешь первый маленький глоток, обжигающий горло, затрудняющий дыхание, то представляешь, как старина Бог сидит перед камином, положив ноги на высокую подставку из кедра, и точно так же, как ты, как вы сейчас, медленно, не спеша, размазывает мутно-молочный «Рикар» языком по нёбу, жмурится от удовольствия.

Он должен быть гурманом, наш старина Бог. Как может быть иначе?

Любой длительный процесс должен оправдывать себя. В том числе и эволюция нас, человеков, инициированная Создателем. Процесс должен иметь адекватный конечный результат. Адекватный результат – анисовка, молоко Господа. Я пью маленькими глотками. Я ощущаю себя ангелом, шикарно разместившимся на острие иголки. Голуби склеивают крошки из-под моих ног. Мне хорошо.

Некоторые из знакомых мне персон выбиваются из этого процесса, бессовестно нарушают законы эволюции – увлекаются текилой, водкой, и еще хуже – ромом, в том числе и черным... Что можно сказать о таких людях? Им можно лишь посочувствовать. Дело даже не в том, что ром или водка – это всего лишь разбавленный спирт разной степени очистки, действующий прямолинейно и грубо. Дело совсем не в градах и химическом составе. Просто разные напитки дают совершенно разные манеры удовольствия. К примеру, длинноволосые прыщавые итальянцы все время пьют свое «Мартини». Это способствует хорошему росту волос (в том числе и на спине), но прыщи – неизбежный побочный эффект. Пейте «Мартини», итальянские ребята, и боритесь с прыщами – может быть, в этом и состоит ваш *modus vivendi* и ваша мера мученичества, естественным образом перетекающего в гордость собой. А я вот предпочитаю «Ricard».

Завершаю свою оду. Анис и лакрица способствуют не только хорошему расположению духа, но и крепкому здоровью. Главное – знать, как правильно подготовить их к тому, чтобы они попали в твой желудок.

Вечер – еще один в череде ему подобных, одинаковых в своей утонченной приятности, достойное завершение дня, проведенного в трудах праведных. Я, как всегда, сижу за столиком в углу кафе – уютного заведения «Нена», что на площади Лос Пескадорес. Это мой столик. И мое время. Любимое время суток.

Теплый испанский вечер, начало мая. Еще далеко до пика сезона, и туристов не так уж много в нашем городке, именуемом Морайра. Большинство людей в кафе – мои старые знакомые. За столиком в углу восседает толстый Педро. Пара русских туристов подливает ему вино, а он громко рассказывает, как потерял кисть правой руки в боях с франкистами. На груди его значок с бородатой физиономией Фиделя Кастро. Наш Педро – старый коммунист, он рассказывает об этом всем русским, показывает им личное письмо от Че Гевары, охотно фотографируется с русскими, снимая при этом черную повязку с руки. Конечно, все в Морайре знают, что во время гражданской войны Педро еще пешком под стол ходил, а кисть ему оттапало циркулярной пилой лет десять назад, но никто не вмешивается в чужой разговор, не уличает толстяка во лжи. Зачем портить человеку удовольствие?

У стены – бильярдный стол с красным сукном. Над ним склонились четверо пожилых хиппарей – один наш, местный, один из Венгрии, двое из Англии. Расклешенные потертые джинсы, длинные волосы, короткие ухоженные бородки. Трудятся в поте лица – гоняют разноцветные шары. Добродушные ребята. Пьют всегда только пиво.

У стойки, на высоких табуретах, сидят два заклятых друга-врага – Карло из Андалусии и Чимо из Валенсии. Набычились, смотрят друг на друга исподлобья, настраиваются на очередную баталию – громкую перебранку с размахиванием руками, апелляциями ко всем окружающим и ежеминутным поминанием шлюхиной матери, шлюхиного сына и шлюхиного причастия. Что они будут обсуждать на этот раз – игру «Реконкиста», музыку Пако де Лусиа или достоинства и недостатки андалусийской мебели? Какая разница? Закончится все как всегда – совместным распитием виски и братанием *para siempre**.

Спектакль, разыгрываемый уже в тысячный раз. Каждый знает свое место, свою роль, свое время появления на сцене.

И меня это вполне устраивает.

Я отвлекаюсь на пару минут. Медитирую над своим напитком. А когда открываю глаза, этот тип уже стоит в центре зала. Черт знает, откуда он взялся. Я не слышал, чтобы звенел колокольчик входной двери.

* Навеки (исп.).

На его ногах какая-то странная обувь, совсем не подходящая для вечернего визита в кафе. Да и сам он выглядит необычно. Всклопоченные пегие волосы, неопрятная борода, недовольная физиономия, толстый живот, нависающий над дешевыми тренировочными штанами. Старая клетчатая рубашка – вся в пестрых заплатках, измазанная краской. И поверх рубашки – распахнутая овчинная безрукавка, со свалывшейся и побитой молью шерстью.

Сердце мое вздрагивает от радостного предчувствия. Этот человек – мой. Он еще не знает, для чего пришел сюда. А я знаю. Он пришел, чтобы выпить со мной. Поболтать со мной и рассказать, кто он такой, чем занимается и для чего существует на белом свете.

Сегодня я пришел сюда ради него. Люблю оригинальных типов.

Впрочем, похоже, что он тоже положил на меня глаз. Направляется прямо к моему столу, тяжело плюхается на стул.

– Что вы будете пить? – спрашиваю я. – Угощаю.

– Угощаешь? – Глаза человека снуют из стороны в сторону – не от смущения, скорее, от неудовлетворения вечерней трезвостью. – Тогда водки.

– Камареро! – кричу я и поднимаю палец. – Одну водки!

Официант подсказывает, сгибается в полупоклоне, лицо его выражает извинение.

– Извините, водки нет, – говорит он. – Не держим. Если хотите, к вашим услугам большой выбор мексиканских напитков.

– Это что такое? Текила? – спокойно интересуется человек.

– О да. Конечно! – Официант радостно улыбается. – У нас двадцать три сорта текилы. Какую вы предпочитаете?

– Какую угодно. Какая разница? Любая текила – дерьмо, – говорит человек, и улыбка официанта угасает сама собой. – Стакан. Принеси мне стакан этой вашей текилы, дружок. У вас есть граненые стаканы?

– Что, извините?.. – Официант впадает в окончательное замешательство.

– Ах, да... – Человек машет рукой. – У вас такого нет. Нет у вас граненых стаканов. Надо было из дома прихватить. Ладно, неси обычный. И побыстрее. В глотке пересохло до невозможности.

К текиле, как и положено, подают лимон и соль, но человек не обращает внимания ни на то, ни на другое. Он выцеживает стакан текилы через край – тягуче, глотками, слегка морщась. Так можно пить воду. Плохую, испорченную воду, которую необходимо выпить лишь для того, чтобы не умереть от жажды, но все же воду, а никак не текилу. Потом он хватает со стола кувшин с водой и с бульканьем вытряхивает

его содержимое себе в глотку, перевернув вверх дном. Вытирает губы. Глаза его успокаиваются и перестают бегать.

– Должно быть, это ужасно – выпить сразу целый стакан текилы? – замечаю я.

– Ужасно, – кивает он головой. – Даже дешевая водка намного лучше самой дорогой текилы. Почему здесь нет водки? Варварство какое-то.

– Сейчас вы будете пьяны, – констатирую я. – Алкоголь ударит вам в голову...

– Что ты пьешь? – Мои слова не трогают его. Похоже, гораздо больше его интересует содержимое моего стакана. – Что у тебя там такое? С виду похоже на молоко.

– Это «Рикар». Анисовая настойка. Очень крепкая. Ее разводят водой, и она приобретает молочный цвет.

– Можно попробовать?

– Пожалуйста. Пейте осторожно, дружище. Маленькими глоточками.

Я стараюсь сдержать улыбку. Попробовать слабо разведенную анисовку в первый раз – большой сюрприз. Весьма неожиданные вкусовые ощущения. Не каждый такое выдерживает.

Он всасывает все содержимое моего стакана единым махом. Я ожидаю чего угодно, но только не такого. Я уверен, что глаза его встретятся на переносице, оттолкнутся от нее, как бильярдные шарик, и разбегутся в разные стороны. Что дыхание его переключает, как газовую трубу вентилем. В конце концов, он может хотя бы поперхнуться – приличия ради. Не случается ничего. Он просто выпивает все это. Затем поднимает двумя пальцами кувшин и с сожалением убеждается, что в нем ничего нет. Тыкает вилкой в кусок ветчины на моей тарелке, вяло сует мясо в рот и проглатывает.

– Ну как? – интересуюсь я. – Оригинально? Тонко?

– Я уже пил такое, – флегматично отвечает он. – В детстве. Тогда это называлось «микстура от кашля». Ты когда-нибудь кашляешь, дружище?

– Нет...

– Неудивительно. Стакан этой гадости способен избавить от кашля на целый месяц. И сколько это стоит?

Я называю цену.

– Одна порция этой микстуры стоит столько же, как три бутылки водки в России, – сообщает он, скалькулировав что-то в голове, помогая мыслительному процессу шевелением светлых кустистых бровей.

Я терпеливо жду, когда он начнет пьянеть. Ни малейших признаков этого не наблюдается.

— По моим расчетам вы должны быть уже изрядно пьяны, — говорю я. — Почему вы сидите на стуле, а не лежите под столом?

Он прерывает размышления и смотрит на меня.

— стакан сорокаградусного — водки, рома, бренди или той же текилы — это фон, — произносит он. — Сам по себе фон не имеет значения. Это как грунтовка, которая кладется на холст. Когда грунтовка хорошо улеглась, когда она на своем месте, можно рисовать контур и начинать класть мазки. Если ты будешь рисовать маслом прямо по холсту, то получишь просто мазню. Некоторые так и делают. Они называют эту мазню современным искусством и подводят под это теоретическую базу. Но я не люблю халтуры. Я предпочитаю добротную школу. Я грунтовую холсты сам. И первый стакан водки тоже выпиваю сам. Импровизация — потом.

— Вы художник?

— Художник, — соглашается он и тяжело вздыхает. — Так уж не повезло. Знаешь, как я пишу! Всякие ваши Веласкесы-Дали в подметки мне не годятся. И что с того? Не в то время я родился. И не в том месте. Сейчас ведь чего в моде? Мазня как курица лапой. А я — реалист. Кому сейчас нужна хорошая школа?

Он поворачивается. Бесцеремонно хватая официанта, пробегающего мимо, за руку.

— Эй, парнишка, — говорит он, — ты это, текилу свою рюмками не таскай, тебе же больше работы. Принеси сюда всю бутылку. Мы ее сами разольем как нам нужно. И две бутылки минералки. Запивать вашу дрянь будем.

Через пять минут я обнаруживаю, что осторожно втягиваю губами текилу из наполненного наполовину бокала. Художник бодро булькает из стакана, запрокинув голову, кадык под его растрепанной бородой ходит туда-сюда.

— Вот это уже лучше, — говорит он, стукнув дном опустошенного стакана по столу. — Основная работа пошла. Прорисовка, так сказать, деталей. Деталечек и маленьких таких деталюшечек.

— В каком городе вы живете? — спрашиваю я, пытаюсь представить что-нибудь российское. В голову не лезет ничего, кроме снега и медведей.

— В Жуковке.

— Это большой город?

— Это не город. Дыра дырой. Деревня. Уехал я из города, дружисе. Уехал. Потому как там еще хуже было. Сейчас ведь что город —

непотребство, злость да корысть безобразная! Пусть, думаю, заказчики ко мне в деревню поедят. И что ты думаешь? Ездят, как миленькие! На джипах своих японских нашу грязь месят! Помнят еще люди Сергея Можайского!

Он гордо выпячивает нижнюю губу, скребет пальцами в бороде.

– Вы пользуетесь большой популярностью, Сергей?

– Да какая там популярность... Не понимают нынче гениев! Нет спросу на хорошие картины. Ну и хрен с ними! – Он перегибается через стол, доверительно приближается губами к моему уху. – Я сейчас в основном репродукции пишу. Представляешь, приезжает ко мне такое брателло, всё в золотых цепях, пальцы не гнутся. «Сергея, – говорит оно мне, – я вот с Голландии альбомчик привез. И вот эта натюрморда мне нравится». И показывает мне какую-нибудь голую бабу, кисти, к примеру, Рубенса. «Ты мне нарисуй пять штук, – говорит мне это брателло, – токо шоб все одинаковые были. Я четыре у себя в комнатах повешу, чтоб красивше было. А пятую своей марухе подарю на день Святого Валентина. Она у меня от такой художественности шибко тащится – типа как понимает. И чтоб там все при всем было – типа мазок в мазок». – «Без проблем, – говорю я, – пять штук баксов на стол, авансом, а когда сделаю, еще десять штук добавишь». И через два месяца все готово. Принимай товар. Сам Рубенс не отличит.

Я вдруг ловлю себя на том, что Сергей говорит вовсе не на испанском языке. «Брателло», «маруха» – я никогда не слышал таких слов. Однако я понимаю все, что он говорит. Почему-то это не удивляет меня.

Чувствуется, что художник затронул любимую тему и готов разговаривать об этом как угодно долго. Не могу сказать, что живопись интересует меня. Я пытаюсь сменить тему.

– Как вам нравится наш городок? – спрашиваю я. – Многие находят его весьма привлекательным.

– Какой городок? Как называется?

– Морайра, – удивленно говорю я. – Вы что, не знаете, где находитесь?

– Ну так... Догадываюсь... – машет он в воздухе рукой. – Испания, что ли?

– Да, – говорю я, все более изумляясь. – Вы где остановились? В гостинице?

– Не-а.

– А где? Снимаете апартаменты?

– Да нигде. Я ненадолго зашел. Вот выпью и домой пойду. В Жуковку.

— Как пойдете?

— Да так же, как и пришел. Собственными ножками. Пешком.

Все-таки его начинает забирать. Он несет чушь.

— И как же вы шли пешком? — Я решаю подыграть его дурацкой шутке. — Через Аликанте, наверное? Тут недалеко — всего-то сто двадцать километров...

— Сто двадцать? — Он чешет в затылке. — Нет, друг. Это, пожалуй, далековато будет. В тапках далеко не уйдешь. — Он выпрастывает ногу из-под стола, и я наконец-то понимаю, что за обувь на нем — стоптанные домашние шлепанцы розового цвета, скорее женские, чем мужские. — Знаешь что, приятель? Давай еще по полстакана, и пойдешь. В мастерскую к себе. А то моя хавронья меня хватится.

— Хавронья?

— Ну да. Это я жинку свою так называю. Нюх у нее на это дело — если я с кем-нибудь за воротник закладываю. Орать начинает, скотиной меня называет, бывает, поленом огреет. Так что извини...

Я молча нацеживаю текилы из бутылки в стаканы. Выпиваю так же, как он, — залпом опрокидываю в рот противную жидкость и ощущаю, как она закручивается в глотке маленьким водоворотом. Проглатываю автоматически, почти бесчувственно.

— Вот теперь хорошо! — Художник откидывается на спинку с удовлетворенным видом. — Жаль, что здесь нельзя надолго остаться. Миленько тут у вас. Представляешь, как здорово было бы зависнуть на недельку. А так — тяпнул пару стаканов и бегом домой. Разве это жизнь?

— Ничего не понимаю. — Чувство, поднимающееся в моей душе, нельзя уже назвать любопытством. Скорее, это ужас, вызывающий оцепенение. — Объясните мне, что происходит. Пожалуйста!

— А чо ты можешь понимать? — Бородач перевешивается через стол, дышит на меня перегаром и чесноком. — Без толку тебе объяснять. И вообще, тебя на самом деле нет. Нет! Понял?

— Как нет?

— А вот так. Щас увидишь...

Он тяжело поднимается на ноги и бредет прочь. Добирается до стены и проходит сквозь нее.

Стена перестает существовать, превращается в огромное окно, провал в пространстве. Я вижу в этом окне мастерскую художника — огромную, с чудовищно увеличенными предметами. Печка, обмазанная белой известкой; грубо сколоченный стол, заваленный скрюченными тубиками из-под краски. Мольберты с незаконченными картинами вдоль бурых бревенчатых стен. Кажется, что наше кафе стоит на сто-

ле в мастерской, как комната-клетка Гулливера, попавшего в страну великанов.

Мне положено разинуть рот от изумления, но челюсти потеряли подвижность. Я пытаюсь пошевелить рукой и не могу. Я не дышу, сердце мое перестает биться.

Вдруг я понимаю: я нарисован. Распят в неподвижности на плоском холсте. И все, что окружает меня в кафе, – тоже нарисовано. Люди изображены небрежно, схематично, один только я прописан тщательно, в манере, близкой к фотографии. Гиперреалистической манере.

Я начинаю понимать, откуда взялись все мы, сидящие в заведении «Нена», что на площади Лос Пескадорес.

На столе художника, в его мире, я вижу раскрытый журнал. На глянцевой цветной фотографии изображен интерьер кафе «Нена». Моего кафе. Подпись под фотографией гласит: **«На Коста-Бланко к вашим услугам множество замечательных кафе и ресторанов».**

Я понимаю, почему художник не знал, как называется наше заведение и даже город. Это всего лишь фотография *какого-то* кафе. Одного из множества.

Я вижу на фотографии людей за столиками – тех самых, что окружают меня сейчас. Но себя на фотографии я не вижу.

Художник сам придумал меня – нарисовал таким, каким я был нужен ему. Вылепил мне лицо персоны, жаждущей пригласить кого-нибудь к своему столу и угостить выпивкой.

Я пленник. Раб, годный лишь для того, чтобы поднести стакан своему хозяину.

Моя миссия закончилась. Осознание этого не добавляет секунд к моему существованию. Гигантские руки художника сдирают мой мир с подрамника, сворачивают его в трубку холста и бросают в огонь.

Сергей Можайский сидит на корточках у печки и тупо смотрит, как догорает холст. Пьяная отрыжка никак не проходит.

Чертов гастрит. Да что там гастрит, понятно, что там давно уже язва. В желудке. Одна или несколько. А уж сколько язв в душе – не считать. Язв кровоточащих и не дающих спать, есть, думать, дышать. Единственное, что еще получается автоматически, – ляпать репродукции один к одному. Ляпать их одну за другой для людей, ни хрена не понимающих в живописи, придурков и уродов... Пять одинаковых Рубенсов – это ж надо... Дерьмо.

Гнусное пойло – эта текила... Гнусная жизнь... Гнусный дар – умение перерисовывать фотографии так, что они становятся живыми. Интересно, что происходит с нарисованными людьми после того, как они

Холст, свернутый в трубку

сгорают? Да нет, что тут интересного? Сгорают, и все. Гораздо интереснее то, что выпивка у них настоящая...

— Серега! — Кулак, не по-женски увесистый, молотит в дверь. — Чего опять заперся? Опять пьянствуешь, алкаш проклятый! Кто вчера обещал завязать? Управы на тебя нету! Откуда только самогонку берешь? Ну-ка открывай, а то дверь высажу!

— Отвяжись, дура... — бормочет художник. — Хавронья! Убогая деревенская свиноматка. Что ты понимаешь в искусстве?..

Он садится на пол, прислоняется к стене и закрывает глаза. Разноцветные бабочки летают в его голове.

Я стою на улице. В свете фонарей видны дома ночного городка. Теплый воздух испанского лета наполнен запахом моря. Ветерок дотрагивается до моего лица, ласкает его нежными пальцами.

Я в первый раз вижу этот город. Настоящий, реальный город. Мой город Морайра. Город, в котором я буду жить.

Обитатели этого городка еще не знают, что я существую. Но это не так уж и важно. Завтра я приду к ним, подружусь с ними. Я понравлюсь им. Ведь у меня такое доброе лицо. Я так хорошо разбираюсь в анисовых настойках. И так люблю угощать людей выпивкой — всех, даже незнакомых.

Я словно создан для этого.

Ольга Елисеева

ДОРСЕТ

Ольга Елисеева по профессии историк, работает старшим научным сотрудником в Институте российской истории РАН, занимается XVIII веком. Эти обстоятельства не могли не сказаться на особенностях фантастической прозы, которую она пишет. Скажем так, в ее романах и повестях исторический элемент не менее важен, чем фантастический, и уж наверняка составляет одну из «изюминок» произведения. Яркий пример — роман «Сокол на запястье», получивший на «Звездном мосту-2002» премию «Чаша Клио», которая учреждена специально для авторов исторической фантастики. Такова же и повесть «Дорсет», в чем читатели «ЗД» могут убедиться немедленно.

29 июля 1588 года. Лондон

Граф Александр Дорсет был казнен по обвинению в государственной измене. Летним утром, когда его вчерашние друзья дрались в проливе Ла-Манш с Непобедимой Армадой, он взошел на эшафот на площади в Тайберне и, как бы пробуя крепость палубных досок, постучал каблуком по помосту.

Рассыпалась барабанная дробь. Толпа притихла. Глашатай зачитал приговор. Предательство интересов короны каралось четвертованием. Но в память о прежних заслугах графа королева Елизавета милостиво заменила четвертование простым отсечением головы.

Слегка разочарованные зрители взревели: «Смерть изменнику!» Дорсет опустился на колени и коснулся щекой вонючей, пропитавшейся чужой кровью колоды. В воздух взвилась стая мух. Палач поднял топор.

В этот момент на площади появился взмыленный гонец. Из последних сил он привстал на стременах и выкрикнул надсаженным голосом:

- Испанцы бегут! Они уходят! Да здравствует королева!
- Ура! Да здравствует королева! – Толпа захлебывалась от восторга, вверх летели шляпы и белые чепцы.
- Слава Богу, – вздохнул граф Александр и кивнул палачу.

Наше время

– «7 июля в университетском городке Тилбери прошла международная конференция, посвященная 410-й годовщине разгрома Непобедимой Армады у берегов Англии. На нее съехались ученые-историки из 30 стран мира...»

Сэр Тимоти сложил газету и потянулся было за чашкой зеленого цейлонского чая, но серебряная ложечка времен королевы Виктории так гневно стукнула о фарфоровый край, что толстяк-антиквар всполошился за сохранность посуды.

– Хорошо, хорошо! – всплеснул он коротенькими ручками. – Читаю дальше. «Доктор Елена Грант из Петербургского университета, последние годы работающая в Лондоне, сделала сенсационное заявление. По ее словам, архивные документы показывают, что граф Александр Дорсет, казненный в дни битвы с Непобедимой Армадой за передачу испанцам планов укреплений Плимута и Дюнкерка, не имел к предательству никакого отношения. В королевской библиотеке Эскуриала доктор Грант обнаружила два письма лорда Говарда Эффингеймского к испанскому монарху. В них командующий английским флотом обещает Филиппу II передать испанской короне "некие важные бумаги"...»

"С октября 1587 года по июнь 1588-го, когда Непобедимая Армада готовилась к походу, — сказала нашему корреспонденту доктор Грант, — в Англии началось то, что мы сейчас называем "охотой на ведьм". Оказались убиты тысячи католиков, подозревавшихся в сочувствии к Испании. Граф Александр Дорсет был католиком и... главным соперником лорда Говарда по Адмиралтейству. Еще за месяц до столкновения в проливе вопроса о том, кто возглавит английскую эскадру, не возникало. И вдруг обвинение в государственной измене. Спешное следствие и не менее спешная казнь. Как говорят у нас в России, суд скорый и неправый"».

Пожилой антиквар опасливо оторвал глаза от колонки «Таймс». Он чувствовал нарастающее напряжение в комнате.

– Может быть, хватит? – Голос сэра Тимоти дрогнул.

Плафон на люстре взорвался, как хлопушка на Рождество.

– Ладно, ладно. – Антиквар снова зашелестел страницами. – «С резкой критикой тезисов русской коллеги выступил доктор Сэмюэль Кид из Кембриджского университета. Он заявил: "Пары писем лорда Говарда из архива Эскуриала еще недостаточно, чтобы признать героя победы над испанским флотом негодяем и возвысить сомнительную личность вроде адмирала Дорсета"».

Сэр Тимоти опасливо глянул на лампу, потом на чашки на столе, на роаяль в углу и, наконец, на окно. Все казалось спокойным. Только край ковра слабо шевелился, словно его жевала большая невидимая собака.

– Умоляю, нет!

Не успел. Ветхое персидское великолепие дернулось с такой силой, что на обнажившийся паркет попадали стулья, подставки для цветов, у стены стукнулись боками две японские вазы времен сегуна Токугавы и благополучно приземлился викторианский серебряный кофейник.

– Друг мой, вы оставите меня без средств к существованию! – сокрушенно воскликнул антиквар. – В моем доме нет ни одной вещи, которую я бы не мечтал продать.

Вместо ответа ему на колени откуда-то из-под потолка рухнула газета и, затрепав страницами, как многокрылое насекомое, вновь открылась на заметке о конференции.

– Охота вам слушать? – пожал плечами сэр Тимоти. – *«Я предполагаю, – сказала нашему корреспонденту в частной беседе доктор Грант, – что граф Дорсет узнал об измене лорда Говарда незадолго до битвы и попытался предупредить королеву. Возможно, он обладал какими-то бумагами, изобличающими соперника. Но Эффингейм опередил его со своими обвинениями.»*

Корр.: – Скажите, Елена, вы рассчитываете найти эти бумаги?

Д-р Грант: – Думаю, они могли находиться в библиотеке замка Эшвуд, родового поместья Дорсета. Но в прошлом веке поместье сильно выгорело...»

– Хорошо еще, эта ушлая дамочка не знает, что библиотека цела! – Антиквар мог с чистой совестью закрыть газету, статья закончилась. – А то бы бедному старому Эшвуду не поздоровилось!

Телефон на письменном столе пару раз подпрыгнул, издал дребезжащий звонок, а его трубка поднялась в воздух и опустилась на рычаги. Сэр Тимоти был равнодушен к старинным аппаратам времен Второй мировой войны.

– Это невозможно! – вскипел он. – Вы требуете допустить ее в дом? Вы подумали о последствиях? Как только все поймут, что в поместье безопасно, Эшвуд пойдет с молотка! Вы этого хотите?

Телефон поднялся над столом и поплыл прямо к сэру Тимоти. Он был увесист и отделан пластинами из слоновой кости. Получить им в лоб было все равно что удариться о мраморное пресс-папье – сотрясение мозга обеспечено.

– Но мы даже не знаем ее номера! – возопил антиквар.

Оконная рама грохнула с такой силой, что по стеклу побежала длинная тещина. На противоположной стороне улицы возвышалась будка.

Сэр Тимоти увидел, как замелькали яркие желто-розово-голубые страницы телефонной книги, после чего пара из них была варварски вырвана из корешка. В следующую минуту помятые листы бухнулись антиквару на стол. Найти в них телефон доктора Грант не составило большого труда.

Несколько мгновений никто не поднимал трубку, и, слушая гудки, антиквар уже готов был с облегчением вздохнуть. Но раздался щелчок, и раздраженный женский голос рявкнул:

— Hello! — Судя по всему, доктор Грант намеревалась растерзать собеседника и съесть его живьем.

— Простите... — запинаясь, начал сэр Тимоти. От природы он был человеком застенчивым и побаивался решительных женщин с людоедскими голосами. — Меня зовут мистер Эшвуд... Я звоню по поручению одной высокопоставленной особы... Мне приказано сообщить, что библиотека в Эшвуде не сгорела...

За несколько секунд сэр Тимоти выпалил все, что знал. Пожар 1854 года действительно сожрал половину дома, но не добрался до Часовой башни, где размещались книги. Хранилище удалось спасти.

— Простите меня за нерадушный прием. — Тон доктора Грант совершенно изменился. — Вы знаете, все звонят и насмеются надо мной. Это фиаско на конференции... Зовите меня Хелен.

Вот теперь она показалась ему несчастной и затравленной.

— А меня — сэр Тимоти. Вам очень досталось?

— Боюсь, что да. Если честно, то за минуту до вашего звонка я складывала чемодан. Надо возвращаться в Питер.

— И не вздумайте! — поспешно сказал антиквар. — Теперь вы можете работать в библиотеке. Есть лишь одно затруднение. Я происхожу из боковой ветви Дорсетов и не являюсь владельцем поместья. Официально им управляет Алан, мой племянник. Кроме того, имеется совет опекунов из близких родственников. У самого Алана плохая репутация: наркотики, рок, трения с полицией. Знаете современную молодежь... Словом, я могу вас ему представить, и если вы сговоритесь о цене, то он разрешит вам работать в Эшвуде.

Они поболтали еще минут пять. Хелен взяла телефон и адрес Алана и, поблагодарив за помощь, повесила трубку.

— Ну? Теперь вы довольны? — обратился сэр Тимоти к пустоте. Его раздражение мало-помалу сошло на нет.

На круглом столике перед носом у антиквара появилась шахматная доска с расставленными фигурками. Невидимые руки сняли ее с каминной полки и крутанули в воздухе, предоставив случаю выбирать, кто играет белыми.

Машина нырнула в овраг и поднялась на склон с другой стороны. Меловые холмы делали дорогу исключительно тряской. Старенький синий «пежо» тарахтел, как кофемолка. Но что делать, если Алан Эшвуд торговал подержанными автомобилями?

Как только договор между ним и «сумасшедшей русской» был заключен, он сам предложил отвезти ее в поместье. Так будет меньше толков, с опекунами Ал переговорит позднее, да и слуги в замке знают только его... Елена думала, что на самом деле мистер Эшвуд не доверяет ей и хочет проследить, не обчисти ли гостя фамильную библиотеку.

Этот человек не понравился ей с первого взгляда.

– Нет денег? Тогда чем же вы заплатите?

Доктор Грант с негодованием вытряхнула сумочку на стол, демонстрируя свои кредитные карточки.

– Больше ста фунтов за визит в горелую библиотеку – это просто смешно!

Она была маленького роста, рыжая, зеленоглазая злючка, а когда сердилась, казалось, что вокруг ее гривы искрят электрические заряды.

«Темпераментная крошка! – флегматично хмыкнул Ал. Его еще называли «Длинный Ал» или «Ал Дранные Шины» за торговлю всякой рухлядью. – Девочка что надо. Того и гляди током ударит! Я бы не отказался завалить ее на заднее сиденье. Пусть отхлещет молниями мою старую задницу!»

Наверное, все это было написано у него на лице, потому что доктор Грант неприязненно поморщилась и отодвинулась от стола. Она не стала заказывать еще одну кружку пива, предпочитая сразу перейти к делу. Они встретились в маленькой забегаловке «Мельница» в Сохо. Местечко, конечно, не для академической публики. Но Ал вовсе не обязывался тащить какую-то там русскую в приличное заведение, тем более когда он на мели.

– Так чем вы расплатитесь?

– Я назвала цену.

Локти Алана легли на стол, и Хелен только сейчас заметила, что его руки от запястий до плеч покрыты змеяющимися кельтскими татуировками.

– Леди, кажется, не понимает меня? Сто фунтов! Я слышал, вам позарез надо порыться в нашем пыльном хламе? Пять тысяч, не меньше.

Он мог бы еще долго тянуть из нее жилы, если б она вдруг, решившись на что-то, не хлопнула ладонями по столу и не заявила с натянуто-дружелюбным видом:

— Хорошо. Прямо сейчас у меня нет средств, чтобы расплатиться с вами. Но мы можем договориться. Мне действительно надо попасть в библиотеку вашего родного поместья. Неважно, в каком она состоянии, и неважно, что я там найду. Важен сам факт архивной работы. Я уже заключила соглашение с издательством «Хейнеманн» на публикацию сенсационной книжки о своем документальном расследовании, которое перевернет историю «доброй королевы Бесс» с ног на голову. Они издадут бульварное чтиво, любят жареные факты и хорошо платят. Мой гонорар — сто тысяч долларов. Ваши 20 процентов. Соглашайтесь.

Длинный Ал задумался. Он не доверял русским. Но сумма была слишком заманчива.

— 50 процентов. Или поищите себе другой замок.

— Не более 30.

— 35, и точка.

Хелен обреченно вздохнула.

В этот момент за столом сзади вдребезги разлетелась чашка. Сама собой. Поднялась в воздух и понеслась к стене, но не долетела и попала, обдав всех сидящих волной черного кофе.

— Привидение! — заорал кто-то. — Я видел его! Белое лицо!

Многие вскочили с мест и бросились к выходу. Алан и его гостя тоже поднялись.

— Вы еще не покинули Лондона, а призраки уже ходят за вами по пятам, — фыркнул он. — Завтра в пять пополудни я отвезу вас на место.

Машина вновь нырнула и покатила с горы. Хелен вцепилась в ручку двери, потому что ее неудержимо клонило вперед. Она боялась при очередном толчке стукнуться носом о переднее сиденье. В зеркале заднего вида были хорошо видны сонные глаза Длинного Ала. Вернее, не только глаза, но вся широкая полоса лица вместе с веками, бровями и верхней частью носа. Та самая полоса, которую, по мнению криминалистов, невозможно подделать, как отпечатки пальцев: у каждого человека она своя.

Только сейчас доктор Грант поняла, чем ей так не нравится спутник. Фамильные черты Дорсетов проступали в нем с необыкновенной силой. Чтобы понять это, нужно было отделить от его лица идиотскую прическу из коротких, стоящих дыбом волос неестественно желтого цвета и бороду в виде плевка на конце подбородка. Именно такую возможность давало узкое зеркало. Оставалось еще ухо, от мочки до самого верха покрытое металлическими колечками. Но это уже мелочи жизни.

Что же касается носа, бровей и разреза глаз – Хелен с отвращением узнавала в них дорсетовскую породу, как бы вывернутую наизнанку. Женщина порылась в папке на коленях и вытащила цветную ксерокопию портрета графа Александра. Это была увеличенная эмальерка, круглая и выпуклая, как пуговица. Молодой вельможа на ней нравился доктору Грант меньше, чем на большом портрете маслом. Там он был в латах и больше походил на мужчину. Здесь широкий испанский воротник из колкого кружева вкупе с переливающимися камнями ожерелий, а также драгоценным эгретом в завитых волосах создавали образ красивого холеного хищника, которого очень хочется, но опасно погладить.

Хелен мысленно прикинула к графу скинхедовскую «причесочку», представила серьги в ушах и татуировку в виде трилистника на щеке. В сочетании с роскошным придворным костюмом вышло забавно.

– А где ваш муж? – прервал ее размышления Длинный Ал. – Судя по фамилии, он англичанин?

Женщина фыркнула.

– Нет. Мой первый муж – еврей. Вениамин Гранат. В 91-м он отработал пейсы и уехал на историческую родину. Грант – так удобно проносить здесь моим студентам. Впрочем, почти все они китайцы.

Машина приближалась к поместью. Путешественники миновали два обвалившихся столба из белого известняка, отмечавшие когда-то въезд в парк. Прошуршав шинами по неметеной гравийной дорожке, «пежо» покотил к дому. Это был красивый особняк из красного кирпича с остроконечными крышами и башенками, отделанными известняком. Камень давно потемнел, в стенах пролегли глубокие трещины, вросший в землю цоколь пошел плесенью.

Перед фасадом виднелись два заросших осокой пруда. Посреди одного из них торчал намертво увязший в грязи бульдозер. Это озадачило Хелен и несколько смазало впечатление от замшелых руин.

Длинный Ал заглушил мотор и, бросив «Приехали», полез из «пежо». Он даже не помог Хелен открыть дверцу, и гостье пришлось самой дергать заевшую ручку. Помощь пришла из ниоткуда. Кнопка щелкнула, и дверь отворилась, точно снаружи ее потянуло в гигантский пылесос.

То же ощущение возникло у Хелен на пороге дома. Ее словно затягивало внутрь сквозь едва распахнутые створки. Остальные не чувствовали этого сквозняка. Ал беседовал с садовником (оказывается, на другой стороне дома имелся небольшой вертоград). Поспешившая на стук медного молотка чопорная седая дама приняла у гостей сумки. С вы-

соты своего учительского роста она смерила Хелен долгим недовольным взглядом и, поджав губы, заметила:

– В мое время профессора носили шляпы и перчатки.

– Это Эмма, – хмыкнул Ал. – Наша экономка. Кажется, ей столько же лет, сколько дому. Шучу, шучу! Она гораздо моложе. Ее время пришлось на годы Второй мировой войны.

– Я родилась в 1939 году, – с негодованием отчеканила экономка. – И прошу называть меня миссис О’Фланиган. Вам ясно? – Она уставилась на гостью с еще большим неодобрением. – Сэр Тимоти сказал, вы русская?

«Мисс Холодная Война». Доктор Грант отобрала у экономки свои сумки.

– Вы правильно поняли, я из России. А у нищих слуг нет. – Не сказав миссис О’Фланиган больше ни слова, она шагнула в темное чрево дома и услышала у себя над ухом сухой смешок. То, что он не принадлежал Эмме, было очевидно: пожилая леди осталась снаружи.

Хелен огляделась по сторонам, ожидая увидеть второго человека. Но просторный холл был пуст. Его освещали лампы с плафонами в виде стеклянных факелов, вделанные в перекрестья лестничных перил. От этого ступени казались яркой дорогой, парящей среди мрака.

Доктор Грант поежилась. Она любила дома потеснее и попроще. А здесь... Елена почувствовала, как холодок пробежал у нее вдоль позвоночника, и уже в следующее мгновение чья-то невидимая рука толкнула ее в плечо. Женщина помимо своей воли сделала шаг вперед.

Миновав первый пролет, она буквально уперлась носом в знаменитый портрет Дорсета кисти Джорджа Говэра, копия с которого хранилась в Эрмитаже (на родине изображение «гносного предателя», конечно, не выставлялось). Казалось, что хозяин дома собственной персоной взирает на гостью с траченного мышами полотна. Ощущение было не из приятных: вместо музейного экспоната живой человек. Перешагни раму, и ты окажешься в его мире. Впрочем, ничего хорошего этот мир не сулил.

Хелен поправила сумку и поспешила подняться по лестнице на второй этаж. Голос миссис О’Фланиган догнал ее уже на верхних ступеньках:

– Ваша комната – третья дверь направо, доктор Грант. Там растоплен камин и на кровати разложено свежее белье. Горячая вода для умывания в душевой в конце коридора. Советую поторопиться, иначе бак остынет.

«Я на заре цивилизации, – поздравила себя Елена. – Хорошо еще, что лампы не керосиновые». Рано радовалась. В комнатах не было эле-

ктричества, только свечи и газовые рожки. Последние не работали. В надежде на ужин доктор Грант решила спуститься вниз. Но поскольку ниоткуда не раздавалось гостеприимного стука посуды, а экономка, совершенно не обращая на нее внимания, обсуждала с садовником, что подать на завтрак, молодая дама почла за лучшее ретироваться обратно к своей комнате. Уже стоя на верху лестницы, доктор Грант услышала обрывок разговора.

– Закрывать двери? – спросил садовник.

– Нет, – возразила миссис О’Фланиган, – ты же видишь, хозяин еще не вернулся с прогулки.

Минут десять назад Хелен слышала, как мистер Эшвуд заводил мотор и выкатывал машину на дорожку, чтобы ехать в Лондон. Тогда ее покорило, что этот нахал даже не попрощался. Выходит, он остался в имении?

С трудом согревшись под тонким одеялом, она уже начала задремывать, когда в дверь постучали. Требовательно. По-хозяйски. Решив, что это экономка наконец сжалась над ней и принесла кружку молока с печеньем, доктор Грант распахнула створки...

За порогом царил абсолютная темнота. Остальной дом спал. Во всяком случае, света не было нигде. В слабом блеске луны, струившемся из окна в конце коридора, перед Хелен покачивалась высокая фигура. Она сразу узнала Длинного Ала. Наверное, он был пьян, потому что вел себя странно: ни «здравствуйте», ни «до свидания».

– Пошел прочь! – возмутилась молодая женщина. – Мое общество к 35 процентам не прилагается.

Она захлопнула дверь, с раздражением повалилась на кровать и только тут осознала, что у ночного гостя были длинные темные волосы, слегка шевелившиеся на ночном сквозняке. Чтобы успокоить разыгравшееся воображение, Хелен затеплила свечу, вытряхнула из сумки аптечку, накапала себе аж 30 капель валерьяны, залила их водой из графина и выпила залпом.

После чего таинственный незнакомец представился ей в кресле у камина, на потолке, в зеркале и за окном.

– Пейте на ночь виски, – посоветовал он. – Валерьянка в этом доме полагается только котам.

– Хозяин приказал вас хорошо кормить. С голоду снятся кошмары. – Утром миссис О’Фланиган была сама любезность. Похоже, она получила от кого-то взбучку за нерадушное обращение с гостьей.

Хелен была этим очень довольна. Она коршуном накинута на овсянку с яблоками, тосты с мармеладом и крепко сваренный кофе.

– Хозяин говорит: прекрасно, когда у девушек хороший аппетит. Значит, и в постели они чего-нибудь стоят. – Старый садовник Маэлз удостоился гневного взгляда экономки.

Кроме них, в столовой завтракала еще Пат, 12-летняя внучка Эммы. Как видно, она жила с бабушкой в доме, у нее были забавные конопушки и гнутые железные проволочки на зубах.

– Это чтобы сделать правильный прикус, – пояснила миссис О’Фланнган.

По мнению Хелен, поправить такой прикус нельзя было, даже выломав Пат челюсть. Внешность девочки можно было назвать невыразительной, а можно – лошадиной, в зависимости от степени англофобии наблюдателя.

А вот Маэлз, должно быть, слыл в молодости красавцем и разбивателем сердец. Он и сейчас смотрел гренадером, подкручивал пышные белые усы и откровенно заигрывал с доктором Грант.

– Я покажу вам сад, я покажу вам лес, я покажу вам окрестности. Эшвуд – милый уголок, если отрешиться от запустения.

– Да, денег не хватает, – буднично сказала Эмма.

– Опекуны несколько раз хотели продать усадьбу под снос местным фермерам, – снова встрял Маэлз. – Камень уж больно хорош. Но есть одно обстоятельство, которое никому не позволит...

Эмма кинула на садовника строгий взгляд, и он подавился шпинатом.

– А где мистер Эшвуд? – осведомилась Хелен. – Он не уехал вчера?

Сотрапезники с удивлением уставились на нее.

– Разве вы не слышали, как Алан выводил машину? – спросила Эмма. – Должно быть, этот шалопай еще в первом часу ночи был в Лондоне.

Библиотека располагалась в Часовой башне со скромной, не фасадной стороны усадьбы. Ее узкие окна-бойницы выходили в сад. Подъем по винтовой лестнице не доставил Хелен удовольствия. Было темно, и старый Маэлз, опасаясь, «как бы доктор Грант не оступилась», норовил не то приобнять ее, не то ухватить за зад. Он уже с утра «поправил голову» джином и чувствовал себя прекрасно, пока чья-то увесистая затрепщина не приструнила седого повесу.

Хелен не могла бы поручиться, но ей показалось, что она слышит раздраженный голос: «Старый пьяница!»

Крыша на башне действительно пострадала. Обугленные балки так никто и не менял с 1854 года.

– В библиотеке часто случаются пожары, – бодро сообщил садовник. – Не надо бродить со свечой! – крикнул он в пустоту за плечом

доктора Грант. – К счастью, до книг огонь ни разу не добрался. Располагайтесь. Около одиннадцати Пат принесет вам второй завтрак.

С этими словами мистер Мазлз ретировался обратно на лестницу и, судя по поспешному стуку каблуков, прямо-таки слетел вниз, как эсли бы кто-то отвесил ему крепкого пинка.

Хелен огляделась по сторонам. Очевидно, хозяева поместья меньше всего заботились о библиотеке. Чудо, что ее не залило дождем, не съели мыши и не разнес по окрестностям ветер. Защитой для книг служили громадные дубовые шкафы, походившие на гробы и, видимо, отличавшиеся такой же прочностью. Однако, открыв один из них, доктор Грант отскочила назад, потому что на нее хлынула целая армия крыс, догрызавших в утробе шкафа старинные пергаменные рукописи.

С визгом Хелен бросилась к окну и, втиснувшись в узкую бойницу, поджала под себя ноги. Серые хищники не тронули гостью – разбежались по щелям, оставив следы когтистых лапок на неметеном полу.

С опаской доктор Грант слезла с подоконника. Ей не нравились такие шутки. Библиотека встречала ее недружелюбно. Женщина на цыпочках обошла шкафы, постоянно чувствуя, что рядом с ней кто-то присутствует. Хотел ли этот кто-то Хелен добра? Скорее, он настороженно наблюдал за ней. И, кажется, слегка сердился. За что? Этого гостя пока не знала.

– Ну, открывайтесь же! – Она подошла к следующему шкафу и взялась за его створки обеими руками. Не тут-то было. Их словно заклинило. Петли проржавели, да и сами доски стояли с перекосом. Гостя попробовала другой шкаф, потом еще один – та же история. Повертев головой в разные стороны, Елена заметила в углу старую кочергу. Находка обрадовала ее, доктор Грант была упряма. Пыхтя от натуги и сдувая со лба налипшую челку, она принялась ворочать кочергой в надежде подцепить дверцу шкафа снизу.

Ее старания увенчались неожиданным результатом. Створка поддавалась, приоткрылась, а потом... весь огромный шкаф накренился вперед. За какое-то мгновение Елена успела подумать, что ее жизнь прошла даром. Что последний денежный перевод еще не отправлен маме и сынишке в Питер (как же они теперь будут без нее?). И что, уезжая, она, как всегда, не полила цветы.

Между тем шкаф, способный погрести под собой десять таких идиоток, как она, опасно накренился, застыл в воздухе. Словно раздумывал, падать ему или нет. Пока он вот так висел, Хелен, не будь дурой, шмыгнула из-под него прямо-таки с воздушно-десантной быстротой. Если бы она видела себя со стороны, столь лестное сравнение, конечно, не пришло бы ей в голову.

На четвереньках выбравшись на свободное пространство перед окном, молодая женщина села на пол и с досадой въехала кулаком по доске.

— Что я вам сделала?! — истошно заорала она, обращаясь к шкафам. — Я приехала работать! И, черт возьми, я вытряхну из вас то, что мне надо! Нечего меня пугать!

Шкаф-убийца качнулся назад и с грохотом встал на место. Остальные, видимо, тоже устыдились своего поведения и начали, поскрипывая, приоткрывать двери. Как если бы их коснулся сквозняк. Но Елена знала цену этому сквозняку!

— Я буду работать, — в последний раз предупредила она. Строгость ее тона никак не вязалась с опасливыми движениями.

Подойдя поближе к покушавшемуся шкафу, доктор Грант распахнула дверцу. Он был пуст. Совершенно. Если не считать кучи крысиного помета в углу. Это страшно разозлило Хелен.

— Сюда, — услышала она у самого уха. Женщине показалось, что чьи-то руки взяли ее за плечи и развернули в другую сторону.

Справа стоял открытый шкаф, он был сверху донизу набит старинными книгами в кожаных переплетах с тисненными золотом буквами. Не без замиранья сердца Хелен подошла к нему и осторожно коснулась пальцами потрепанных корешков. Ей пришла в голову андерсеновская строка из сказки про старый дом: «Позолота сотрется, свиная кожа остается». Действительно, позолота стерлась, вместо нее проступила чернота, но книги в крепких деревянных доспехах остались целы. Их плотная грубая бумага выдержала спор со временем, разве что пошла волнами от сырости.

Вслед за «Стеганографией» в переводе Джона Ди и «Иероглифической монадой» на латыни Хелен обнаружила арабский трактат о круговращении Земли. Были также французские издания и очень много голландских. То, что они стояли на полках не по языкам, а по тематике, говорило в пользу обширных лингвистических познаний графа.

Но главное открытие ждало ее впереди. Двигая книги на второй полке, Елена столкнула с места и едва не опрокинула здоровенную квадратную коробку из красного дерева. В таких в Европу из Нового Света привозили брикеты грубо нарубленных листьев табака. И через 400 лет слабый табачный запах дохнул в лицо молодой женщине, как только она открыла крышку.

Внутри лежали письма, вернее, черновики писем лорда Дорсета разным людям. У Хелен гулко застучала кровь в висках. «Давайте знакомиться, граф», — мысленно произнесла она, касаясь пальцами исчерканной бумаги. Порыв ветра ударил с улицы в окно. Цветные стеклыш-

ки задрожали. «Я буду очень осторожна», – пообещала женщина.

Граф Дорсет писал сильно и просто. Даже его послания королеве Елизавете не изобиловали витиеватыми оборотами придворного. Он бывал то раздражителен, то весел, но никогда скучен.

«Лорд Говард дурак! Мы не можем позволить себе построить такие же корабли, как у испанцев, – плавучие крепости, где матросы одно, а абордажный десант другое. Ближний бой с этими слонами моря для нас смертелен. Они раздавят наши суда, как скорлупки. Создать нечто подобное в короткий срок нам не по силам. Вы не хуже меня знаете, что денег нет. Но это еще не причина, чтобы посыпать голову пеплом и преклонить перед врагом знамена, даже не попытавшись вступить в бой, как предлагает Эффингейм. Наши корабли легкие, увертливые, быстрые, на них небольшие экипажи, но все до одного участвуют в драке. Я сам оснащал их новыми пушками. Быстрота и дальнобойность – единственные наши преимущества. Мы будем расстреливать неповоротливые испанские галеоны с расстояния, не позволяя им подплыть для абордажа».

– Та-ак... – У Хелен начала с легким звоном кружиться голова. – Вы еще и отец новой тактики?

Судя по письмам, Дорсет оказался жестче, чем Хелен его представляла. Пиратствующий аристократ с мощной коммерческой жилкой и склонностью к литературе. Кто из ярких людей того времени не закончил жизнь на эшафоте или в бою? Эссекс, Рэли, Дрейк... Многие плавали в Новый Свет, сражались, писали стихи, числились любимцами королев-девушечниц и положили головы под топор. Чем выделялся из них Дорсет?

Среди черновиков в шкатулке доктор Грант нашла несколько писем, адресованных в Дуэ – колонию бежавших с родины английских католиков в Италии, близ папского престола. По всем правилам Дорсет должен был порвать с «отщепенцами» и «папистами». Но не порвал. Впрочем, и отношения с близкими друзьями, вынужденными покинуть остров, складывались не гладко. Они звали графа Александра к себе, упрекали за службу «еретикам» и «отказ от истинного Бога».

Одно из писем, написанное, как видно, накануне отплытия Непобедимой Армады, было очень резким. Дорсет отвечал на обвинения и фактически ставил точку в корреспонденции. Оно было адресовано Мартину Киду, бывшему канонику церкви Св. Екатерины близ Эшвуда. Ее покрытые плющом развалины Хелен сейчас могла видеть из окна.

«Дорогой друг, со слов вашего корреспондента епископа Гонзалеса из Саламанки вы описываете радость испанских солдат и

матросов, отправляющихся в поход на Англию. Они уверены в победе, потому что идут сражаться за Бога. Хочу ответить вам словами Писания: "Многие скажут мне: Господи, Господи! Но я отвечу: Я вас не знаю". Также и испанцы, уверенные, что воюют за Христа, придут сюда резать ни в чем не повинных людей. Я грешный человек. Я много убивал сам. Но я не могу понять, когда смертный грех — убийство — считают подвигом во имя Божие.

Я был и остаюсь католиком. Мне очень тяжело оттого, что сейчас в Англии практически невозможно причаститься без риска попасть в Тауэр. Но поймите меня, я просто не могу причаститься кровью своих соотечественников!»

Хелен уронила письмо. Нет, Дорсет не был ни на кого похож. Он умел заставить ее сердце биться сильнее и через несколько веков после своей смерти.

— Довольно! — Голос над ее ухом прозвучал раздраженно.

В следующую минуту коробка с письмами сама собой поплыла и встала на место, а дверцы шкафа захлопнулись. Хелен так и осталась стоять с вытянутыми вперед руками.

На лестнице послышались торопливые шаги и звонкий голос Пат:

— Доктор Грант? Вы здесь? Я принесла вам сэндвичи.

Послесэндвичевая работа не подарила ничего интересного, и к обеду Хелен спустилась в столовую. Она намеревалась перекусить и вернуться в башню, но около трех под окном послышался автомобильный сигнал. Экономка поспешила к двери и, вернувшись, заявила прокурорским тоном:

— К вам какой-то мистер Пин... Пин...

— Пинёнжик? — Хелен так и подскочила со стула. — Как он меня нашел?

Оставив вопрос госты без ответа, Эмма отправилась в холл принимать у вновь прибывшего сумку, плащ и зонт. Даже в солнечную погоду мистер Пинёнжик никогда не выезжал без них.

Это был среднего размера колобок, еще молодой, но уже совершенно лысый, а из-за белесых бровей и ресниц казалось, что на его лице вовсе нет растительности. По происхождению он был чехом, и Хелен называла приятеля не иначе как «пан Пинёнжик». На что тот страшно сердился, поскольку слово «мистер» возвышало его в собственных глазах.

Павел Пинёнжик преподавал в Гарварде скандинавскую литературу и, по словам студентов, на экзаменах был зверем. Это тоже помогало ему избавиться от комплекса второсортности. Они подружились с Еле-

ной в Петербурге — еще до крушения «железного занавеса». А когда мир стал уютно открытым, именно Павел помог ей получить работу в Англии.

— Как ты меня нашел? — Хелен протянула руки навстречу гостю. — Рада тебя видеть! Читал заметки о конференции? Меня все еще поливают?

— Не то слово. — Пан Пинёнжик вытащил из кармана клетчатый платок и промокнул им вспотевший лоб. — Ужас, что ты натворила! Это Тимоти Эшвуд дал мне твой адрес. Я приехал за тобой. Нужно все исправить, пока не поздно.

— Я никуда не поеду, — насупилась Хелен.

— Я этого ожидал. — Пан Пинёнжик с размаху плюхнулся на стул. — Ну? Ты уже нашла, что искала? Неопровержимые доказательства, способные потрясти основы фундаментального научного знания?

— Пока нет, — промямлила доктор Грант. — Я только приступила к работе.

— Только приступила! — передразнил гость. — Хочешь, я скажу тебе правду? Которую ты, кстати, знаешь не хуже меня. Ты *ничего* не найдешь, — его голос звучал раздосадованно. — В науке чудес не бывает. Труд, помноженный на труд, — вот единственный залог успеха. Ты же сначала придумала концепцию, а потом бросилась разыскивать документы, которые доказали бы твою правоту. Надо немедленно возвращаться и заминать скандал...

Павел явно выдохся.

— Эй, мисс, как вас там? — Пинёнжик обернулся через плечо и требовательно воззрился на клетчатый фартук экономки, мелькавший в дверях кухни. — Кофе, пожалуйста, со сливками, а даме холодной воды. А то она просто шкворчит от предвкушения собственного триумфа! — Гость снова уставился на Елену. — Тебя раздавят. Бунт в науке — вещь куда более редкая, чем принято считать у обывателей. После выступления на конференции ты лишишься грантов. Исследования авантюристики никто не станет финансировать. А если ты продолжишь упорствовать в заблуждении, тебе запретят преподавать.

— Я знаю, — с неожиданным спокойствием кивнула доктор Грант. — Неужели ты думаешь, я к этому не готова?

Повисла долгая пауза. На пороге возникла Эмма с подносом в руках. Хелен заметила, что экономка поставила две чашки да еще вазочку с печеньем. Этим она выразила свой протест против тирады Пинёнжика. Оказывается, собеседники не перешли с английского на русский, и их разговор был хорошо слышен из кухни.

— Объяснись, пожалуйста, — устало попросил гость. — Зачем нужно

было усугублять дело обращением в бульварное издательство, которое печатает книги об НЛО, снежном человеке и поисках Атлантиды в сельском пруду? Одна публикация в «Хейнеманне», и с тобой никто больше не станет разговаривать.

— Никакого договора нет, — негромко сказала доктор Грант.

— Как нет? Этот недоносок Ал Эшвуд сообщил мне, что получит 35 процентов.

— Я наврала, — глядя в пол, призналась Елена. — Мне позарез нужно было, чтобы этот тип пустил меня сюда. А он заломил цену...

— Я уже не знаю, что о тебе думать. — Пинёнжик не сдержал вздоха облегчения. — Пойми и меня тоже, ведь это я тебя рекомендовал...

— Жаль, если я тебя подвела. — Елена сокрушенно покачала головой. — Но есть обстоятельства... Можешь считать, что я всю жизнь была сумасшедшей, просто ловко скрывала это от окружающих. И моя прежняя карьера, и имя, и книги существовали лишь для того, чтобы в один прекрасный день я смогла сказать то, что сказала.

— Эффект был поразительным, — бросил Павел. — Объясни, зачем тебе это? Оставим науку. Лично тебе?

— Лично мне, — повторила доктор Грант, машинально кроша пальцами печенье на подносе. — В том-то и дело, Павел, что лично мне. Лет в 13 я впервые услышала имя Дорсета. Краем уха. Не понимая, о чем речь. Мне показалось, что кто-то уколол меня в сердце золотой иглой. С тех пор я стала искать, где бы узнать об этом человеке. И все, что я читала, вызывало у меня досаду, я как будто знала, что было не так. Это и явилось толчком моей научной карьеры.

— Шизофрения, — потрясенно констатировал Пинёнжик. Его «лысое» лицо сморщилось, как гриб-моховик, из красных мышинных глазок готовы были побежать слезы. — Бедная дурочка! И бедные мы все, кто здесь оказался. Русские, поляки, чехи. Мы не вписываемся в этот мир, просто делаем вид, что играем по его правилам. А внутри у нас... — Пинёнжик извлек из кармана свой платок-парус и шумно высморкался в него. — Ты потрясающая женщина! И знаешь, может быть, как раз ты и есть настоящий ученый. Нельзя же исключить из науки интуицию, предвидение...

— И помешательство, — сквозь слезы рассмеялась доктор Грант.

Пинёнжик пробыл в гостях еще около часа. Он опасливо поглядывал на портрет Дорсета и наотрез отказался подняться в библиотеку.

— Знаешь, у меня такое чувство, будто дом выталкивает меня, — признался он. — Поеду-ка я отсюда.

На улице дверь машины хлопнула за ним с такой силой, точно ее толкнули снаружи. А мотор, который у Павла, как и у всякого гума-

нитария, заводился с третьей попытки, тут вдруг взревел сразу, и старенький джип рванул с места на 3-й скорости, как в голливудских боевиках.

Вечером смотрели TV на половине слуг. В какой-то момент показали охваченный огнем Иерусалим, арабских боевиков, забрасывающих гранатами Стену Плача, и израильские танки на подступах к Дженину. «А она была египтяночка, а он был иудейский солдат» – всплыла в голове у Хелен старая песня Юза Алешковского времен Шестидневной войны. И тут на экране во всю ширь расплылось лицо Венички Граната. Он был в форме цвета хаки, что-то кричал в рацию и энергично махал рукой.

– Это мой муж Вениамин, – не без гордости сказала доктор Грант Эмме и потыкала пальцем в экран.

– Какой ужас! – искренне возмутилась та. – А мистер Эшвуд говорил, что он у вас священник.

– Мне тоже казалось, что Веня хочет стать ребе, – вздохнула Елена. – Но, как видите, он выбрал «путь самурая».

Ночь прошла спокойно. Как видно, привидения тоже способны уставать. Двиганье шкафов, гоньба охотничьих крыс и выпроваживание незваных гостей отнимают много сил. Во всяком случае, спать лорд Дорсет не мешал, а спал ли он сам – сия тайна велика есть.

На следующее утро Хелен снова поднялась в библиотеку. Методично выгребая полку за полкой на пол и перелистывая старинные рукописи, она нашла много любопытного. Счета по постройке Эшвуда, рытью канав и огораживанию пастбищ. Корабельный дневник судна «Пеликан», которым во время плавания в Новый Свет командовал Дорсет. Но самым интересным была любовная переписка графа. Слабое место любого повесы.

Взяв с полки толстенный латинский молитвослов, Елена, конечно, не удержала этот кадавр переплетного искусства в руках. Книга полетела на пол, и из нее, как бабочки, выпорхнули сложенные вдвое листки – записки со стихами и признаниями. Он прятал их в святая святых – запрещенной религиозной литературе. Чего в этом было больше – богохульства или уважения к своим чувствам? Кстати, за хранение такого вот молитвенника, удачно прозванного католиками «Розарий», графа Александра уже могли привлечь к суду.

Хелен не без внутреннего смеха развернула первый листок, и почти тут же пол в библиотеке начал подрагивать. Хозяин дома сердился.

– Вы неуместно застенчивы, граф, – с досадой сказала доктор Грант. – Сколько лет прошло!

Она сложила листки обратно, поставила книгу на место и весь остаток дня продолжала работать с тем, что ей позволялось. Но любопытство Хелен было возбуждено не на шутку. Ей хотелось знать – как он любил? Какие слова находил для своих чувств? Был ли настолько же самоуверен и эгоистичен, как большинство мужчин его времени? Видел ли в женщине что-нибудь, кроме игрушки для своего тщеславия?

Доктор Грант чувствовала, что поступает нехорошо, но без мелких любовных глупостей образ Дорсета был для нее неполон. Ночью она вооружилась керосиновой лампой и отправилась в башню. Сумрак, желто-красные отблески от стеклышек светильника, грозно сгрудившиеся шкафы, готовые дать отпор любому, кто покушается на их тайны. Елена быстро нашла «Розарий» и распахнула его прямо на Песне Песней, где лежали наскоро запихнутые днем записки. Россыпь чужого счастья выпала ей на колени. Она ни на мгновение не испытала стыда. Если бы Хелен знала, чем все закончится, она вернула бы книгу на место и больше никогда не посмела бы подсматривать за людьми в замочную скважину времени.

Но в тот момент ее охватила эйфория. Граф Дорсет умел любить. Он требовал от женщины всего, но и сам готов был отдать все сразу. Это его и погубило. Избранницей адмирала стала некая Анна Уорик, соседка по поместью и... «смуглая леди». Совсем как у Шекспира. То ли старина Уилл так поразил современников своей темноволосой музой, то ли в Англии того времени пруд пруди было брюнеток.

Однако «темная дама», как еще можно было перевести оборот «dark lady», оказалась темной во всех смыслах. Пиковая масть – не стоило связываться. Сам граф Александр к этому моменту лет десять как овдовел. Его кумир была замужем за шерифом городка Тилбери, скрягой лет на 40 старше нее. Честный Дорсет сначала предложил старику отступные – 100 тысяч дукатов, половину суммы, привезенной из Нового Света. А получив отказ, затеял ссору, вызвал на дуэль и, не долго думая, проткнул шпагой.

Красавица ликовала. Брак с убийцей мужа возводил ее на более высокую ступень. Мало того, что Дорсет был богаче и знатнее шерифа провинциального городка, он еще мог представить Анну ко двору. Но едва ли она любила нового избранника больше, чем мужа.

Карты спутал случай. Незадолго до венчания граф застал обожаемую даму на сеновале с конюхом. Что бы, вы думали, сделал наш блистательный пират? Убил одним ударом обоих и побрел по берегу в тоске? Ничуть не бывало. Он приказал схватить любовников, привезти священника и насильно обвенчать леди Уорик с тем, кого ее сердце предпочло ему, графу, лорду и адмиралу. То есть с конюхом. «Живите сча-

сливо, мадам, и помните мою справедливость». Это было написано по-французски в последнем письме.

Судя по тому, что в нескольких письмах к друзьям, которые Хелен читала прежде, леди Уорик была названа «отравительницей», ей удалось избавиться и от второго мужа. Что ни говори, а чудовищный мезальянс, в который вверг ее «справедливый Дорсет», позорил леди едва ли не больше, чем публичный блуд на площади. Была ли «темная дама» как-то замешана в дальнейшей судьбе графа Александра, пока оставалось неясным.

Хелен так увлеклась романом, разворачивающимся у нее на глазах, что не заметила изменения, произошедшего в библиотеке. Ступеньки проскрипели, ставня хлопнула, а потом... Потом пол затрясся с такой силой, что на него посыпались книжки с полок, сами полки и, наконец, шкафы. Керосиновая лампа упала, стекла разбились, горячая жидкость вытекла на сухое старое дерево и вспыхнула. Елена так испугалась, что несколько секунд не находила голоса, чтобы закричать, а потом завопила истошно, как ребенок в «Пещере Ужасов».

Башня продолжала ходить ходуном еще некоторое время. Но когда огонь принялся лизать рукописи, рассыпанные на полу, а заветный «Розарий» полыхнул синим пламенем, тряска прекратилась. В библиотеке стало ощутимо холодно. Даже морозно. Из книг про полтергейсты доктор Грант знала, что замогильный холод – явный признак присутствия мертвецов. Но сейчас лучше было замерзнуть, чем сгореть. Она своими глазами видела, как по полу и по стенам побежал иней, и ледяной ободок начал теснить круг огня. Пламя бушевало только там, где растекся керосин, но вскоре оно утихло, оставив черную отметину на половицах, похожую на след от сгоревшего утюга.

Хелен почувствовала, как чьи-то невидимые пальцы легли ей на горло так, что больше кричать она не могла, приподняли ее над полом, с силой трянули, а потом разжались. Женщина упала, ударившись коленями. Где-то внизу хлопнула дверь. Звук был настолько гневный, что доктор Грант не сомневалась, кто вышел из библиотеки. Она сидела на полу и плакала, как побитая собака, пока разбуженный шумом мистер Мазлз не пришел за ней.

В просторной столовой первого этажа собрался опекунский совет по управлению усадьбой. В окружении этих чопорных господ доктор Грант чувствовала себя подсудимой. На нее взирали с крайней неприязнью. Оказывается, усадьба за последние полвека горела 13 раз. Однако только сейчас появилась возможность объявить кого-то виновным. Все пожары начинались в библиотеке. Впрочем, там же и заканчивались.

— Хозяин всегда был очень неаккуратен с огнем, — пояснила гостье Эмма. Как ни странно, экономка пыталась поддержать и ободрить ее. — Положитесь на Бога, — сказала она, сжимая локоть Хелен. — Хозяин сам виноват. Вот увидите, он все уладит.

В тот момент доктор Грант не могла и предположить, что миссис О'Фланиган имеет в виду под словом «уладит».

— Итак, — сказал самый старший из присутствующих гостей, адвокат Николас Эшвуд, — у нас опять чрезвычайное происшествие. И опять в замке. Эта развалюха уже порядком всем надоела! Сколько можно терпеть? То рухнет свинарник и придавит ни в чем не повинных людей...

— Хочу заметить, воров, — подал голос антиквар Тимоти. Он сам чувствовал себя здесь неловко и бросал виноватые взгляды на Хелен.

— Чушь! — протестовал Николас. — Прохожие. Спрятались от дождя...

— Ага, и прихватили поросенка! Вот призрак и рассердился.

Все разом загалдели.

— Это не дом, а куча неприятностей! — трубным голосом заявила полная высокая дама, Юфрасин Этли, в девичестве Эшвуд, директор колледжа в Вутоне. — Помните, что случилось в позапрошлом году, когда мы все-таки решились продать развалюху на снос? Фермеры уже пригнали бульдозеры, как вдруг они стали сами собой ездить туда-сюда, а один даже угодил в пруд и ржавеет там до сих пор. Бульдозерист утонул.

— В нашем пруду по колено! — прервал ее сэр Тимоти.

— А что творилось здесь прежде! — подали голос две старые девы. Они были близнецами и даже на пороге 80-летия одевались одинаково, а недавно начали говорить хором. — Помните историю про сквайров Николби, соседей Дорсета? Вскоре после его казни они поехали в лес охотиться, и собственная свора набросилась и растерзала их. А перед смертью старший видел высокого белого всадника, который подъехал и молча смотрел на все на это.

— Вы глупости говорите, — не выдержал адвокат. — Как он мог рассказать о том, что видел перед смертью, если умер?

— Нет, не глупости, не глупости! — заспорили близнецы.

— Вспомните, что стало с судьей Уоли, — поддержала их Юфрасин. — Его повесили за бороду прямо в ратуше над столом заседаний. А когда слуги хотели снять беднягу, неведомая сила оторвала ему челюсть.

— А пресвитер Бертон, протестантский проповедник? Они с Дорсетом при жизни не ладили, так после казни графа Бертон выбросился из окна церкви Святой Екатерины. Пастух видел, как его просто вышвырнуло через витраж с розой.

«Граф, да вы убийца!» — хмыкнула про себя Хелен.

«А вы думали, я всю жизнь писал любовные сонеты?» — расслышала она возле своей щеки.

— А что стало с леди Уорик? — поддержал всех адвокат. — Дорсет изводил ее еще при жизни. Убил мужа, обесчестил, а когда она ему надоела, выдал замуж за конюха! В насмешку. Ни людей, ни Бога не боялся!

— Но это неправда! — не выдержала Хелен. — Неправда, — повторила она уже тише, когда все взгляды обратились к ней. — Леди Уорик сама спровоцировала убийство первого мужа и предала Дорсета...

Ее словно только что заметили и воззрились с откровенной гадливостью.

— Вы уж лучше молчите, — посоветовала проходившая мимо с десертом на подносе Эмма. — Не стоит откровенничать насчет дел хозяина. Он сам их приструнит.

— И, наконец, эта женщина, — заявил сэр Николас, поднимаясь из-за стола. — Венец всех неприятностей. Кто ее сюда притащил?

— Моя инициатива, — приподнял руку Длинный Ал. — Она работала в нашей библиотеке.

— Она ее чуть не сожгла! — загремел адвокат.

— Она должна выплатить нам компенсацию! — пискнули близнецы. — И пусть убирается! Она еще и иностранка!

— Она русская. Профессор, — попытлся защититься Длинный Ал.

— Тем более! Она тут что-нибудь взорвет. Террористка! Кому она нужна?

«Эта женщина нужна мне!» — громкий голос прокатился над столом от самой двери до окна в сад. От удара звуковой волны створки распахнулись.

Повисла глубокая тишина. Было слышно, как по ноге Юфрасин, журча, стекает струйка. Сэр Николас вцепился в край стола и не замечал, как Длинный Ал нервно тычет ему в тарелку сигаретой.

«Мне повторить? — гаркнул тот же голос. — Вон!!!»

Опекуны вскочили с мест и, сбивая друг друга с ног, ринулись к дверям. Хелен зажала руками уши. Она не понимала, откуда взялся ветер. Целый ураган дул с лестницы в холле, срывая со стен охотничьи ружья, головы лосей и кабанов, старинные секиры, пейзажи в толстых рамках. Тарелки полетели на пол. Поднявшись в воздух, скатерть зацепилась за люстру. Сама же люстра с каждой минутой раскачивалась все опаснее.

Лишь поспешное бегство спасло захватчиков от полного разгрома. За столом остался сидеть только сэр Тимоти. Он сокрушенно качал го-

ловой и то и дело протирали очки, стекла которых были запорошены сахарной пудрой.

— Друг мой, — мягким, увещательным тоном обратился антиквар к люстре, — хватит. Они уже сбежали. Если позволите, я сам объясню девочке, в чем ее ошибка. Ступайте, успокойтесь. Дайте Эмме прибраться.

Дутье и раскачивание прекратилось. Еще через минуту сильный сквозняк прошелестел через комнату и зашуршал ковровой дорожкой на лестнице.

— Ну и чем вы ему не угодили? — Добрые круглые глаза сэра Тимоти уставились на Хелен. — Я лет десять не видел его в таком гневе. А чтобы снова подпалить библиотеку, ему нужна была веская причина.

Доктору Грант пришлось рассказать правду. Антиквар повздыхал.

— То он жалуется, что его все забыли. То не может пережить искреннего интереса к себе. Призраки очень эмоционально неустойчивы. И, учтите, питаются вашими чувствами. Чем больше вы о них думаете, тем они сильнее.

— Но я только и думаю о нем, — протянула Хелен. — Тем более здесь.

— Вот именно, — кивнул антиквар. — Его ведь тоже можно понять, он уже почти растворился в окружающем мире. Превратился в ничто. И тут вы со своими сенсациями. Будоражите, подпитываете. Не следовало бы этого делать.

— Вы что же хотите — чтобы он умер? — искренне испугалась доктор Грант.

— Но он умер, — настойчиво подчеркнул сэр Тимоти. — Не лучше ли оставить его в покое?

— Вы не правы. — Эмма, возившаяся в углу, отложила веник. — Он не может обрести покой. Если доктор Грант найдет доказательства его невиновности и обнародует их, душа хозяина освободится. Не раньше.

— Может быть, может быть, — кивнул Тимоти. — В последние годы он даже разговаривать перестал, хотя заходил ко мне в гости, играл в шахматы... А сегодня вон что выкинул! Наелся ваших эмоций, Хелен, и воспрянул духом.

— И очень славно, — парировала Эмма. — Давненько хозяин не устраивал таких погрэмов. Это его взбодрит.

Вечером снова смотрели TV. На этот раз новости с переднего края борьбы с терроризмом ворвались в тихий британский быт. В Лондоне под эгидой ОБСЕ состоялись переговоры главы Израильского государства с главой Палестинской автономии. В толпе дипломатов Елене опять

пригрелся Веничка. Он был в восхитительном кремовом костюме и снова держал в руках рацию. «В Моссад он, что ли, записался? Ездит по всему миру! Ну, хорошо, позавчера была хроника. Но сегодня-то что он делает в Англии?»

В Британии тоже существовали отрывные календари. Выбросив очередной листок, миссис О'Фланиган предупредила гостью строгим голосом:

– Сегодня вечером вам лучше накрепко запереть дверь и не выходить, что бы вы ни услышали. 15 июля. Дата в истории этого дома не самая приятная.

Доктор Грант посмотрела хронологическую таблицу жизни своего героя. 15 июля 1588 года – день ареста графа Дорсета. Возможно, в ознаменование этой черной даты призрак буянит? Тогда закрывать задвижки – не лишняя предосторожность, ураган может сорвать двери с петель.

Весь день Хелен работала совершенно спокойно. Граф не давал о себе знать. В восемь она спустилась к ужину. За столом чувствовалась общая нервозность. Пат грызла ногти, мистер Маэлз то и дело прикладывался к бутылке с пивом, Эмма шикала то на одну, то на другого. Все разошлись по своим комнатам раньше обычного. Елена услышала, как внизу щелкают засовы.

Доктор Грант последовала примеру остальных обитателей усадьбы, а потом зажгла три свечи, забралась с ногами в кресло и взяла газету. Через некоторое время она поймала себя на том, что перечитывает одну и ту же строку, совершенно не понимая смысла. Ее потуги были прерваны шумом со двора. Хелен с облегчением отшвырнула газету и подбежала к окну. Ничего не было видно, казалось только, что возле самой двери толпятся люди, храпят лошади и мелькают огоньки.

Доктор Грант догадалась задуть свечи и не без опаски вернулась к окну. Мир снаружи преобразился. Первое, что ей бросилось в глаза, – исчезновение бульдозера посреди пруда. Да и сам пруд, вернее, пруды выглядели иначе: не два, а целый каскад от дома и дальше через парк к воротам. Лес отступил, освобождая место клумбам и лужайкам, вокруг которых темнели низкие изгороди кустарников.

Но не они сейчас привлекли внимание Хелен. У дверей усадьбы действительно собралась целая толпа. Люди с факелами, множество собак, кони, которых держали в отдалении лакеи. Настроены гости были решительно. Судя по стуку топоров, они рубили дубовую дверь, а когда та поддавалась, хлынули внутрь с криками «Смерть негодяю!».

С первого этажа доносился такой грохот, что женщина в испуге зажала уши. Но через минуту любопытство пересилило. Что они могут ей

сделать? Это призраки, фантомное воспроизведение событий, которые давно произошли. Эмоциональная проекция. Слишком яркая, чтобы раствориться во времени... «Скорее всего, они меня даже не заметят, ведь мы существуем в разных временных стратах...»

Утешив себя этими рассуждениями, Хелен толкнула дверь. О Боже! Дом жил какой-то совершенно новой жизнью. Хотя все новое – хорошо забытое старое. «Позолота сотрется, свиная кожа остается». Так вот, на этот раз на кожаной обивке стен проступали и позолота, и изысканное тиснение. Панели из мореного дуба поблескивали чистотой. Резной ореховый потолок в коридоре не был окутан паучьими коконами и демонстрировал толстощекие лица деревянных ангелов. Словом, дом был таким, каким запомнил его Александр Дорсет в день ареста. И теперь Хелен словно находилась внутри его памяти.

Крики внизу не смолкали. Женщина поспешила к лестнице и застыла за углом, не смея высунуться на освещенное пространство. Ей было хорошо видна фигура хозяина усадьбы. Он стоял на средней площадке, спиной к собственному портрету. Как видно, граф только что вскочил с постели. Его белая рубашка, небрежно заправленная за ремень, сапоги со спущенными голенищами и всклокоченная голова говорили об этом совершенно ясно. В руках он держал тяжелую шпагу-эспадрон.

– Что вам угодно, господа?

Этот голос она узнала бы из тысячи. Именно таким грозным рыком Дорсет вчера разогнал опекунов, заявив: «Эта женщина нужна мне!»

Возле лестницы загалдели еще громче. Хелен высунулась из-за угла, чтобы получше рассмотреть нападающих. Их было человек 30. Толпа грозно щетинилась палашами и алебардами, но подступать ближе не решалась.

– Негодяй! Предатель! – выкрикнул кто-то из задних рядов. – Ты продался испанцам!

– Это ты, Николби? Или твой брат? – усмехнулся Дорсет, стараясь рассмотреть крикуна. – Когда вы открываете пасть и твякаете, то особенно похожи друг на друга!

– Берите его! Чего вы смотрите? – раздался еще один голос. Вперед выступил грузный лысеющий мужчина в красном судейском плаще.

«Судья Уоли», – догадалась Хелен. Его рыжая, как огонь, борода загибалась крючком, за нее так и хотелось дернуть.

Призыв судейского не возымел действия. Незванные гости толпились внизу, боясь сделать шаг на ступеньки.

– Дети мои, католик все равно что испанец! Даже слуги оставили его. Раздавите гадину! – За спинами сгрудившихся в холле сквайров

мелькнула черная шляпа с круглыми полями. Пресвитер Бертон был одет почти как мирянин, только отложной черный воротник с белой окантовкой делал его похожим на священника. – Который год граф не отдает нам, истинным сынам Божиим, церковь Святой Екатерины. Хотя старый каноник удрал в Дуэ!

Сквайры возмущенно загудели, потрясая алебардами и пиками домашнего изготовления.

– Вы пришли за ключами от церкви, святой отец? – издевательским тоном осведомился Дорсет. – Сильный ход. А что, после смерти вам тоже понадобится эта орава, чтобы вломиться в рай?

Преподобный Бертон побагровел.

– Нет, мы пришли, чтобы убить тебя! – Оказывается, среди «гостей» была женщина. Леди Уорик, «темная дама». Хелен сразу узнала ее, хотя не видела даже портрета. Она выступила из-за спин братьев Николби и подошла к лестнице ближе всех.

– Ты думал, что твое богатство и положение позволяют тебе безнаказанно глумиться над нами, простаками из сельской глуши?

На взгляд Хелен, в ней не было ничего красивого. Тонкие губы, тонкий нос, тонко подведенные змеиные глазки. На лбу написано: стерва. И что мужчины находят в таких? Тем не менее Дорсет весь подобрался, как только увидел ее. Сжался в комок. Хелен это прекрасно чувствовала, ведь она находилась «внутри» его эмоций. Ох, как ему было в тот момент больно. Ни Николби, ни судья, ни пресвитер не вызывали ничего подобного.

– Убирайся, – только и сказал он.

– Ты обесчестил меня, ты убил моего мужа! А теперь все, что ты находишь для меня, – это «убирайся»? – Леди Уорик просто исходила ненавистью. – Бейте его, честные сквайры!

– Назад! – рявкнул Дорсет. – Все вместе вы меня, конечно, убьете. Но предупреждаю: первых трех заколю я! – Вытянув перед собой шпагу, он сделал шаг вниз по лестнице. Толпа инстинктивно качнулась назад.

– Его нужно взять живым. – Этот ровный ледяной голос принадлежал джентльмену, которого Хелен сначала не заметила. Он стоял у самой двери, затертый толпой, и со скучающим видом наблюдал за происходящим.

– Эффингейм, – выдохнул Дорсет. По его лицу промелькнула тень. – Ты узнал, что бумаги у меня.

– Тебе конец, – флегматично протянул лорд Говард. У него была серебряная бородка, усталое, иссеченное морщинами лицо и круглые глаза без выражения. – Каким же идиотом надо быть, чтобы пытаться

противостоять Армаде! Только переговоры, которые я веду, помогут избежать разгрома.

— Мерзавец! — выкрикнул граф Александр. — Люди, да разве вы не слышите, что он говорит? Предатель он!

— Этим людям хорошо заплачено, — бросил Эффингейм. — И слышать они будут то, что я прикажу. Например, как ты признался в связях с испанцами. Взять его!

Сразу несколько псарей спустили собак, и те ринулись вверх по лестнице. Псы сбили графа с ног, а за ними уже спешили сквайры. Они топали, кричали и колотили ненавистного врага ногами.

— Живым! Я сказал, он нужен живым! — надрывался лорд Говард.

Его расслышали, хотя и с опозданием. Граф Александр был поднят на ноги. Его рубашка превратилась в клочья, с разорванной губы струилась кровь. Собаки порядком потрепали «дичь», и теперь он шел, прихрамывая.

— Отведите его туда. — Эффингейм ткнул пальцем в сторону столовой.

Там Дорсета распластали на обеденном столе. Хелен столько раз ела здесь и не предполагала, что на этих самых досках лицом вниз лежал ее герой, давсь кровью, лившей из носа и помятого псами горла.

— Держите его крепко, — приказал лорд Говард. — Я хочу знать, где бумаги. — Он подошел к камину, разворошил и раздул угли и положил на них кочергу. — Где письма, которые ты у меня украл? — С раскаленным железом в руках Эффингейм склонился над врагом. — Я тебе испорчу рожу, подонок! Католическая свинья! Будешь знать, как перехватывать чужую почту.

Конец красной от жара кочерги впился в щеку Дорсета. В то самое место, на котором у Длинного Ала красовался сейчас кельтский трилистник.

Граф закричал, но не проронил ни слова.

— Еще? Ты получишь еще. Прежде чем отвезти тебя в Тауэр, мы проведем следствие на месте. Не правда ли, судья Уоли? — Он снова взялся за кочергу, и Хелен всем естеством почувствовала, как Дорсет напрягся.

— Нет! — завопила она дурным голосом и кубарем скатилась с лестницы. — Не трогайте его! Не смейте! — Протаранив толпу «гостей», как ледокол, доктор Грант кинулась к столу и вцепилась лорду Говарду в шею. — Отпусти его, ублюдок! — Ее руки схватили пустоту. Мелькание огня перед глазами потухло. Ошеломленная Хелен стояла в совершенно пустой комнате. Камин не горел. Ночной ветер слабо шевелил шторы на окне и обвисшие края скатерти.

Видение исчезло. Не в силах справиться с пережитым потрясением, женщина села на пол и в оцепенении уставилась перед собой. Так она просидела до тех пор, пока часы не пробили три, а небо за окном не начало сереть. Тогда, с трудом поднявшись на ноги, Елена побрела в свою комнату. Она чувствовала себя усталой и опустошенной.

Наутро приехал Вениамин. Это был неожиданный и нежеланный визит. Хелен разлепила опухшие веки, поплескала в лицо воды, пару раз дернула расческой по волосам и спустилась вниз в халате, накинутом на пижаму.

— Ты плохо выглядишь. — Веничка, как всегда, был гладко выбрит и благоухал одеколоном «Ориенталь». — Ты принимаешь наркотики?

Елена задрала рукава, демонстрируя ему девственную чистоту своих рук.

— Пять лет тебя вообще не интересовало, как я выгляжу. — Она хотела опуститься за стол, но, вспомнив, что вчера здесь происходило, немедленно встала. События минувшей ночи казались ей очень реальными. А сегодняшний разговор с Вениамином — полным сюром.

— Чего тебе надо? — с досадой спросила она.

Веничка глубоко вздохнул, как делал всегда, когда собирался брякнуть какую-нибудь глупость.

— Понимаешь, Елена, мы нехорошо расстались тогда — в Питере. И я знаю, я полный козел, что не писал тебе...

— Не посылал денег, — резко поправила женщина, — не мне, а сыну. И кстати, Веня, где пейсы?

— Какие пейсы? — передернул плечами гость. — Пойми: сейчас там полная задница. Еще хуже, чем у нас в 91-м. Мне удалось пристроиться референтом в одну депутатскую группу из Кнессета... Я решил выбираться. Мы ведь с тобой официально так и не развелись. Ты сейчас здесь, в Лондоне, у тебя хорошая работа, связи. Помогите мне пристроиться. Мы могли бы...

— Извини, Веничка, ничего не получится. — Голос Хелен звучал холодно и отстраненно. — Я собираюсь вернуться в Питер, купить квартиру и какое-то время жить безбедно. Сколько мальчик может расти сиротой?

Гость смотрел на нее так, словно Елена святотатствовала. Женщина отвернулась, собираясь выйти из столовой, но Вениамин схватил ее за плечо и притянул к себе.

— Вспомни, нам же было хорошо...

Он был такой гладкий и благоухающий, а она вся помятая, теплая, в запахах недавнего сна. Ее помятость настолько не сочеталась с его ло-

щенным блеском, что оба разом почувствовали фальшь. Веня разжал бы руки сам, еще до того, как Хелен отвесила ему пощечину. Но в этот момент кто-то невидимый схватил гостя за шиворот и тряхнул с такой силой, что оторвал не только от бывшей супруги, но и от пола. На какое-то мгновение горе-дипломат повис в воздухе метрах в двух над столом и стал угрожающе раскачиваться, чем напомнил Хелен маятник Фуко. Пару минут она наблюдала за этим с мстительным удовольствием. Но когда Веничкин галстук недвусмысленно захлестнулся за люстру, Хелен поняла, что сейчас ее благоверного повесят в назидание всем злостным алиментщикам.

– Дорсет! Не надо! Прошу вас! – крикнула она пустоте. – Отпустите его! Не хватало здесь еще и труп!

Вместо ответа гостя за галстук поволокли к окну, резким пинком распахнули створки и швырнули на крышу посольского «шевроле», на котором он приехал. Крыша погнулась, но Веничка был жив.

– Истеричка! Сумасшедшая! – кричал он все время, пока слезал, дергал не в ту сторону дверь машины и заводил мотор. Наверное, Гранат решил, что его бывшая жена способна сама устраивать полтергейсты.

– Вы довольны? – Хелен снова плюхнулась за стол. – Из-за вас я прослыву маньячкой.

Ей никто не ответил.

В эту ночь доктор Грант проснулась от сквозняка. Она села в кровати и увидела, что камин в ее комнате горит с невероятной тягой. Перед ним в кресле сидел граф Дорсет. На его щеке красовался след от «вчерашнего» ожога.

– Я должен извиниться перед вами за то, что устроил сегодня в столовой, – сказал он, глядя на нее.

– Это вовсе не обязательно, – пожала плечами женщина. – Почему бы вам не извиниться за то, что вы устроили вчера, третьего дня или когда пытались уронить на меня шкаф?

Он вымученно улыбнулся.

– Простите меня, Хелен. За последние 400 лет мои нервы стали ни к черту. Я не ожидал, что вы кинетесь меня защищать. Спасибо.

– А чего вы ожидали? – Доктор Грант насупилась. – Что я буду стоять и смотреть, как эти ублюдки...

Граф поднял руку.

– Все они давно умерли. Даже их кости истлели в могилах. Я не виноват, что при аресте всплеск моих эмоций был слишком сильным и оставил эту... галлюцинацию. На память будущим поколениям. – Он по-

пытался усмехнуться и тут же коснулся пальцами щеки, как если бы она все еще болела.

— Значит, вы отдали Эффингейму документы? — разочарованно протянула Хелен. — Поэтому я ничего не могу найти.

— С чего вы взяли? — На лице графа отразилось мгновенное торжество. — Конечно, мне досталось. Но письма здесь. — Он протянул Хелен увесистую пачку конвертов, перетянутую рассыпающейся веревкой. — Они хранились в нише за портретом. Я перехватил переписку лорда Говарда с испанцами и... был наказан. — Дорсет развел руками. — Не укради.

Пачка лежала на столе. Хелен даже не потянулась к ней. Она во все глаза смотрела в лицо ночного гостя и не могла поверить в его призрачность.

— А почему вы не отдали мне письма сразу? — спросила она. — Как только я приехала? Ведь вы меня за этим и позвали.

— Ну, — граф чуть поколебался, — я не был ни в чем уверен. Я слышал ваш разговор с моим пра-пра-пра... с этим Длинным Алом в «Мельнице» и решил, что вы делаете это ради денег, ради сенсации... А когда понял, что нет, просто хотел задержать вас подольше в усадьбе. Здесь очень скучно, поверьте.

Хелен протянула руку, но не посмела коснуться его плеча.

— Призраки, если их не питать, мало-помалу впадают в спячку, — продолжал Дорсет. — Последние лет 30 я пробыл в таком состоянии. Не жил и не умирал. Истончился до предела. И тут вы со своей конференцией. Меня точно молнией тряхнуло. Оказалось: ничего не ушло, ничего не забылось. Все имеет такое же значение, как и в день казни. Простите меня. Я пытался вами, как вампир, и посмотрите, что из этого вышло. — Дорсет вытянул вперед ладонь, пытаясь что-то продемонстрировать Хелен. — Через нее не видно огня! В присутствии людей мы становимся плотными. Даже обретаем начатки чувств. Сейчас я ощущаю жар пламени, холод ночного воздуха, могу даже попробовать вино. Перед уходом вы подарили мне несколько дней жизни. Но, — граф постучал ладонью по пачке писем, — мне пора.

— Подождите, — ахнула Хелен. — Я вас больше не увижу?

Граф замялся.

— Прежде чем уйти, я хотел бы попросить вас об услуге.

— Мы думаем об одном и том же?

— Надеюсь, что да. Закройте глаза, — попросил он. — Я могу быть либо видим, либо осязаем вами. На большее меня не хватит.

Хелен зажмурилась и вытянула вперед руки. Через секунду она ощутила тепло его дыхания на своем лице.

– Скажите честно, вы сегодня взбесились не потому, что хотели защитить меня от Вениамина, а потому, что приревновали к нему?

– А вы что чувствовали, когда листали мою любовную лирику? Вы готовы были задушить леди Уорик, хотя бедняжка уже давно в аду.

Сонное утро стучалось в окно, но ему не открывали. Елена не жила свое счастье до тех пор, пока грохот чего-то тяжелого внизу не заставил ее проснуться окончательно. И тут же пронзительное чувство одиночества обступило ее со всех сторон. Кровать была помятой и теплой, на туалетном столике беспорядок, халат переброшен через спинку кресла. И все же комната казалась совершенно пустой. Осиротевшей. Нежилой. Как будто из нее вынесли всю мебель и даже сорвали обои со стен.

Дорсет ушел.

Хелен босиком выбежала на лестницу. Ощущение пустоты не пропало. Душа покинула дом, и он теперь стоял грустной развалюхой, не нужной никому, кроме стаи хищных фермеров, зарящихся на кирпич.

Доктор Грант спустилась вниз. Эмма стояла у мойки, держала две тарелки в руках и не знала, что с ними делать. Ее глаза были красными.

– Он бросил нас, – тихо сказала экономка. – Хозяина больше нет. Я всегда так желала ему этого, а когда случилось, реву, как белуга. Простите.

Хелен рухнула за кухонный стол и вцепилась руками в волосы. Ночью Дорсет был настолько хорош, что она лучше согласилась бы всю жизнь жить с привидением, чем отпустить его.

– На что же вы теперь будете существовать? – спросила она у Эммы. – Вы и Пат. Так нечестно. Почему он об этом не подумал?

– Он подумал. – Миссис О'Фланиган похлопала ее по плечу. – Он обо всем подумал. Вам принес письма. А мне – вот это. – Эмма сняла с полки и показала Хелен небольшой ларец из черного дерева. – Там жемчуг. Из Нового Света. Я должна положить его в банк. Хозяин вот здесь написал, под какие проценты. – Экономка вытащила из кармана фартука листок. – И мы с Пат до конца дней не будем знать горя. – Миссис О'Фланиган стала вытирать фартуком лицо. – Он даже оставил кое-что этому пьянице Маэлзу...

Хелен ее уже не слушала. Она вдруг вспомнила, что почти неделю не пользовалась мобильным телефоном. А надо позвонить Длинному Алу и договориться, когда он заберет ее из усадьбы.

Эшвуд приехал в тот же день около пяти и выглядел не то чтобы пьяным, нет, но глаза какие-то... Хелен называла такой взгляд «не на ме-

сте». Отсутствующий и одновременно сосредоточенный. Ей вдруг захотелось тоже обдолбаться. В пень. И забыть обо всем. Или увидеть там Дорсета. Хотя Дорсет сейчас не там. Слава Богу, что не там!

— Доктор Грант, не нужно никуда ехать, — опасливо сказала Эмма, вынося сумки гостии к машине. — Мистер Эшвуд не в себе. В дороге может случиться что-нибудь плохое.

Хелен пожала плечами.

— Спасибо, но все плохое уже случилось. Впрочем, как и хорошее.

— Скорее, — цыкнул на нее Длинный Ал.

Мотор взревел, машина покатила по дорожке. Хелен сразу поняла, что спутник нетвердо держит руль. «Как он сюда доехал из Лондона? Или ширялся в пути?» У ворот Ал едва не наехал на тумбу, а когда шоссе пошло вдоль деревни, погнался по встречной полосе.

— Куда ты едешь? — Елена затрясла спутника за плечо.

Но он водрузил на голову наушники, врубил музыку и полностью отключился. В его прекрасном далеке не было ни дорог, ни гасиенд, Ал гнал к горизонту по полям бесконечной росы, ощущая себя рыбой в океане, которая плавает быстрее всех. Тем временем во внешнем мире шоссе пересекало стадо коров. Одна из них отстала, остановилась и, видимо, решила сделать на дороге плюшку. Она подняла хвост...

— Ал, Ал, ты наедешь на корову! — заорала Хелен, сдернув со спутника наушники.

— Ну и что? Мы не в Индии, — последовал убийственный ответ.

Они шли на 4-й скорости, и удар в бок животного был такой силы, что старый «пежо» издал рев, накренился и чуть не перевернулся. Бедная «аглицкая буренка» отлетела метров на 20.

Хелен сильно треснулась лбом о переднее стекло. Однако лоб у человека, как известно, самое крепкое место. Женщина быстро пришла в себя. А вот Ал не подавал признаков жизни.

— Ты заснул, что ли? Засранец! — Елена с силой тряхнула его за плечо.

Мистер Эшвуд отвалился от стекла и грузно обвис. Его остекленевшие глаза смотрели прямо перед собой. Доктор Грант не без труда открыла дверцу и вытащила спутника из машины. Она не обнаружила на нем никаких серьезных повреждений, кроме разбитых носа и губ. Но от этого еще никто не умирал! Елена решила сделать ему искусственное дыхание. Однако вывести Алана из комы мог разве что электрошок. Промучившись минуты две, женщина вернулась к машине, порылась в сумке и, найдя мобильник, стала трясушимися пальцами набирать номер службы спасения.

В это время Эшвуд пошевелился и застонал.

— Ты мерзавец! — Хелен отшвырнула телефон. — Ты наехал на ко-
рову! Теперь нас заберут в полицию!

Она трясла его за грудки, а он беспомощно мотал головой. В его
обретшем фиксированную четкость взгляде отражалось недоумение.

— Хелен, Хелен, это же я! — наконец выдавил Эшвуд не своим голо-
сом. — Александр.

Женщина разжала пальцы. Голос действительно принадлежал Дор-
сету.

— Ну посмотри на меня внимательно! Я понимаю, что...

Зато она ничего не понимала.

— А этот где? — Доктор Грант не могла бы поклясться, что место-
пребывание Длинного Ала ее действительно интересует.

— Не знаю. Там решат. Сразу в ад. Или в чистилище. Он тоже, ока-
зывается, католик. У нас есть догмат о чистилище. Но, говорят, для не-
го это слишком мягко.

Хелен схватилась руками за голову, потому что ей показалось, что
череп вот-вот разлетится на тысячу кусочков.

— А ты?

— А про меня сказали, что я свое еще не догулял. — Дорсет попыт-
ся рассмеяться разбитыми губами Эшвуда. — И отправили вниз. Снача-
ла хотели сделать святым мучеником за веру. Но Ватикан долго тянет
с рассмотрением. Еще нужны чудеса на могиле. А какая у меня моги-
ла? Голову выставили на мосту, а тело выбросили в Темзу. Я попросил-
ся обратно. Ты не рада?

Рада ли она? Хелен истерически расхохоталась.

— И что ты теперь будешь делать?

— Машинами торговать, — не растерялся Дорсет. — Этот тип, кажет-
ся, не голодал. Выведу татуировки. — Граф с неприязнью уставился на
свои руки. — Поеду с тобой, куда ты там собралась? В Питер? Прожи-
ваем как-нибудь.

Хелен чувствовала, что продолжает икать, смеяться и плакать одно-
временно.

— Дорсет, ты сумасшедший!

— Это не важно. Ты тоже не в своем уме. Леди Адекватность. В по-
стели с привидением!

По дороге к ним уже бежали люди из деревни. Видимо, владельцы
стада. Граф Александр порылся в кожаных штанах Эшвуда, вытащил из
заднего кармана бумажник и с интересом воззрился на радужные куп-
юры.

— Как ты думаешь, 20 фунтов нам хватит, чтобы замять инцидент с
коровой?

Павел Козатик

ПОЛЕТ НА ЛУНУ,

рассматриваемый как выстрел по движущемуся щиту

Широка и обильна нива англоязычной фантастики. Однако фантастическая карта мира вовсе не сводится к Штатам, Англии и России. Довольно странно нам забывать о наших европейских соседях и бывших союзниках по «соцлагерю». Можно подумать, что там не пишут интересной фантастики! Пишут, и творчество чешского писателя Павла Козатика — убедительное тому свидетельство. Козатик — автор 50 с лишним НФ-рассказов и одного романа («Последняя ставка Эйба Коркорана»). В последние годы, правда, отошел от жанра и занялся сочинением биографий знаменитых чехов (уже написал о писателе Павле Когоуте, журналисте Фердинанде Перутке, актрисе, первой жене нынешнего президента Чехии Ольге Гавеловой). Но мечтает вернуться в фантастику с романом об иезуитах в космосе... Рассказ «Полет на Луну...» многослоен, это настоящее пиршество для знатоков литературы. Откуда в этом произведении взялся жестяной барабанчик? Откуда фраза «Место назначения — Луна»? Мы предоставляем нашим читателям провести поиски самостоятельно.

Когда-нибудь мы научимся путешествовать по космосу туда, куда нам будет угодно. Например, мы могли бы слетать на Луну.

Кстати, если вы туда все же попадете, то что будете там делать?

Г.Уэллс «Первые люди на Луне»

1

В июле 1969 года Паук прочел интересный рассказ, начинавшийся словами: «Освальд был стартером». Речь шла о покушении на американского президента Кеннеди 22 ноября 1963-го. Рассказ так и назывался – «Покушение на Джона Фицджеральда Кеннеди». Паук прочел его на английском.

Вообще, рассказ был необычный – в основном благодаря тому, что автор не старался придерживаться реальных фактов, имевших место в Далласе, на небольшом участке улицы Вязов, между магазином школьных принадлежностей и путепроводом. Он писал об этом событии не так, как все остальные, а так, словно оно было дорожно-транспортным происшествием. Именно поэтому рассказ оставлял после себя странное ощущение.

Больше всего Пауку запомнились следующие слова: «Кеннеди неудачно стартовал».

Кроме всего прочего, автор описывал и победу, доставшуюся шоферу Джонсону – аутсайдеру, который благодаря неудаче Кеннеди стал лидером. Рассказ заканчивался вопросом: «Кто зарядил боевыми патронами стартовый пистолет?»

Пауку рассказ очень понравился. Его автора он знал, поскольку когда-то читал книгу со странным названием «Ветер ниоткуда». В ней говорилось об экологической катастрофе, в результате которой бешеный ветер буквально сметает все живое с поверхности Земли.

Просматривая этот роман, Паук невыразимо скучал.

Теперь же все было по-другому, теперь прочитанное ему понравилось. Он с удовольствием прочитал, как Кеннеди доставили в госпиталь, где ему стало хуже. Паук читал и читал, а перед глазами у него все маячили слова: «Кеннеди неудачно стартовал».

Продолжая читать, Паук думал. Конечно, писатель по фамилии Баллард кое о чем догадался, но как все было на самом деле, он знать не мог.

2

Джон Кеннеди родился в Южном Бронксе, районе Нью-Йорка, в котором драки, коррупция и преступления считались самым обычным делом. Его матерью была бедная прачка. Ее звали Пеги. Всю жизнь она стирала чужое белье и мечтала о лучшем будущем. Из-за ее мечта-

тельной натуры к ней тянулись негры и наркоманы из притонов и трущоб всего Южного Бронкса. Как бы то ни было, одна мечта Пеги закончилась фатально: ее конкретным, вполне осязаемым результатом стал маленький Джон.

Отцом Джона был один из случайных приятелей, нищий по кличке Спу – настоящего его имени прачка не знала, поскольку Спу не представлялся. Он был немой. Кроме того, у него имелась масса других особенностей. Он плохо видел, в его животе протекал совершенно удивительный процесс гниения, а вместо правой руки у него был небольшой стальной крюк с цепочкой. Когда мать Джона в первый раз увидела этого нищего, осторожно приближающегося по тротуару, она не могла и подозревать, что эта мимолетная встреча запомнится ей надолго.

Как только Джону исполнилось шесть лет, мать посвятила его в тайну. Его настоящим отцом был не Спу, бедный и оборванный нищий, а богатый финансист, американский посол в Англии Джек Кеннеди. Мать Джона каждый вторник и пятницу ходила стирать ему белье. Маленький Джон в эту информацию поверил.

Между прочим, в нее поверили официальные власти, и даже – что страшно всех удивило – поверил сам посол. Именно так, за одну ночь, маленький Джон стал богачом. За это на следующий день приятели и друзья из Бронкса облили его смолой.

А еще Джон получил второе имя – Фицджеральд, в честь известной негритянской джазовой певицы Эллы Фицджеральд. Мать Джона ее жутко любила и частенько, стирая или вытирая пыль, напевала ее песенки – например, «There's a Boat Dats Leavin' Soon for New York». Джон встретился с Эллой только раз в жизни, когда ему исполнилось пятнадцать лет. Те слова, которые она ему сказала, отпечатались в его памяти навечно. Их было совсем немного. Точнее, это было всего лишь одно слово.

Оно звучало так: «Хай».

«Хай» было обычным словом, которым приветствовали детей либо подростков, желавших быть похожими на детей. «Хай» значило гораздо меньше, чем «привет». «Хай!» – кричал мальчишка Чарли Браун своей собаке по кличке Снупи.

Джон хорошенько запомнил это слово. Вообще, он запоминал все что угодно, поскольку был любопытен и открыт душой. Не нравилось ему только одно: его мать, бедная прачка, слишком часто его била. Впрочем, Спу тоже весьма охотно поднимал на него руку. Как только это начиналось, Джон ревел, но это ничуть ему не помогало, а даже, наоборот, доставляло отчиму несказанную радость. Каждый день, каж-

дый час и каждую минуту отвратительный нищий бил Джона как сидорову козу и при этом радостно гоготал.

Люди часто смеялись над порядками, царившими в доме родителей Джона. Никто и не подозревал, что благодаря своему сыну они фантастически богаты и лишь притворяются нищими, чтобы не возбудить в соседях зависть. Вечерами отчим Джона часто смеялся над тем, как ловко он всех провел. Закончив смеяться, он напивался и принимался за Джона.

В то время единственной радостью мальчика была игра на маленьком жестяном барабане. Очень немногие знают, что Джон с самого детства испытывал любовь к музыке. Больше всего он любил короткую композицию «Mary Had a Little Lamb», что переводится как «У Мэри был барашек». У этой песенки удивительная история, поскольку она была первым, что Эдисон записал на восковой валик. Таким образом появился фонограф.

Благодаря длительным упражнениям Кеннеди довел исполнение этой песенки до совершенства. Его музыкой заинтересовался даже отчим, старый, противный нищий. Не долго думая, он ввел очень простое правило: за один удар Джона по барабану он получал от него тоже один удар. В таких условиях придерживаться ритма было выше человеческих сил, но Джон приспособился и к этому.

Когда Джону исполнилось пятнадцать лет, он жестоко избил отчима и попрощался со своей матерью, бедной прачкой. В ответ на его грустные прощальные слова она даже не повела бровью, поскольку давно уже – благодаря его же упражнениям с ударной установкой – оглохла. Кроме того, она понимала один-единственный язык, западно-валлийский диалект рода Хагадаг. Род в те времена насчитывал всего лишь семь членов, из которых большинство – вследствие частого кровосмешения на протяжении многих предыдущих поколений – были немыми и глухими. Интимная корреспонденция Пеги из Западного Уэльса является тому неопровержимым подтверждением.

Вскоре Кеннеди познакомился с Жаклин.

Это была классная чувиха из Бронкса. Кеннеди переспал с ней в первый же вечер и с тех пор делал это каждый раз, когда они встречались. Она без этого попросту не могла жить. Впрочем, когда Жаклин забеременела, Кеннеди сказал, что он без этого может жить запросто. И таким образом прошло несколько лет.

У Жаклин был брат по имени Дэнни. Он занимался астрономией, целыми ночами сидел на чердаке с телескопом и наблюдал за звездами. Кроме звезд его не интересовало ничего. Каждый раз, когда он должен был встать из-за телескопа и пойти чего-нибудь съесть, а то и

справить нужду, вокруг носа у него вскакивали небольшие красные прыщи.

Как-то Дэнни пришел с лицом, полностью покрытым прыщами, и сказал:

– Я хочу вам кое-что показать.

А когда Джон и Джеки, пересмеиваясь и пихая друг друга локтями, наконец поднялись по лестнице в обсерваторию (при этом Джон два раза обогнал Джеки на пол-этажа), Дэнни попросил их сестру (Джеки устроилась у Джона на коленях) и показал им послание, которое этим вечером получил из космоса.

Послание было от внеземной цивилизации. Правда, в нем не содержалось ничего, чего бы Джон и Джеки до этого не знали. Не было в нем ни объявления войны, ни удивительных, доселе неизвестных научных сведений. А было всего лишь приглашение на состязание.

Инопланетяне предлагали землянам вместе с другими цивилизациями принять участие в космических гонках между звездами и планетами Млечного Пути. Кроме того, инопланетяне сообщали тайну: в галактике существует «Клуб десяти» – элитарное и закрытое товарищество цивилизаций, стоящих на вершине развития. Состоять в этом клубе очень выгодно, поскольку каждый его член подключается к галактическому банку знаний и может пользоваться им неограниченное количество времени. В послании говорилось, что одна из состоящих в этом клубе цивилизаций некоторое время тому назад погибла и остальные его члены, порядочно уставшие от собственной гениальности, постановили вместо конкурса на замещение вакансии устроить гонки.

Еще в послании сообщались условия гонок. Временем старта считается момент, когда послание дойдет до адресата и тот ознакомится с содержащейся в нем информацией. Также там были приведены точные координаты пункта прибытия. Тот, кто попадет в этот пункт первым, станет десятым членом клуба со всеми возможными привилегиями.

Кеннеди не очень понимал, для чего Дэнни дает ему читать эту вещь, поскольку, как и каждый молодой парень в округе, знал, что через двадцать минут на площади начнутся танцульки, на которых будут играть «Pink Fast Eddie and His Heartbreakers». Тут Дэнни загадочно усмехнулся и подал Кеннеди густо усеянный цифрами листок бумаги. Получалось, что перед тем, как пригласить Джона и Джеки к себе, он вычислил пункт прибытия.

«МЕСТО НАЗНАЧЕНИЯ – ЛУНА!!!» – было написано в правом верхнем углу листа рядом с несколькими обведенными кружочком уравни-

Это было поразительно.

Выходило, что инопланетяне выбрали пунктом прибытия Луну и тем самым дали землянам гигантскую фору. В то время как все остальные претенденты будут лететь через миллионы и миллиарды космических лет (Кеннеди не имел точного понятия о космических расстояниях), землянам нужно преодолеть всего лишь четыреста тысяч километров. Четыреста тысяч километров!

«О Юпитер! — ужаснулся Кеннеди — В такую даль через жутко холодный космос!»

— Джон, пойдем? — предложила ему Джеки.

— Подожди, — сказал ей Кеннеди.

— Сейчас начнут, не успеем, — заныла Джеки.

— Закрой пасть, дьявол тебя заберет! — приказал ей Кеннеди.

Он думал. В послании очень точно описывалось место, где должны были встретиться участники межзвездной гонки. Судя по вычислениям Дэнни, это место находилось в нескольких милях к юго-западу от кратера Тихо. И все-таки Кеннеди не мог отделаться от ощущения, что инопланетяне не очень хорошо знают Луну. Это следовало из постскриптума послания, в котором говорилось, что каждый участник гонок, оказавшись на Луне, чтобы его не перепутали с кем-нибудь другим, должен иметь за отворотом пиджака две белые розы.

Кеннеди продолжал думать. Даже сейчас он не сомневался, что послание отправили инопланетяне, и, учитывая, что его принял Дэнни, а также то, что он дал прочитать его именно ему, Кеннеди сделал вывод, что кто-то это подстроил. Значит, кто-то хочет, чтобы на Луну летел именно Кеннеди. Кто-то знает, что именно он, Кеннеди, способен это сделать. Стало быть, он действительно должен это сделать.

— Если ты сейчас не пойдешь, я уйду одна, — предупредила его Джеки. Кеннеди махнул на нее рукой. Полет на Луну ни в какое сравнение не шел с танцуйками. Вообще, ему не понравилось, что Джеки этого не понимает.

Ей и вправду не было до этого никакого дела. В то время очень немногие девушки из Бронкса интересовались космическими проблемами. Цель жизни Джеки была гораздо проще — ей хотелось спать с мужчиной, которого звали Элвис Пресли. Все ее подружки хотели того же самого.

Пресли был популярным певцом, который прославился шлягерами «Голубые замшевые ботинки» и «Hold Me Tight», что можно перевести как «Держи меня сильно», «Держи меня нежно» или же «Держи меня пьяно». Джеки не могла знать, что Пресли уже потихоньку склоняется к третьей версии.

Последняя песня Пресли называлась «Way Down». Дорога вниз.

Забавно, но девичья мечта Джеки исполнилась. Произошло это через много лет во Флориде, в маленьком отеле, ночлег в котором стоил всего лишь два с половиной доллара. Из этой ночи Джеки запомнился лишь крепкий запах пива и ощущение, словно по ней катается дорожный каток. В то время Пресли весил около ста двадцати килограммов.

Еще Джеки запомнила, что Пресли всю ночь говорил. Он произносил одно-единственное слово: «Хай». Глотнув из бутылки, он свалился на нее и до бесконечности повторял это слово. Этого Джеки никак не могла забыть. Еще долгое время у нее перед глазами стоял образ толстого мужика в ковбойских сапогах, а в ушах звучали его слова: «Хай, хай, хай, хай, хай, хай, хай, хай...»

Между тем космическое послание свергло Кеннеди в состояние растерянности. Шел пятьдесят восьмой год. Ни он, ни кто другой на Земле не могли себе даже представить, как можно попасть на Луну. Наконец Джон решил, что нужно обсудить это с послом.

У Джека Кеннеди не нашлось для Джона много времени. Этим вечером он, как и каждый день, играл с президентом Эйзенхауэром в гольф. Вообще, Эйзенхауэр был забавным президентом: он не любил заниматься положенными ему по статусу делами. Его интересовало одно: как переправить как можно больше шариков в лунки? «Быстро в середину, быстро наружу», – странно усмехаясь, частенько говорил он. Годы, когда президент Эйзенхауэр играл в гольф, были самыми спокойными для Соединенных Штатов Америки.

Это заметили даже те несколько человек, которые высказали мнение, что неплохо бы переслать главам правительств всего мира клюшки для гольфа, бейсбольные биты и наборы «Юный химик», что было бы большей гарантией мира, чем всевозможные соглашения. Кстати, «Юный химик» нашел себе поклонников – в основном среди диктаторов Латинской Америки. Авторы проекта разуварились в своем детище после того, как один отставной капрал, который после переворота стал правителем свободной республики в Андах, благодаря «Юному химику» составил взрывчатую смесь, используемую в базах.

Посол добросовестно обдумал то, что сообщил ему Джон. Ему моментально пришло в голову, что тот во время ежевечерней скачки с Джеки сошел с ума. «Чтобы в шестьдесят третьем году попасть на Луну, ему надо стать президентом Соединенных Штатов Америки», – пробормотал он так, чтобы не услышал Эйзенхауэр.

А Кеннеди все последующие дни много думал о Луне. Он позаимствовал у Дэнни кучу литературы по астрономии и селенологии и про-

читал ее всю. Жаклин, окрыленная свободой и скучающая от безработицы, за короткое время стала самой популярной шлюхой Бронкса — мрачного и грязного района, славящегося насилием и преступлениями.

В конце концов, ее связи оченьгодились Джону, когда он в 1959 году выставил собственную кандидатуру на пост президента. Эйзенхауэр сообщил, что свою кандидатуру на третий срок он выставлять не будет, поскольку намерен посвятить гольфу все свободное время. В телевизионном интервью он сказал, что хотел бы принять участие в чемпионате Америки по гольфу, но до тех пор, пока является президентом, этого сделать не может.

Расставшись с президентским постом, он наконец-то принял участие в этом чемпионате и занял всего лишь шестьдесят восьмое место. Тогда Эйзенхауэр попытался вернуться обратно в президентское кресло, но у него ничего не вышло, поскольку там уже сидел Кеннеди.

Пробриться в президенты Джону Кеннеди помогли альфонсы, воры и чистильщики ботинок из Бронкса, приятели его жены Жаклин, а также коллеги посла. Оказалось, что на самом деле никто из них не был альфонсом, вором или чистильщиком обуви, а все они, как один, были богачами, хранившими в домашних сейфах целые кучи денег. Бедняками они притворялись, чтобы никто им не завидовал.

Конечно, Кеннеди не мог даже пикнуть о том, что мечтает полететь на Луну, поскольку тогда его приятели альфонсы, воры и чистильщики обуви не дали бы ему и пяти центов. Во время избирательной кампании он обещал повысить выпуск ботинок и перестать заботиться о дорогах, благодаря чему после дождя на них будет гораздо больше грязи. Впрочем он обещал, что арестует и будет судить каждого, кто только попытается помешать им делать свою работу. Альфонсам он обещал, что разрешит им действовать легально, и даже в столице. Став президентом, он поставил перед Белым Домом и памятником Линкольну ограду, которая должна была не пускать к нему коров, овец, муфлонов и лошадей Пржевальского, которые плутовски шевелили ушами. Конечно, ограда ему не очень нравилась, но поскольку он дал слово, то должен был его сдержать.

Однажды пришел к нему отчим, старый и противный нищий. Никто не знает, что между ними было. Нищий вышел из президентского кабинета с разбитым носом. Под мышкой у него был старый жестяной барабанчик.

И все это время Кеннеди мечтал о Луне. Она была его чудесным сном. Текст космического послания, которое он забрал у Дэнни, Джон всегда носил в кармане. Он придавал ему отваги, когда дела шли плохо.

Иногда Кеннеди приглашал в Белый Дом экспертов по Луне и часто разговаривал с ними до самой ночи. Ему хотелось знать, есть ли у обыкновенного человека, такого, как он, возможность полететь на Луну. Большинство специалистов придерживались мнения, что это вполне возможно, только тело Кеннеди во время путешествия наверняка потеряет свою форму. Они объяснили президенту, что шансы долететь до Луны с головой на плечах и мозгом в черепе очень малы, поскольку четыреста тысяч километров в космическом пространстве совсем не шутка.

Лишь один специалист придерживался другого мнения. Звали его Грибальд. Мать дала ему такое имя, поскольку, будучи ребенком, он охотнее всего ел грибной суп. «Ты Грибальд», – сказала она как-то, и с тех пор это имя к нему приклеилось. Кроме супа он признавал лишь потроха, так что большого выбора у нее не было.

Грибальд понравился Кеннеди с первого взгляда. Это произошло потому, что первым словом, которое он произнес, было «хай». Джону сразу вспомнилась Элла Фицджеральд, детство в Бронксе и маленький жестяной барабанчик. Жаклин он напоминал о Пресли, поскольку ходил в сапогах с отворотами.

Кеннеди не знал, что это слово ему послышалось. На самом деле Грибальд сказал не «Хай», а «Приветствую собравшихся». Узнать правду об этом деле Джону было не суждено.

Грибальд проблему Луны рассматривал совсем с иной точки зрения. Он представлял себе, что на Луну опустится лишь небольшая часть космического аппарата – посадочный модуль, который после выполнения задания возвратится на орбиту Луны, где соединится с космическим аппаратом, и на нем, уже без посадочного модуля, космонавты вернутся на Землю. В конечном итоге все это состояло из разделения и нового соединения. Кеннеди, который великолепно помнил, что проделывал с Жаклин в молодости, сразу понял, в чем суть этой идеи. Он поставил на Грибальда, тем более что в то время уже начали поговаривать о совсем ином человеке, которого звали Гагарин.

Этот Гагарин за пару сотен купил старую, покореженную, предназначенную на слом ракету, обновил ее, отремонтировал и в результате умудрился слетать на ней в космос. Правда, перед этим он почему-то забыл посоветоваться с альфонсами, ворами и чистильщиками обуви, друзьями Кеннеди.

Кроме того, Гагарин не нравился Кеннеди еще и по другой причине. У Джона была хорошая память на имена, и он был почти уверен, что когда приятели из Бронкса облили его смолой за то, что у него оказался богатый отец, этот Гагарин ошивался поблизости. Конечно, Джон

был бы не прочь ошибиться, но все же со временем ему все сильнее казалось, что этот самый Гагарин и мазал смолой его лицо, живот, а также задницу.

Впрочем, у Кеннеди были проблемы не только с Гагариным. Очередным его беспокойным знакомым стал Кастро. Этот разбил свой обоз на небольшом морском островке, который хорошо было видно из окна президентского дворца, и сообщил, что будет производить ботинки, а также сапожную ваксу для себя сам, а Кеннеди может уволить своих чистильщиков обуви. Этого Кеннеди сделать не мог. Да тут еще Жаклин обратила его внимание на то, что Кастро не достоин доверия, поскольку его собственные солдатские ботинки требуют основательной чистки.

Кеннеди поговорил со своими старыми друзьями, которые великолепно знали Кастро, и придумал тайный план. Его приятели должны были ночью приплыть на островок Кастро, прокрасться к нему в спальню и вымазать с головы до ног черной ваксой. Таким образом, Кастро должен был выйти из игры.

Предприятие закончилось полным провалом. Часть десантников была дома ваксу, остальные — купальные костюмы. Кастро, воодушевленный триумфом, выбросил на рынок, кроме ваксы, еще и лак для ногтей, а также препарат для чистки мебели.

Кеннеди думал об этом, сидя с Грибальдом на кухне и разговаривая с ним о Луне. Он был стопроцентно уверен, что путь, которым он завоеует авторитет и прославит род людской, лежит через Луну, кратер Тихо и пожатие руки представителю инопланетной цивилизации под вспышки фотокамер и под дождем из снежно-белых роз.

Кстати, к тому времени Кеннеди удалось переправить в космос уже нескольких приятелей. Так что Гагарин был далеко не единственным. Правда, иногда случались незначительные происшествия, которые слегка беспокоили президента. Время от времени какой-нибудь пожирающий пространство космический корабль ни с того, ни с сего превращался в дождь метеоров. Следующий выходил из-под контроля Земли и уносился в совершенно непредвиденном направлении. Бывало, тяжеленные машины с ревом проносились над землей, вызывая панику у крестьян. В такие моменты Кеннеди одолевала меланхолия.

— Грибальд, я должен лететь на Луну, — говорил Джон на традиционных приемах в пятницу, на которых пили свежее козье молоко с гоголь-моголем. — Я обязан лететь. А вдруг упаду? Грибальд, ты гарантируешь, что я не упаду?

Грибальд в ответ на такие вопросы что-то бормотал и прятался за графин с молоком либо шел сбить себе новый гоголь-моголь. Что-ли-

бо обещать Кеннеди он боялся, поскольку в последнее время все, к чему он прикасался, падало на землю. Домой он шел очень неохотно, поскольку боялся покалечиться о бесчисленное множество осколков разбитых им раньше тарелок и бокалов. То и дело из рук у него валялась то пепельница, то плащ, который он намеревался повесить на вешалку. У него даже выпали волосы, голова падала вниз от усталости, а сердце опустилось до штанов. Во время одной утренней прогулки он четыре раза хлопнулся о землю и заметил, что за ним тянется целая толпа оборванных негритят. Именно поэтому он избегал окон и частых ливней, ни за что на свете не сел бы в машину и чувствовал себя как проигравшийся азартный игрок. Вообще, он часто удивлялся, как это Кеннеди до сих пор не заметил того, что с ним происходит?

А тот и в самом деле ничего не замечал – может быть, потому, что этим летом – летом 1963 года – у него было много своих собственных проблем. За исключением первых недель после свадьбы, никто на свете не мог бы утверждать, что его брак оказался счастливым, но то, что творилось в последние месяцы, переходило всякие границы. Пока Жаклин путалась только с друзьями Кеннеди – альфонсами, ворами и чистильщиками обуви, он закрывал на это глаза, поскольку сам время от времени увлекался какой-нибудь из худеньких стройных машинисток, которые каждое утро приносили ему справку о состоянии страны за последние двадцать четыре часа. Но однажды ЦРУ донесло, что на горизонте Жаклин появился некий грек, который и в самом деле ворует, однако сводничеством не занимается, да и ботинок не чистит. Выяснили, что грек этот богат, поскольку владеет целой флотилией кораблей и большими деньгами, да к тому же еще и философ, поскольку обладает удивительным именем – Аристотель.

Кеннеди подивился, покачал головой и выделил дюжину самых лучших людей, чтобы они следили за этим Аристотелем. В течение следующих недель он узнал о чудачествах грека гораздо больше. Например, открылось, что у этого Аристотеля на Средиземном море есть огромная яхта, на которой даже краны из чистого золота. Вскоре пришло уточнение. Оказалось, первоначальная информация была неверна: на самом деле из золота была яхта грека – вся, за исключением кранов.

Почти каждый день на стол Кеннеди ложился рапорт о том, как Жаклин встречается с Аристотелем на его яхте, ест там из золотых тарелок, спит на золотых подушках и слушает исключительно золотые пластинки. Однажды Кеннеди так разозлился этим развратом, что он бросил злой взгляд на испуганную машинистку, которая утром принесла ему эту весть, схватил ее обеими руками и зверски ей овладел на письмен-

Полет на Луну...

ном столе, посреди бумаг, ручек, перьев и цветных карандашей.

После этого он встал, поправил помятые брюки и пиджак, нервно улыбнулся девушке (ее звали Глория) и пересказал ей сон, который видел предыдущей ночью.

— Глория — просто чудесное имя, — сказал он ей. — Ту женщину, что мне приснилась, тоже звали Глория. Она мне рассказывала удивительные вещи. Говорила, что инопланетяне, те, которые, как и мы, приняли участие в межпланетных гонках, знают, что мы не имеем о них понятия, но... прошу меня не прерывать... не только вычислили пункт финиша, но и узнали, что в гонках принимаем участие мы. Попросту кто-то проболтался, хотя информация об участниках должна была остаться в тайне. Всегда и всюду находится кто-то, кто слишком много болтает. Теперь эти твари знают, что от нас до Луны лишь один шаг. Это мне сказала Глория, и еще она добавила, что эти создания будут мне мешать при старте.

Задумавшись, он пробормотал:

— Вот видите, какое бывает невезение.

После этого Кеннеди проводил девушку до двери и спросил сам у себя, для чего он ведет с ней такие разговоры. (Хорошо хоть, это был всего лишь сон.)

3

Когда Паук покинул свою планету ВВ-3, вращающуюся в одном из самых дальних уголков Галактики и поэтому забытую Богом, а также большинством развитых цивилизаций, у него уже был подробный план операции. Он знал, что днем Д. будет день, который на языке обитателей планеты, куда он летит, называется так: двадцать второе ноября тысяча девятьсот шестьдесят третьего. (Вообще, ему казалось смешным, если не странным, что одному-единственному планетарному дню присвоено название, состоящее из семи так трудно произносимых слов). Еще он знал, что место, в котором он должен оказаться, носит не менее странное название: улица Вязов, Даллас. Пауку не нравилось слово «вяз», но о том, что оно означает, он не думал, поскольку этого не знал.

В своем блокноте он сделал следующие пометки:

1. Погода солнечная. Дождя не должно быть. Небо обязано быть чистым.
2. Пространство перед магазином учебников со стороны дорожно-го виадука — с запада — не должна охранять полиция.

3. Встреча президента должна быть бурной, горячей. Толпы жителей на улицах Далласа.

В течение следующих недель Паук приложил все усилия, чтобы превратить эти пункты в жизнь. Что ему удалось? Итак:

1. Поскольку в 11.40, когда Кеннеди приземлился на аэродроме в Далласе, погода была солнечной, президентская колонна ехала в машинах с открытым верхом. «Линкольн GG 300», в котором был Кеннеди, ехал по городу без пуленепробиваемого колпака.

2. В момент выстрела возле дорожного виадука не было ни единой живой души. Томас Х. Бьюкенен, автор книги «Who Killed Kennedy?», пишет, что полиция, покинув виадук перед тем, как возле него проехала машина президента, тем самым «нарушила основные правила безопасности».

3. Толпы людей заполнили главные улицы по пути следования машины президента. Мэр города Джеральд Кабелл с удивлением заметил, что на машине опущены даже пуленепробиваемые стекла.

Вдоль улицы Вязов не было подходящего места. Люди стояли на открытом пространстве и на тротуарах. Стрелок должен был целиться в президента либо сзади (то есть со стороны магазина учебных пособий – смотри вариант «Освальд»), либо спереди, почти в лоб. Там находился лишь один не охраняемый полицией объект – дорожный виадук.

Паук придержал дыхание и прикрыл левый глаз.

Что он сделал? А вот что: бах! Бах, бах, бах!

(Количество выстрелов так никто и не смог установить. Даже комиссия Уоррена не смогла определить, сколько в Кеннеди попало пуль – три или четыре. В конце концов, не все выстрелы Паука достигли цели.)

Все же он это сделал. Сделал и ушел по-английски.

Агентство «Рейтер», 23.11.1963 г.: «Когда выстрелили в президента, все полицейские кинулись к месту, в котором, вероятнее всего, прятался убийца».

Сэмюэль Уэйсманн, полицейский, который в момент покушения находился на углу аллеи Хьюстон и Главной, в нескольких десятках метров от виадука: «Я побежал к насыпи, но тут мне кто-то сказал: "Прошу вернуться к магазину школьных пособий"».

Рой С. Трилу, директор магазина школьных принадлежностей, в котором позднее «нашли» карабин Освальда: «Мне показалось, что стреляли со стороны дорожного виадука. Но когда полицейский (это был С.Уэйсманн) вбежал в магазин, я поспешил ему на помощь».

Томас Г. Бьюкенен, автор книги «Who Killed Kennedy?»: «Вдоль насыпи есть длинный бетонный козырек, высотой по грудь, с узкими уд-

линенными отверстиями именно той величины, которой достаточно, чтобы служить стрелку безопасным укрытием... Особенно если учесть, что виадук не охранялся... Именно это двадцать второго октября и случилось».

4

Когда Кеннеди закрыл дверь за секретаршей Глорией, ему не удалось побороть неприятные мысли. Собственно, вот уже несколько дней он занимался тем, что вспоминал и пытался оценить всю свою предыдущую жизнь. Эти воспоминания нельзя было назвать веселыми. Может быть, поэтому у Кеннеди появилось ощущение, что он – если брать всю его жизнь – является самым настоящим халтурщиком. Во время таких размышлений он обычно называл себя «чмо» – словом, которое не переводится на большинство распространенных языков. Этим словом называют человека, который постоянно – по чужой или по своей вине – проигрывает.

Он был несчастен даже сейчас, с Глорией; потел и знал, что несчастен; хотел насытиться этой стройной, красивой девицей (краем глаза он видел измятые ее задом документы) – и был несчастен; с садистским удовольствием воображал на месте Глории Джеки и с не меньшим удовольствием на своем месте Аристотеля – и все же был несчастен, страшно несчастен, поскольку не понимал себя самого, хотел на Луну, а еще хотел обрести покой, такой, чтобы ему никто не позавидовал, но не знал, как это сделать, никогда не имел о чем-либо подобном даже понятия, всегда летел вперед, поскольку думал о Луне, а вот теперь у него появилось желание схватить эту соблазнительную девушку за шею и два раза повернуть ее голову на триста шестьдесят градусов. Впрочем, он понимал, что никогда ничего такого не сделает, и поэтому, закрыв глаза, рухнул в кресло.

Кеннеди сидел и вспоминал свое детство в Бронксе, своих друзей, которые его так ловко поймали, Джеки, свою первую и самую большую любовь, которая сейчас дала ему хороший пинок под зад. Он думал о своих приятелях ворах, альфонсах и чистильщиках ботинок, которые думали только о том, как хапнуть побольше, добрался в своих мыслях до Кастро и Гагарина и пожелал им вечных мучений в пекле.

Он не знал, что в тот момент, когда он вошел в тело Глории, Паук с планеты ВВ-3 приговорил его к смерти. Он был уже мертвым человеком – и это было невкусно, это заслуживало жалости. Да, в действительности Кеннеди был уже мертв, хотя его желудок и переваривал

пищу, сердце перекачивало кровь, а через мозг то тут, то там пробежала какая-нибудь мысль. Он был миражом, иллюзией, которую сам и создал. Он ходил среди людей, а они улыбались. Они могли присягнуть, что Кеннеди здесь, среди них, ходит и улыбается, может быть, временами даже отпускает какую-нибудь незначительную шуточку. Никто из них не подозревал, насколько ошибается.

В этой ситуации у него остался только один настоящий друг – Грибальд. На этот раз он не дрожал и выглядел уверенно, даже отпартовал Кеннеди, что ракета готова и можно стартовать хоть завтра утром.

Грибальд еще несколько лет назад добился того, чтобы вся подготовка к полету велась в жуткой тайне. Он хорошо помнил, что именно так поступил Гагарин, который тоже никому не говорил о своих планах. Грибальд даже сообразил почему: если из его планов ничего не выйдет, никто об этом не узнает. Итак, он надавил на Кеннеди и добился от него одобрения своего плана. Тот громко протестовал, говорил, что после его смерти Жаклин наверняка выйдет замуж за Аристотеля, вследствие чего его предки перевернутся в гробах, а мысль о том, что с его женой будет совершенно легально спать очень похожий на него человек, чуть не довела Кеннеди до безумия.

Грибальд же объяснял, что личная жизнь не идет ни в какое сравнение с путешествием на Луну и победой в межпланетных гонках. С этим Кеннеди вынужден был согласиться.

Его двойника звали Малькольм Фланнеган О'Флаэрти. Он был мормоном из Южной Дакоты.

Кеннеди даже провел с ним не менее чем сорокаминутный разговор. О'Флаэрти сразу же рассказал ему, что никогда-никогда не любил Эллу Фицджеральд, и в подтверждение своих слов немного напел ему «When the Saints Go Marchin' In» в интерпретации Джеймса Брауна. Кроме того, он коротко сообщил Кеннеди о своем детстве, которое провел на виллах миллионеров в калифорнийском Беверли-Хиллз, и похвастался достижениями в соревнованиях пловцов, проходивших в частных бассейнах в форме мандолин и гитар. Потом он поведал, что, по его мнению, Кастро является «атомным бородачом», на чем их разговор и закончился. Президент подумал, что судьба решила поставить на его место внутренне противоположного двойника, такого, каким является этот Фланнеган О'Флаэрти.

Грибальд научил О'Флаэрти всем привычкам Кеннеди. Двойник вскоре перестал мыть ноги, ночью громко храпел и превратился в настоящий ужас машинисток – большинства населения городов верхнего течения реки Гудзон.

Полет на Луну...

Наблюдавшему за всем этим Кеннеди зрелище совокупления его двойника с Жаклин со временем даже стало нравиться.

Наконец он скомандовал Грибальду: «Три – два – один – старт!» Услышав эту команду, тот запустил президента в космос.

Старт удалось сохранить в тайне. В этот день Гагарин и Кастро вместе с Элвисом Пресли и Эллой Фицджеральд как раз осматривали телевизионный склад. «Хай, хай, хай!» – говорили Элвис и Элла. «Хе, хе, хе!» – смеялись Кастро и Гагарин.

Никто ни о чем не подозревал. О'Флаэрти великолепно играл свою роль.

В последние дни жизни он почувствовал симпатию (это удивило и его самого) к игре на барабанах. Поездка в Даллас, где находился известный музей ударных инструментов, была для него радостью. Его последние слова были сказаны Жаклин, которую он под конец действительно полюбил. Впрочем, Джон так и не понял, что их заглушил рев мотора «Линкольна GG 300», который уже мчался от места покушения, то есть от виадука, в сторону госпиталя. Всю дорогу его голова лежала на ее коленях.

5

Пауку на Земле понравилось. Он женился на симпатичной блондинке, которую звали Глория, и осел на маленькой ферме в Канзасе. Выращивал пшеницу и кукурузу, завел шестерых детей и выставил свою кандидатуру на пост помощника шерифа.

Элвис Пресли умер. На его похороны в Мемфис приехали сотни тысяч людей. Джеки среди них не было, но всю церемонию она смотрела по телевизору.

Грибальд несколько следующих лет жил в тени. Поначалу он ждал возвращения Кеннеди. Потом решил, что с ракетой президента что-то случилось, и сконструировал несколько новых, пытаясь проверить свою теорию. Это ему удалось.

Паук наблюдал за его стараниями по телевизору. При этом он все время весело улыбался и выглядел очень глупо.

6

Учитывая, что космические гонки между звездами и планетами Млечного Пути привлекли участников со всей галактики, их скоростные воз-

мощности, соответственно, оказались очень разными. Согласно самым свежим данным, прилет последнего участника, а также объявление победителя состоится где-нибудь на исходе третьего тысячелетия, если измерять время, используя земной календарь.

Можно уверенно сказать лишь одно: первое место занял Кеннеди, а вместе с ним и планета Земля. Грибальд и Дэнни выполнили свои вычисления просто великолепно, и Кеннеди достиг цели. Он первым высадился на Луне.

Паук об этом даже не подозревает.

Когда-нибудь в грядущем – не важно, через сколько лет, – до Земли дойдет информация, что человечество может хоть сейчас черпать из галактического банка знаний.

Дорога к блистательному будущему началась однажды утром в Южном Бронксе, когда встретились противный полуслепой нищий Спу и бедная прачка Пеги с чистыми, изъеденными мылом руками.

7

Под конец контрольные вопросы: «Какую роль в покушении играли Джеки и Аристотель? И кем, собственно, был Освальд?»

Перевод Леонида Кудрявцева

Где купить «Звездную дорогу»?

В Москве – в магазинах «Библио-Глобус» (ул. Мясницкая, 6, ст. м. «Лубянка»), «Молодая гвардия» (ул. Б. Полянка, 8, ст. м. «Полянка»), в Доме книги «Пресня» (ул. Красная Пресня, 14, ст. м. «Краснопресненская»), «Доме книги в Сокольниках» (ул. Русаковская, 27, ст. м. «Сокольники»), в сети «Новый книжный» (ул. Маршала Бирюзова, 17, ст. м. «Октябрьское поле»; ул. Сходненская, 50, ст. м. «Сходненская»; Пролетарский просп., 20, ст. м. «Кантемировская»; ул. Декабристов, 12, ст. м. «Отрадное»; ул. Митинская, 48, микр-н Митино; Комсомольский просп., 28, ст. м. «Фрунзенская»; Солянский пр-д, 1, ст. м. «Китай-город»), а также на книжной ярмарке в спорткомплексе «Олимпийский»;

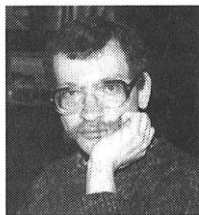
в Санкт-Петербурге – в сети «Книжный салон» (Невский просп., 94, ст. м. «Маяковская»; центр «О'Кей», ст. м. «Озерки»; Будапештская ул., 71, ст. м. «Купчино»; 6-я линия Васильевского острова, 25, ст. м. «Василеостровская»; Большой просп. Петроградской стороны, 86, ст. м. «Петроградская»).

По вопросам приобретения журнала **в других городах** обращайтесь в отделения фирмы «Ода»: Владивосток – «АП ОДА» (т. 4232 23-52-02); Санкт-Петербург – «Нева-Пресс» (т. 812 324-67-40); Ростов-на-Дону – «АП ОДА» (т. 8632 53-19-17); Новосибирск – «АП ОДА» (т. 3832 18-08-53); Пермь – «АП ОДА» (т. 3422 105-193); Самара – «АРПИ-Самара» (т. 8462 53-56-97); Краснодар – «Юг-Пресс» (т. 8612 65-19-91); Уфа – «АП ОДА» (т. 3472 52-35-22); Волгоград – «АП ОДА» (т. 8442 33-73-94).

Мы приглашаем вас к звездам!

Виталий Каплан

ЭКЗАМЕНЫ

На счету московского фантаста Виталия Каплана — две опубликованные книжки (одна из них — «Корпус» — принесла ему премию «Еврокон-2002» за лучший дебют). Его рассказы печатались в журналах «Если» и «Уральский следопыт», критические работы по фантастике выходят в «Новом мире». Это мы к тому, что автор интересный, читать его стоит. Теперь о жанре рассказа «Экзамены». Жанр на нашей почве редкий — пародийная фэнтези. Просьба не путать с сатирической фэнтези, которую пишут Успенский и Лукин! Здесь уместнее говорить об Асприне и Пратчетте... Ага, захотелось почитать? Ну, так кто же мешает?

Откуда только она взялась, эта девчонка? Здесь, в Бурых Скалах, куда и охотники стараются не забредать? Сидит себе на камне, расплетает косу... Коса длинная, золотистая... Роскошная коса... такая не у всякой принцессы бывает. Айрвен, правда, принцесс до сих пор только вышитыми видел, на гобеленах. Может, заблудилась? Непохоже. Девчонка вовсе не казалась испуганной, светлое, до пят, платье было потрясающе чистым, словно только сейчас вынуто из бабушкиного сундука, и ни котомки у нее, ни посоха.

Айрвен осторожно выглянул из-за огромного потрескавшегося валуна. Умный конь Ямбо, пасущийся внизу, молчал. Ямбо стар и, по правде говоря, не слишком быстр и силен, зато на него можно положить-ся. Чует старик, что ржать сейчас не надо.

— Мир тебе, прекрасная девица, — негромко сказал Айрвен, выходя на свет. — Не бойся, я не причиню тебе вреда.

Девчонка вздрогнула, обернулась — но, похоже, не сильно и напугалась. Подняла на него серые, как осенние озера, глаза.

— И вам мир, благородный рыцарь!

Айрвен немного смутился.

— С чего ты взяла, что я рыцарь? — спросил он, стараясь говорить снисходительно.

— Так меч ведь у вас, и одежда господская... А в распадке вон ло-

шадь травку щиплет – ваша, видать. Только зря вы, господин, сюда приехали. Тут места нехорошие...

– Сам знаю! – хмыкнул Айрвен. – Просто отвратительные места! Драконы так и кишат! Ты сама тут с какой радости?

– Местные мы, – помолчав, поведала девчонка. – В горах живем... с бабушкой, да. Хворост собираем... коз держим... Тем и кормимся.

– Какой еще хворост? – скривил губы Айрвен. – Голый камень же кругом, две елки, три куста – вот тебе и весь лес.

– Ох, господин, – затараторила вдруг девчонка. – Тут все совсем не так, как вы думаете, тут ведь непросто, тут еще как посмотреть. Вот ежели прямо пойти, то камень будет, а ежели свернуть где следует – будут вам и луга, и лес, да... Это ж такие места... к ним привычку иметь надо. А вы тут пропадете, вас драконы заедят, злющие они, у-у-у... Лучше назад вертайтесь, пока еще солнце не зашло. И чего сюда приехали, молоденький такой?

– Ты-то больно старая, – огрызнулся Айрвен, разглядывая собеседницу. На вид ей было не больше семнадцати, как, впрочем, и ему. Тоненькая, бледная (это в горах-то, где солнце прожаривает насквозь!). Про таких поют бродячие менестрели, сравнивая их то с березками, то с ивами. И таких вышивают на покрывале... Вот дома, в замке...

Он помрачнел. Про дом совершенно не хотелось думать. Сразу вспоминалось красное, потное отцовское лицо, торчащая во все стороны рыжая борода и тяжелые, упавшие в дорожную пыль слова:

– Помни, раздолбай! Или ты вернешься сюда истинным рыцарем, или не вернешься вообще.

Три года это помнилось, каждый день. Каждый проведенный в Благородном Училище день. И на изнурительных тренировках с мечами да копьями, и на уроках этикета, и ночью, в спальне, когда в окно безжалостным глазом уставилась луна, а нахальные однокашники устраивают тебе всякие мелкие пакости... Что поделаешь, если ты самый младший, если Всевышний не одарил тебя тугими мускулами, если ты краснеешь как девчонка от грубых шуток... и потому тебя обзывают... нет, даже и вспоминать незачем, как обзывают. Обзывали то есть. Все уже позади. Выпускные экзамены почти закончились, остался только этот, последний. И он с полным правом вернется в родной замок Бранс-ла-Меррег... или не вернется... вообще никуда.

– Ох, сударь, – чуть ли не со слезами убеждала его девчонка, – нечего вам тут делать! Мы-то ладно, мы люди привычные, нас они не трогают, а вас-то, вас... ужась как жалко!

– Я для того сюда и приехал, чтобы поразить мерзкого дракона! – выставив вперед ногу, заявил Айрвен. – И поразю! То есть поражу!

Ведь подлое чудовище не далее как в канун Дня Преклонения исхитило благородную Катарену, принцессу Аргамбскую! И я буду не я, коли не освобожу высочайшую особу из драконьих лап!

Девчонка аж в лице переменялась. И до того была бледная, а сейчас прямо как полотно стала.

— Ой, что вы, господин рыцарь! Ну где уж вам-то с драконом справиться? Вы хоть раз-то настоящего дракона видели? Огромные же они, локтей двадцати будут, а то и всех тридцати, и клыки что твои сабли, и огнем так и пышут! И чешуя ихняя покрепче всяких лат, ни мечом ее не пробить, ни копьем. Это ж только в сказках им голову срубают, а по жизни-то совсем наоборот!

— Нечего меня учить! — возмутился Айрвен. Еспи девчонка от волнения побледнела, то у него, напротив, кровь прилила к щекам. — Мы проходили теорию драконоубийства! Нам седовласые профессора читали курс, заслуженные рыцари, истребившие не один десяток чудовищ!

— Так они ввали, небось, эти седовласые! — приснула в кулак девчонка.

— Что?! Оскорблять благородные седины?! И кто?! Грязная селянка?! —

— Я не грязная... — обиженно протянула девица.

— Да я тебя! Да я тебя сейчас вот этим поясом выдеру! Вас, простолюдинов, только так учить!

Айрвен без разбегу прыгнул вперед, намереваясь ухватить дерзкую, но судьба сегодня не была к нему благосклонна. Под ногу попался маленький камушек, совсем маленький, не больше кулака, — и, однако же, земля стремительно повернулась, поменялась местами с низким хмурым небом, на миг все померкло во тьме и боли.

А когда он поднялся на ноги, шмыгая разбитым носом, — девчонки и след простыл. Только облака — и потрескавшиеся валуны кругом.

Ночью не случилось ничего особенного: драконы, вопреки словам наглой девчонки, его не загрызли. Только было очень холодно, к тому же под утро пошел мелкий противный дождик. Айрвен не решился спать на голых камнях, а чахлые кустики — это тебе не еловый лапник, мягкое ложе из них не устроишь. Вот и пришлось сидеть у гаснущего костерка, дремать, закутавшись в плащ, то и дело вскидываясь — не ползет ли какой-нибудь враг.

Утро выкатилось какое-то несвежее, помятое — вполне под стать настроению. Айрвен привычно помянул Всевышнего, всухомятку позавтракал хлебом с солониной (осталось уже совсем мало) и двинулся наверх, искать драконью пещеру.

Островерхий шлем то и дело норовил сползти ему на глаза, черес-

чур длинный меч волочился сзади по земле, а кольчужная рубаха ско-
выяла движения. Доспех не для блуждания в скалах. Но, видимо, по-
может от драконьих зубов и когтей.

Отец, наверное, даже обрадуется. Скажет: зато кончина благород-
ная, рыцарская... а то рос обалдуй, только род позорил. «И обнажил
юный рыцарь Айрвен свой острый меч, и вышел противу чудовищного
дракона, и поразил его дракон...» Так, наверное, споют менестрели.
Хотя откуда им узнать? Был такой ученик Айрвен, отправили его в Бу-
рые Скалы, и не стало его. Впрочем, дракон что-то ведь да оставит. Не
будет же он жрать кольчугу? Но может огнем своим расплавить. Ко-
гда случайный путник найдет стальной слиток, догадается ли он, чем это
было?

В то, что дракона удастся все же поразить, Айрвен не особо верил.
С его-то хилыми мышцами, неловкими движениями, плохим зрением о
подвигах не мечтают. Ну ладно бы сойтись в поединке с таким же за-
дохликом и случайно победить... Но огромное злое чудовище... Нет,
он прекрасно понимал: наставник Реджин послал его на верную смерть.
И ведь улыбался, жестокий старик, когда дрожащими руками Айрвен
распечатал пергамент с экзаменационным заданием. И ведь как совпа-
ло: нашлась подходящая принцесса, только-только унесенная драко-
ном. И королевство Аргамба близко – три дня езды, и ты при дворе...
Другие-то ухмылялись: им, везунчикам, кому досталось сарацин бить
под начальством графа Хоргерма, кому отправляться на весенний тур-
нир, что ежегодно устраивает герцог Ульдарский, кому на великанов
охотиться в Гельмском лесу...

Вспомнился аргамбский двор... Хотя одно название – «двор»... Не
то что в заморских странах, о которых поют менестрели. Навозом всю-
ду тянет, полы соломой устелены, крысы под ногами шмыгают. Король
Хиррабус – сутулый, сморщенный, не просыхающий от горя и пива.
Сказал, лично посвятит в рыцари, если Айрвен вернет ему дочь. И три-
ста золотых огримов вдобавок. Полкоролевства и руку принцессы Ка-
тарены, правда, не предложил.

А что будет, если он так и не найдет драконьего логовища, без тол-
ку облазив скалы? С каким позором встретят его в Аргамбе! И какой
пергамент пошлют вослед ему в Благородное Училище! Тогда пиши
пропало, тогда останется лишь скитаться по дорогам и петь песенки на
постоялых дворах. Отец домой не пустит. Вернее, пустит и шкуру спу-
стит. Собачьим арапником. А после в тычки выставит из ворот – ступай
куда хочешь, ты проклят и лишен наследства, на землях Бранс-ла-Мер-
рег нет тебе места. Ты опозорил древний почтенный род, ты весь в
свою придурочную покойницу-мать...

Он скрипнул зубами. Уже полдень, а поиски бесплодны. Скалы, скалы, ущелья, трещины, упрямые темно-синие, едва ли не черные кусты, корнями вгрызающиеся в бурый, цвета запекшейся крови камень. Порой ему попадались пещеры, но, увы, пустые. Да и какие это пещеры? Так, дырки. Может, и нет здесь никаких драконов, и все ему врал. И королевский маг врал, коему звезды указали как раз на эти места, и хитрые, себе на уме, крестьяне, твердившие, что испокон веку драконы туточки гнездятся и отсюда на промысел летают. И ведь ни одна тварь не согласилась в проводники пойти. Хотя Айрвен даже денег предлагал – три медные монеты. Разве мало?

И, конечно, наврала ему та странная девчонка. Смеялась, наверное. В самом деле, будь здесь драконы логовища – нипочем бы они тут с бабкой не остались. В долину бы спустились, где и люди, и пахотная земля... Разве что обе – ведьмы? Тогда понятно.

Это была шестнадцатая по счету пещера. Уже и день клонился к вечеру, и тучи опять набрякли, готовые разразиться дождем, и ветер хлестал наотмашь. Ноги гудели от усталости, их покалывало тысячей крошечных иголок, в голове звенело и трещало, глаза болели. Не везло. Айрвен дал зарок: если и это черное пятно окажется пустышкой, он поворачивает назад и спускается в ложбинку, где спокойно пасется Ямбо. Ест оставшуюся солонину, пьет из родника – и ложится спать. А там будь что будет.

Пещера, однако же, оказалась куда больше предыдущих. Правда, извилистый ход все равно был недостаточно широк для дракона в двадцать локтей (не говоря уж о тридцати). Но зато тянуло изнутри каким-то подозрительным запахом. Айрвен запалил припасенный для такого случая факел и, уняв дрожь, двинулся вперед. Факел в левой руке, правая сжимает рукоять меча (пожалуй, и не выхватишь легко, о стену заденешь). Настоящий драконоборец, подумал он мрачно. Истинный рыцарь.

Идти пришлось долго – ход мало-помалу расширялся, но вел то вниз, то вверх. Порой уклон становился таким крутым, что с трудом удавалось держать равновесие. Зато запах усилился, и Айрвен совершенно точно знал: так вонять могут только драконы.

Потом ход вдруг как-то сразу кончился – вернее, влился в огромный зал, стены которого терялись во мраке. Нельзя сказать, чтобы здесь было так уж темно – сквозь щели в высоком потолке угрюмо сочился серый свет.

Сердце ошавшей лягушкой метнулось в груди, на миг остановилось – и застучало часто-часто. В центре зала лежал дракон.

Самый настоящий! Огромное тело, в котором будет не двадцать и не тридцать, а, пожалуй, и все сорок локтей. Ядовито-зеленая чешуя, ужасная, с корову размером, голова. «Как же этакая туша сквозь туннель-то пролазит?» — совершенно некстати подумалось Айрвену.

Дракон спал. Из ноздрей его вырывались клубы желтоватого пара, а храп, казалось, способен разбудить и мертвого — будь он тут рядом. Ничего, скоро будет, горько подумал Айрвен.

Что ж. Вот и настал этот час, как ни крути. Вот она, мерзкая тварь, похитившая юную принцессу — наверняка уже сожранную. Зачем еще-то принцесс воровать? Спит, понимаешь. Нежную пищу переваривает.

Айрвен потянул из ножен меч. Что ж, надо исполнить долг. И не наставнику Реджину, не склочному отцу, не насмешливым однокашникам — самому себе доказать, что ты не сопля на палочке, что ты мужчина, рыцарь. Пускай твоего рыцарства и на пять минут — ровно столько, чтобы разбудить дьявольскую зверюгу.

Он беззвучно помянул Всевышнего. Тот, как всегда, промолчал. Только стало вдруг очень холодно, как в самую лютую зиму. Неужели страх, свойственный подлым людишкам, заледенит сейчас его тело, скует цепями? Ну же, ну!

Он поднял меч. Куда бить-то? По чешуе бесполезно, только лезвие затупишь. В глаз? Да, наверное, в глаз. Вообще-то, по правилам полагалось вызвать чудовище на поединок, но тут уж какие правила? Да никто и не узнает. Дракон ведь не нажалуется наставнику Реджину.

Айрвен произвольно фыркнул. Сразу стало легче. И он, подойдя прямо к ужасной морде, обеими руками занес над головой меч. Острием вниз. Сейчас...

— Стоять!

Густой женский голос, казалось, расколол сумрачное пространство пещеры.

— Стоять! Не двигаться! Клинок медленно положить наземь! Руки завести на затылок!

Айрвен резко обернулся.

В пяти шагах от него стояла девушка. Нет, не та вчерашняя селянка, совсем не та. Рослая (вершка на два выше Айрвена), крепкая и жилистая. Облаченная в черный, расшитый серебряными нитями костюм для конной прогулки, с кривой, как у сарацин, обнаженной саблей.

— Ты чего? — выплеснулось из охрипшего горла.

— Я что сказала? Медленно положил оружие! Считаю до трех — потом порублю в капусту! Понял, мразь?

— Я... — По горлу словно заскребли чьи-то крошечные коготки. — Как ты смеешь... Я рыцарь...

– Сопля ты, а не рыцарь, – изрекла девушка и сразу вдруг оказалась рядом, на расстоянии клинка.

Сопля! Жаркая волна охватила голову, и все вдруг стало неважно – и кто эта незнакомка, и что дракон вот-вот проснется, и что случится с ним самим.

Айрвен дернулся, перехватил меч поудобнее – и с ревом ринулся на девушку. Сейчас он ее надвое! Сопля! Это же надо такое сказать!

Все получилось быстро. Вот он летел к ней – грозный, подняв разящую сталь, истинный рыцарь! А вот уже валяется на каменном полу, и его меч – фамильный, еще дедовский меч! – попирает нога в изящной выделке сапоге, а острие сабли упирается под горло, как раз туда, где кончается кольчуга. А уж как болит затылок! В мире не бывает такой боли!

– И так будет с каждым, кто покусится! – заявила девушка, глядя с презрительным сожалением. – Ну что, рыцарь, резать тебя сразу али погодить малость?

– Ты что? Ты кто? Как тебя звать? – только и выдохнул Айрвен.

– Катарена, принцесса Аргамбская. Еще вопросы будут?

– Значит, говоришь, не повезло? – Принцесса глядела на Айрвена пристально, не то чтобы недоверчиво, но как-то очень уж свысока.

Айрвен лишь вздохнул в ответ. Беспольный шлем он снял и сейчас украдкой щупал растущую на затылке шишку. Кольчуга тоже была лишней, но раздеваться при даме он не стал. Еще поймет неправильно.

– А что, по-твоему, повезло? Всем легкотня досталась, всех в рыцари посвятят, а я... А меня вот этот сожрет, – указал он на мирно сопящего дракона.

– Да сдался ты ему! – махнула рукой принцесса. – Граста мальчишками не питается, он вообще смирный. Если его не обижать. Но ты же его обижать не будешь?

– А как же экзамен? Как мне возвращаться-то?

– Ну, я не знаю, – надупилась принцесса. – Что-нибудь придумается, наверное. Безвыходных положений, знаешь ли, не бывает.

– Ага, не бывает! Еще как бывают. У меня вообще вся жизнь – одно сплошное безвыходное. – Айрвен с досадой уставился на девушку. Ну где ей, такой сильной, уверенной, понять его? Небось, обедала не иначе как на серебре, фрейлины всякую прихоть исполняли, папочка-король утром в лобик целовал. Она в своей Аргамбе, поди, и не слышала о Благородном Училище. Ее не муштровали на жаре, не кормили тухлой солониной, ее не секли в караульной за вполне невинные нарушения распорядка... Одно слово, принцесса.

— Ах, какой бедненький мальчик, как же он несчастен, — издевательски запричитала Катарена. — Ах, пожалеем птенчика-младенчика... Небось, думаешь, мне всю жизнь везло? То есть сейчас, конечно, повезло, а вот раньше... Ну почему во всем мире такие глупые законы? Почему я не могу заниматься тем, чем хочется? Ненавижу эти пальцы, веретена, все эти нянькины причитания о девичьем добронравии! Я же в это самое ваше Училище хотела, так не пустили! Не подобает! Нет, ты вот вдумайся — «не подобает»! Я с пяти лет в седле, я прочитала все древние хроники о войнах и героях, я настояла, чтобы меня учили обращаться с любым оружием! И я умею. Сам видел.

— Да уж, — проворчал Айрвен, потирая шишку. — Как ты меч-то мой выбила?

— Очень просто, — фыркнула принцесса. — Ловишь клинок своей саблей, проворачиваешь наискось, потом развернешься в бедре — и готово дело: и клинок летит, и противник тоже, если по дури за рукоять держится. — Она подмигнула Айрвену. — А вас что, разве не учили?

Айрвен почувствовал, что краснеет. К счастью, в полумраке это было не слишком заметно.

— Я болел тогда, — только и нашелся он. — Лихорадка прицепилась. Мне лекарь Наррикус освобождение дал.

— Все с тобой ясно, — грустно сказала принцесса. — Да ты ешь, не стесняйся.

На шелковом платке, возле которого они сидели, было разложено немало вкусного. И толстыми ломтями порезанная ветчина, и пышный, с хрустящей корочкой пирог, и какие-то зеленые, но удивительно ароматные плоды.

— Граста откуда-то приносит, — пояснила Катарена. — Он, знаешь, такой заботливый... И деликатный... К тому же он любит древние песни о героях и знает их немало.

— Так ты что? — вылупил на нее Айрвен. — Так ты рада, что он тебя похитил?

— А то! — вздернула нос принцесса. — Он же спас меня! Еще неделя — и меня выдали бы замуж за этого жирного борова Хруббета.

— Король Налангии? — икнул Айрвен.

— Он самый. Домогается руки и сердца. Уже год как домогается.

— Может, любит? — неуверенно предположил Айрвен.

— Ага, как же! — хихикнула принцесса. — Земли он наши аргамбские любит, расположены они удачно, понимаешь. Атаковать Фанбарру удобно будет. Усек? Так что ему или завоевать нас надо, или тихо-мирно жениться. Завоевать-то он может, — помрачнев, добавила она, — только тратиться не хочет. Проще жениться на мне, и тогда, по закону

о престолонаследии, как мой муж он имеет все права на аргамбский трон. Так-то, пока я не замужем, наследует отцу мой младший братец, принц Толли. Дурацкие законы, не находишь? Почему я не имею прав? Только оттого, что женщина? Только оттого, что в Книге Всевышнего чего-то такое прописано? А мне плевать, я тоже человек, у меня тоже права! Короче, Айрвен, он папе ультиматум выдвинул – или свадьба, или война. Папа и так-то зашибает крепко, а сейчас вообще всю резьбу сорвало. Долго не протянет, боюсь. И тогда...

– Вот, значит, оно что... – вздохнул Айрвен, стараясь вздохнуть глубокомысленно.

– Вот именно, – кивнула принцесса. – Хруббэт становится королем Аргамбы, сливает ее с Налангией и затевает войну с Фанбаррой. Шансы реальные. А покорив Фанбарру, он сможет воцариться во всем Светлогорье... И братца жалко, – помолчав, добавила она. – Толли, конечно, маленький поганец и частенько заслуживает розги, но брат все-таки... А эта свинья его по-тихому отравит или зарежет. Чтобы уж никаких препятствий... Ну и чего мне делать, скажи? Тоже ведь была безвыходная ситуация... Пока меня добрый Граста не унес. Ну что бы я без него делала?

– А это... – рискнул вякнуть Айрвен, – король Хруббет... На него никак нельзя повлиять? Ну, как жена на мужа? Ну, ты понимаешь!

Ответом была пощечина – быстрая, хлесткая. Не слишком болезненная, но обидная до невозможности.

– Ты, сопляк, забываешься! У меня честь! И королевская, и женская. И чтобы я легла с этим жирным, этим вонючим, этим потным?! За кого ты меня принимаешь?! Он старше меня на тридцать лет! У него гнилые зубы! У него между пальцев ног шерсть растет! Впрочем, все это неважно, – уже тише добавила она. – Ложа все равно никакого не будет. Хруббет очень опасается за свою жизнь. Так что ни удушить его в постели, ни кольнуть отравленной булавкой... Меня будут держать заперти в каком-нибудь из его замков. Ковры там ткать, гладью вышивать... Ненавижу! Между прочим, ему женщины вообще по лютне. У него, извращенца, другая склонность.

– Какая? – холодея, спросил Айрвен. Хотя и так было понятно.

– Хуже, чем ты думаешь! – усмехнулась принцесса. – Свиньи! Розовые такие симпатичные хрюшки. Он с ними балуется, об этом вся Налангия знает. Сколько бы он народу на кол ни сажал, а разговоры идут.

– Значит, ты не хочешь отсюда уходить? – спросил Айрвен. – Всю жизнь собираешься просидеть в драконьей норе? Разве это выход?

– А что я могу поделать? – пожала плечами принцесса. – Во всяком случае, пока лучше, чем было. А потом еще что-нибудь придумается.

– Все на самом деле куда хуже, прекрасная Катарена! – раздался вдруг третий голос, низкий, хриплый и тяжелый, как чугун. – Тебе опасно здесь оставаться.

Айрвен вздрогнул и засуетился, нащупывая отложенный куда-то в сторону меч. Страшно было поднять голову – но он пересилил себя. Повернулся, взглянул.

Говорил дракон.

Глядя на эти огромные, усеянные слегка искривленными клыками челюсти, Айрвен понял: вчерашняя девчонка говорила правду. А ввали как раз почтенные наставники-драконоборцы. Мечи и копья против такой зверюги – все равно что человеку иголки ежика. Наверное, только магия способна поразить это свернувшееся кольцами чудовище. Но магию им в Благородном Училище не читали.

– Здесь больше нельзя оставаться. – Слова вылетали из драконьей пасти вместе с клубами пара. – Приближается срок. Мне давно уже надо было вернуть тебя домой, Катарена, но было страшно... не зачтут. Накажут...

– Что с тобой, Граста? – Принцесса, подойдя вплотную к дракону, погладила его по ярко-зеленой чешуе. – Раньше ты не говорил такого.

– Мне казалось... все как-нибудь само устроится. – Дракон говорил медленно, и видно было, что звуки человеческой речи даются ему с трудом. – Но ничего не получилось. Время истекло, сегодня меня должны проверить, сегодня решится, сдан ли мой экзамен.

– Что?! – едва ли не хором выкрикнули Айрвен с принцессой. – Какой экзамен?!

– На окончание школы, – грустно сообщил дракон. – У нас ведь, у *первого народа*, тоже есть школы.

– Так значит, – недоуменно протянула принцесса, – ты унес меня...

– Да, – подтвердил дракон, – таково было мое экзаменационное задание. Сперва похитить принцессу, потом поразить рыцаря, который явится ее спасать. А я не хочу... только кто же меня спросит...

– А что ты должен был сделать со мной? – Голос принцессы задеденел, и Айрвен подумал, что стань она королевой, весь двор свой держала бы в страхе.

– Прекрасная... Давай не будем об этом... для меня это все равно невозможно.

– А он? – Катарена ткнула пальцем в оцепеневшего Айрвена. – Что ты сделаешь с ним?

– Ничего. – Слова падали на каменный пол каплями горячей смолы.

– Разве могу я причинить ему вред?

«А разве нет?» – сумрачно подумал Айрвен, глядя на клыки длиной в локоть.

– Плохо быть не таким, как все, – добавил дракон. – Все наши надо мной насмеваются, дразнят... Всю жизнь, едва лишь раскололось мое яйцо. Мне не хочется ни с кем сражаться, мне безразлично золото, меня тошнит от уроков колдовства. Знаете, как меня обзывают? Человечья вонючка!

Из черного драконьего глаза выкатилась огромная (в бутылку бы не уместилась!) слеза, потекла по чешуйчатой коже.

– А что с тобой будет, если экзамен не сдашь? – рискнул спросить Айрвен.

– Ничего не будет, – вздохнул дракон. – В смысле, меня не будет. У нас ведь как: сдал выпускной экзамен – живи, а нет – умри, не позорь *первый народ*. Наши начальствующие пекутся об общественном здоровье.

– И как... как это должно быть? – тихо спросила принцесса.

– Учителя отведут меня в Зал Порядка и поставят там. А сами станут вокруг. И сожгут огнем своим.

Несколько минут все молчали. Никому не хотелось первым разбивать тишину.

– Что же нам делать, ребята? – наконец проговорила принцесса.

– Ничего уже не поделать, – ответил дракон. – На закате моя учительница, почтенная Тхмарргру, явится сюда принимать экзамен. Если увидит вас – мы погибнем все вместе. Сейчас я вынесу вас из пещеры – и бегите, бегите вниз. Твой конь стар, вынесет ли он двоих? – Уродливая голова повернулась к Айрвену.

– Н-ну... Должен, наверное. А ты откуда знаешь, что он стар?

Дракон не ответил. Вместо этого сказал:

– Все, нам пора. Залезайте мне на спину и ухватитесь покрепче.

– Как же ты собираешься выходить? – поразился Айрвен. – Тебе же не протиснуться через туннель!

– Туннель не для меня, – усмехнулся дракон. – Он для таких, как ты. А мы, *первый народ*, знаем совсем другие пути, для человека непостижимые... И железки свои захватите. А то еще Тхмарргру заметит... она такая подозрительная. Ну, давайте, лезьте!

Уже ухватившись за драконью шею (чешуя оказалась неожиданно скользкой), Айрвен подумал, что Граста все же чего-то недоговаривает. Что-то такое чувствовалось в его словах... словно он и хотел в чем-то признаться, и боялся.

Но размышлять было уже некогда. Огромное тело дракона напрялось, пробежала по нему быстрая волна – и каменные стены стреми-

тельно надвинулись, сомкнулись – и вдруг сделались вязкими, тягучими, словно сметана у хорошей молочницы. Все утонуло в буром мареве, и не было там ни верха, ни низа, и даже обычно быстрые секунды застыли оплывающим воском. И только ушибленный затылок болел по-прежнему.

Видимо, солнце или уже закатилось, или вот-вот собиралось это сделать. За плотным слоем туч не видать, конечно, но сумерки надвигались – мокрые, холодные, отрезвляющие.

Айрвен с Катареной стояли в том самом распадке, где вчера сидела на камне странная девчонка. А дракон Граста, свернув свое необъятное тело пирамидой колец, устроился рядом.

– Ну, как бы там ни было, а домой я не собираюсь! – решительно заявила принцесса. – Вот только муженька Хруббета мне и не хватало для полного счастья. Пускай думают, что меня сожрали! Ну и шут с ним, с королевским достоинством. Пойду хоть мир посмотрю. Всегда, знаете ли, хотелось увидеть далекие страны... и волшебные земли, что лежат за морем-океаном. Может, куда-нибудь в войско наймусь... или матросом на корабль...

– Кто ж тебя возьмет? Особенно на корабль? – скептически фыркнул Айрвен.

– Подумаешь! Парнем переоденусь. Я большая, сильная, и голос низкий.

– Все равно заподозрят.

– Вот как в лоб засвечу этим подозрительным, враз все сомнения вылетят. С мозгами вместе. – Принцесса говорила уверенно, как о деле давно решенном. Айрвен даже подумал: а не вынашивала ли она таких планов еще до похищения?

– Ну а со мной тоже ясно, – сказал Айрвен, уставясь взглядом в грязновато-бурый камень. – Папаша меня домой не примет, рыцарем мне не быть. Зато я песни петь умею, буду по кабакам ходить, авось, с голоду не помру.

– Как бы мне хотелось тоже! – глухо пророкотал дракон. – Оказаться навсегда человеком, жить в тишине, в скромности. Пускай даже и хворост собирать... лишь бы никого не жечь, не копить мертвые соколовища... Только ведь не получится, чтобы навсегда...

– Ты что имеешь в виду? – подозрительно уставилась на него принцесса.

– Да, – вздохнул Граста, – это так. Все драконы – оборотни. Мы можем принимать человеческий облик, но, к несчастью, ненадолго. Потому и бесполезно мне бежать.

– Так что же ты раньше молчал? – присвистнул Айрвен. – А можешь сейчас обернуться?

– Могу, – признался дракон. – Только некогда уже. Давайте прощаться, а то Тхмарргру нагрянет.

– Ну хотя бы напоследок! Ну что решает пара минут?

– Что ж... – Дракон шевельнул узкими кожистыми крыльями, которые в полутьме пещеры были незаметны. – По правде говоря, мне тоже не хочется... чтобы вы меня запомнили в этом облике...

По его чешуе прокатилась заметная дрожь, на миг тело чудовища подернулось мутным туманом – и вот уже не сталс никакого дракона. На камне сидела девчонка. Та самая, светловолосая, в длинном, до пят, платье.

– Так значит, это был ты? – потрясенно прошептал Айрвен, невольно шагнув вперед.

– Да, это была я, – подтвердила девчонка. – Я же тогда честно предупредила: лучше бы тебе вернуться...

Принцесса, похоже, удивилась ничуть не меньше Айрвена.

– Ну и ну! Так что же выходит, Граста, ты – девушка?

– Ну да! – кивнула Граста. – А что тут странного? У драконов все как у вас, людей.

– Но почему же ты не говорил... не говорила?

– А я и не говорила, что мужчина, – чуть усмехнулась девчонка. – Просто в вашем языке слово «дракон» – мужского рода, вот ты и подумала...

– И долго ты можешь оставаться такой? – спросил Айрвен.

– Недолго, – призналась Граста. – Полчаса, ну, если постараться, час. Не больше.

– А насовсем, значит, нельзя? – грустно протянул он, глядя на гибкую, тонкую фигуру. Менестрели сравнили бы ее с ивой... или с молодой березкой...

– Это почти невозможно, – вздохнула девчонка. – Драконья натура ведь никуда не денется, и убить ее нельзя.

Айрвен вспомнил гобелен, висевший в Благородном Училище, в парадном зале. Огромный гобелен, всю стену покрывает, лет сто, наверное, его ткали. Изображен великий рыцарь Фраггед, поражающий копьем извивающуюся клыкастую змеюку. И надпись золотыми буквами, по всей ширине: «Убить дракона!»

Выходит, врала надпись... И врали убеленные сединой профессора драконистики...

– Ты сказала «почти»! – Голос Катарены перебил воспоминания.

– Да, – совсем тихо сказала Граста. – Есть один способ. Но это все

равно невозможно. Разве найдется такой человек, что по своей воле пожелал бы воспринять драконью натуру?

— Так-так, — заинтересовалась принцесса. — И как именно?

— Есть такой ритуал... очень древний... Я читала в одном старом свитке, который наши начальствующие не заметили, когда очищали Главную Библиотеку от всего вредоносного... и там сказано, что ежели найдется такой человек и ежели произнести нужные слова и слить всеедино две капли крови — драконью и человеческую, то драконья природа от дракона перейдет к человеку, и тот сам сделается драконом-оборотнем, а дракон станет человеком... безвозвратно. Только все это глупости, никто ж не проверял. Да и не отыщется такого человека.

— Ну почему же не отыщется? — задумчиво протянула принцесса.

— Ясно почему! — вмешался Айрвен. — Кто ж пойдет против Всевышнего, кто ж захочет загубить свою бессмертную душу, оборотившись чудовищем?

— Мальчик, — холодно взглянула на него принцесса, — ты, видать, невнимательно читал Откровение Всевышнего. Ибо сказано там: «Кто душу свою отдаст за ближних своих, тот сбережет ее, кто же убьют, тот погубит ее».

— Ты что имеешь в виду? — не понял Айрвен.

— То и имею, — отрезала принцесса. — Слушай, — повернулась она к девчонке, — а слова-то помнишь? Ну, которые были в том свитке?

Но Граста не успела ответить. Черная тень упала на всех троих, и сумрачный вечер сразу обернулся ночью.

— Та-ак! Вот, значит, сколь усердно выполняем мы экзаменационное задание!

Чудовище, встав на задние лапы, возвышалось над ними подобно колокольне в городке Брумгенн — туда, в пивные, удавалось порой смотреть из Благородного Училища его питомцам. И голос у драконихи был под стать главному, басовому колоколу. Казалось, сверху валяются не слова, а увесистые булыжники.

— Вот к чему закономерно приводят дерзкое своеволие, неуважение к общественным традициям, леность в постижении премудрости, склонность потакать прихотям своего зачаточного разума, наглость, слюнтяйство и головотяпство!

Айрвен искоса взглянул на Грасту. Та — по-прежнему в человеческом облике — сжалась, побледнела, хотя куда уж дальше-то бледнеть? Рядом с огромной, иссиня-черной тушей почтенной Тхмарргру девчонка казалась мышкой. Впрочем, как и Айрвен с Катареной. Бежать было бессмысленно, и оба это понимали.

– Сколько усилий, сколько средств было потрачено на твое образование, неблагодарная девчонка! А ведь еще глядя на твое яйцо, я уже предвидела пагубный путь. И хотя отдельные чересчур оптимистично настроенные коллеги не желали внять моим предостережениям, ныне тайное сделалось явным! Гнусная, омерзительная жалость к человечешкам! Что может быть позорнее для истинного дракона? Почему эта شماкодявка, – исполинский коготь приблизился к лицу принцессы, – до сих пор не обращена в золото? Почему этот кусок жесткого мяса, – другой коготь потянулся к Айрвену, – все еще не поджарен? Так-то ты сдаешь свой экзамен, так-то выписываешь себе подорожную в драконью жизнь?

Граста молчала, уставившись себе под ноги – словно там скрывалось что-то крайне интересное. И лишь по тому, как вздрагивали худенькие плечи, Айрвен чувствовал ее страх.

– Все, кончилось терпение! – провозгласила старая дракониха. – Экзамен тебе не зачтен, и пересдачи, ввиду открывшихся обстоятельств, не жди. Сейчас ты отправишься со мной на преподавательскую коллегию, и там будет поведено о твоей скверне, о твоём предательстве *первого народа*! А после, в торжественной обстановке, мы поджарим тебя огнем уст наших! То, что запятнало себя человеколюбием, недостойно жить!

Тварь перевела дыхание, потом изрыгнула из пасти сгусток рыжего пламени. Ее бесцветные, немигающие глаза остановились на Айрвене с Катареной.

– А знаешь что, скверная девчонка, я, пожалуй, дам тебе последний шанс. Пять минут. Живо принимай истинное обличье и доведи до конца то, чему надлежало исполниться! Поджарить и озолотить. Отсчет пошел!

Граста покорно кивнула, раздавленная учительским взглядом. Вздрыгнула, дернулась – и Айрвен едва успел отскочить подальше. На месте девчонки появился огромный, по-весеннему зеленый дракон. Правда, несмотря на необъятные размеры, по виду он смахивал на курицу, которой прямая дорога в суп.

– Ну-с, молодые люди, с кого начнем? – расхохоталась учительница.

– Я... – Граста поперхнулась собственным ревом. – Я не буду... я не могу...

Айрвену вдруг ужасно захотелось в ближайшие кусты, хотя они, ближайшие, находились внизу, там, где пасся сейчас невозмутимый Ямбо. Однако приходилось мужественно терпеть.

– Ты, ящерица, кого شماкодявкой обозвала? – Решительно оттолкнув Айрвена, принцесса выступила вперед. – Ты на кого поднимаешь

хвост? На королевскую дочь? Тебя не учили, бабка, что за гнилые речи должно вырывать язык?

Смех драконихи был подобен горной лавине.

— Значит, начнем с тебя, девочка, — отгрохотав, заявила почтенная Тхмарргру.

— Нет, бабка, мы начнем с тебя!

Айрвен даже не почувствовал, как висевший у него на поясе дедовский двуручный меч вдруг вылетел из ножен — и заплясал в ладони Катарены.

— Прекрасная! — потрясенно взревела Граста. — Остановись! Человеку не под силу поразить дракона!

Принцесса и не подумала отвечать. Одним прыжком подскочив к ее лапе, она со всей мочи всадила клинок в палец, туда, где саблевидный коготь выступал из чешуи. Треск, оглушающий, рвущий барабанные перепонки Грастин рев — и несколько капель густой зеленой жидкости пролилось на широкое лезвие. Сталь тут же зашипела, ее заволокло густым сизым дымком.

— Так, — невозмутимо усмехнулась принцесса, — один ингредиент у нас есть. А сейчас будет второй. Ну-ка, подруга, живее превращайся назад.

Невесть откуда в левой ее руке оказался узкий стилет. Быстрое, скользящее движение, просверк стали — и темная кровь залила ее правый локоть.

Айрвен и не подозревал, что можно двигаться с такой скоростью. Мгновения не прошло — а Катарена, отбросив стилет, перехватила меч левой рукой и подставила его под быструю кровавую каплю. Все его мысли были заняты принцессой — и потому он лишь краем глаза уловил, как Граста обернулась девушкой. Зато Катарена не зевала.

— Граста! — заорала она, подбегая к перепуганной союзнице. — Ну давай же! Говори слова!

Айрвен обнаружил, что не может сдвинуться с места. Словно какая-то сила приморозила его ступни к земле. Оставалось лишь растерянно наблюдать, как старая дракониха взмывает в воздух, закрывая собой полнеба, и примеряется, как бы ловчее плюнуть огнем. Все его внимание было захвачено ожиданием мучительной гибели, и потому он почти не замечал странные, отрывистые, но вместе с тем ритмичные звуки. Они доносились оттуда, где стояли, обнявшись, Катарена с Грастой.

А потом вдруг оказалось, что уже не половина — все небо подернулось тьмой, и там, во тьме, бушует гроза, скрещиваются оранжевые молнии, доносится яростный рев. В вышине кружились теперь два дракона. Они сталкивались, били друг друга острыми крыльями, разлета-

лись, изрыгая струи спящего огня. И это тянулось бесконечно, и никто не мог взять верх.

Внезапно Айрвен обнаружил, что прижимает к себе рыдающую Грасту. Кто из них первым шагнул к другому, кто первый открыл объятия, он так никогда и не узнал.

— Она убьет ее! — всхлипнула Граста, уткнувшись ему в щеку. Шлем давно уже свалился и канул где-то в камнях, и ничто не мешало вчернему дождю смывать у обоих слезы.

— Кто кого убьет? — Впрочем, Айрвен и сам понимал кто. Где уж смелой, но неопытной девчонке тягаться с матерой, злобной драконихой? К тому же толком не освоившись в чужом пока еще теле...

Он вновь запрокинул голову — и невольно прошептал: «Всевышний! Ну она и дает!»

Ярко-зеленый дракон, отпрянув от черно-синего, вдруг перевернулся в воздухе и захлестнул своим хвостом шею противника. Сдавлив несколькими кольцами, точно удав, а потом принялся резко метаться из стороны в сторону, всякий раз изгибая вражескую шею под немыслимыми углами. Вскоре послышался глухой треск, будто на сухую ветку наступили.

— О! — прошептала ему в мокрое ухо Граста. — О, как это по-человечески...

Сумерки сгустились — неторопливо, мягко, по-кошачьи. Грязно-сиреневое небо все так же сочилось мелким, надоедливym дождем, но не было в нем драконов, ни одного. Все кончилось.

— Как же ты решилась? — в который раз спрашивал Айрвен Катарену. Усталая, тяжело дышавшая, она сидела на грязном камне, несколько не боясь запачкать одежды. Ей, видно, было уже все равно.

— Да вот так и решилась, — хмыкнула принцесса. — Все равно иначе эта уродина всех нас прибила бы. — Она кивнула в сторону распластавшейся на острых камнях туши. — А так хоть шанс какой-никакой был.

— Но как же ты теперь? А корона? А замуж? Ну а вдруг полюбишь кого-нибудь?

— Вот когда случится это «вдруг», тогда и подумаю, — отрезала Катарена. — А пока что я довольна. Все остались живы, у Грасты сбылась мечта, ты сдал свой экзамен...

— Как это я его сдал? — растерянно пробормотал Айрвен, переводя взгляд с принцессы на чернеющую тушу почтенной Тхмарргру.

— Очень просто. Вот мертвый дракон, вот твой меч, коим поражено было страшилище. Твои убеленные сединами наставники възрыдают от счастья.

– А самое главное? А принцесса? – Айрвену было не по себе от ее спокойного, равнодушного тона.

– А принцессу съел дракон. Сам посуди, не обязан же бедный зверь целую неделю поститься, ожидая смелого рыцаря. Скажешь: зато победили силы добра. Все будут довольны. Даже папа. Главное, войны уже не будет. А вот кто расстроится, так это несостоявшийся мой муженек... Ну да ничего. Горе его будет недолгим...

– Но это же нечестно! – растерянно протянул Айрвен. – Я же его... в смысле ее... не убивал. Это все ты...

– Мальчик, – очень грустно и как-то очень по-взрослому усмехнулась принцесса, – мы живем не в легенде и не в рыцарском романе. Это жизнь, понимаешь? Скучная, как дождик, страшная, как чудовище, – кивок в сторону мертвой драконихи, – глупая, как ты. И по-другому не бывает. Ладно, нам, наверное, пора прощаться. Я надеюсь, ты позаботаешься о Грасте? На лютне-то играешь? Значит, будешь ей кансоны петь...

Айрвен лишь кивнул, крепче обнимая светловолосую девчонку. Березку или иву, как сказали бы менестрели. Если бы, конечно, узнали. Но незачем им такое знать.

– Тогда прощай. – Принцесса вдруг шагнула к нему, нагнулась – и легко, холодными губами, поцеловала в потный лоб. Затем отошла подалее.

– Прощай, Граста! Будь счастлива!

– Постараюсь, – тихо проговорила девчонка.

Катарена кивнула, сжалась, точно ожидая удара, быстрая волна пробежала по ее телу – и вот уже огромный дракон, рассекая вечерний воздух, взмыл в промокшее небо. Стремительно набирая высоту, сделал круг над ложбинкой, где стояли, обнявшись, Айрвен с Грастой, и, развернувшись, помчался ввысь. Вот он, удаляясь, сделался размером с ворону, потом – с муху, а после и совсем растаял в сумерках.

– На север полетела, – задумчиво сказала Граста. – А что там, на севере?

– На севере у нас Налангия. – Айрвен фыркнул, не в силах сдержать свой смех. – По-моему, там скоро овдовеет множество свиней...

– Пойдем домой, а? – шепотом попросила Граста.

– Пойдем! – И они не спеша направились вниз, где шумно вздыхал флегматичный старенький Ямбо. Старенький, но крепкий, двоих уж как-нибудь да вынесет.

Роджер Желязны

РАССКАЗЫ

Роджер Желязны — не просто признанный классик фантастического жанра. Это классик, которого читают и перечитывают, а потому постоянно переиздают. Конечно, отчасти его неспадающая популярность объясняется «вневременным» характером творчества, обращенного к вечным темам. Однако первичен все же литературный талант... «Звездная дорога» предлагает вниманию читателей два маленьких рассказа Желязны, которые пока еще не выходили на русском. Они были написаны в начале 1960-х, но в них уже заметен масштаб писательского дарования, уже использованы те приемы, которые автор доведет до совершенства в дальнейшем. Оба рассказа, по всей видимости, войдут в том короткой прозы Желязны, который готовится сейчас в серии «Шедевры фантастики» (издательство «ЭКСМО»).

Коллекция Малатесты

Мне будет не хватать этих книг. Может, я просто стареющий пережиток тех развратных времен, но мне нравится думать, что в моей привязанности есть и чисто научный интерес.

Но я ведь помог обнаружить их, и это единственное, что удерживает меня здесь после того, как их спрятали.

Не заблуждайся на сей счет, Космический Глаз, я говорю не от себя лично. Во всех нас есть что-то от меня, как и от Пола Малатесты.

Роден сейчас как раз взбирается на платформу. Книги спрятаны в ящик, ящик замурован под угловым камнем, а статуя задрапирована.

Сегодня исполняется год с того дня, как он случайно сделал это открытие. Он копался в яме, этот чокнутый скульптор, раскапывал дыру во Времени. Это было среди неразобранных развалин, где иногда находят останки древней цивилизации. Он частенько ковырялся в них, на-

деясь наткнуться на бюст, торс или кусок фрески. Время от времени он совершал потрясающие открытия.

Но коллекция Малатесты* единственная в своем роде.

– Этот случай заслуживает некоторых комментариев, – начинает он. – Продиктовано ли это его печальной известностью или той ценностью, которую он представляет для историков, я сказать не могу. Зато я могу сказать другое, – продолжает он. – То, что вы делаете, – неправильно. Перед лицом вечных ценностей вы совершаете грех, хороня то, что еще живо.

Вокруг него на платформе теснятся встревоженные лица. Но никто его не прерывает; никакое сопротивление невозможно перед массивным достоинством его девяноста лет. И он продолжает:

– Я добровольно принял участие в этой церемонии, потому что каждая могила заслуживает памятника, и это так же верно, как и то, что из корней вырастает дерево. Каждый ушедший заслуживает достойного слова, хотя бы и с опозданием на столетия. На краткий миг мы вызвали их на свет Божий, и вы, дети света, были потрясены, ибо они оказались живыми. Теперь вы хороните их вновь, и меня, их отчима, позвали, чтобы увековечить то, что вы делаете.

Я ненавижу вас, ненавижу вас всех. Но вы должны выслушать меня – вы слишком вежливы, чтобы отказаться, – и, без сомнения, вы будете аплодировать, когда я закончу.

Я помню день, когда мы нашли их...

Я тоже помню тот день. Его сухонькая фигурка в неизменном поношенном плаще ворвалась в мой кабинет, как стрела. Дверь громохнула о стену, и он запрыгал с ноги на ногу перед моим столом:

– Идем, быстро! Я нашел душу наших предков!

Он заметался, как ласточка, сделал несколько ложных выпадов к двери, хлопая себя по карманам, и тут вдруг заметил, что я даже не встал.

– Поднимайся на ноги, и идем со мной! – приказал он. – Это слишком долго ждало нас!

– Сядьте, – сказал я ему. – У меня через полчаса лекция по древней литературе. Лишь нечто очень важное может отменить ее.

Его белые усы разлетелись в стороны.

* «Коллекция Малатесты» – термин, хорошо известный медиевистам. Так называется библиотека из 120 манускриптов, собранная в середине XV века Малатестой Новелло (здесь и далее прим. ред.).

– Древняя литература! Все еще умиляетесь Памелой и Дэвидом Копперфильдом*? Позволь мне сказать тебе кое-что: есть вещи более великие, и они у меня!

У Родена была Репутация.

Он считался чудачком, почти парией, игрушкой богачей, которым он швырял оскорбления прямо в лицо, – человек богемы в эпоху, когда не может быть никакой богемы; творец искусства, которое оставалось незамеченным. Величайший из живущих скульпторов.

Наконец он уселся в кресло, своим величием едва не превратив меня в статую.

– Я не упрямлюсь, – извинился я. – Просто у меня есть обязательства. Я не могу срываться с места, пока не узнаю, за чем предстоит охотиться.

– Обязательства, – повторил он обманчиво мягким тоном. – Да, пожалуй, это важно. В наши дни каждый пеняет на обязательства. Немного осталось людей свободного духа, охотников за Граалем, которые поверили бы на слово, что существует нечто действительно важное, на что можно потратить час-другой.

Мне было больно это слышать, потому что я уважаю его больше, чем кто бы то ни было, – за энциклопедические познания в искусстве, за яркую эксцентричность и за тот холодный огонь, который пылает в его работах.

– Простите, – сказал я. – Расскажите мне, в чем дело.

– Ты – преподаватель литературы, – возвестил он. – Я нашел для тебя непрочитанную библиотеку.

Я глотнул, зажмурился, и перед моими сомкнутыми веками поплыли полки с книгами.

– Старые книги? – прошептал я.

Он кивнул.

– Насколько старые?

– Многие относятся к XIX и XX векам, но немало и более древних.

Меня затрясло. Сколько лет я мечтал о такой находке? В развалинах в основном лежал мусор: бумага столь недолговечна.

– Много? – спросил я.

– Много, – признался он.

– Мне нужно сказать секретарю факультета, что лекции не будет.

– Я встал. – Вернусь через минуту. Это далеко?

– Час езды.

* Памела – героиня романа С.Ричардсона «Памела, или Вознагражденная добродетель». Дэвид Копперфильд – герой одноименного романа Ч.Диккенса.

Я полетел по коридору, сбрасывая с себя обязательства, словно перья.

Осмотрев их, мы не могли поверить в свою удачу. Их было так много, и все превосходно сохранились во тьме веков. Мощные стены строения уберегли их от влаги, старения, насекомых...

Я перебирал их дрожащими руками. Бэкон? Легендарный Шекспир, от которого до нас дошло только имя? Могли ли они так говорить? Я был очарован. Великолепная язвительность Марка Твена сохранилась – но это!

Я осторожно закрыл издание 1601 года и вложил его в защитную упаковку, которую захватил с собой. Открыл книгу, принадлежащую перу человека по фамилии Миллер.

Через десять минут мне стало плохо, очень плохо. Я взял бутылку вина, которую Роден извлек из-под плаща. Пока я пил, он хранил молчание.

Пристроившись в углу, он делал странный набросок при свете свечи.

То, что осталось от двух человеческих существ, покоилось на том, что осталось от кровати. Я старался не смотреть в том направлении, но их поза не вызывала сомнения. Мой взгляд то и дело натывался на руки скелетов. Я видел, что они лежали обнявшись, когда упала бомба; я ощущал, как бетон сотрясается от взрыва, тщетно пытаюсь остановить радиацию, поглотившую его создателя. И вот теперь скелет обнимал скелет в саду из книг, скаля зубы в сторону живых созерцателей.

Я сделал вид, что изучаю «Молль Фландерс»*, заслонившись книгой от этого зрелища.

– Это место называли убежищем отшельника, не так ли?

– Верно. Многие люди строили их перед темными временами.

– И этот человек... – Я взглянул на изящный экслибрис на странице «Камасутры». – Этот Пол Малатеста подготовил свое убежище довольно необычным образом, правда?

– Не знаю. – Он захлопнул альбом. – Не знаю, как они мыслили в те дни, но думаю, он оснастил его тем, что лелеял всю жизнь.

– Я преподаю литературу, – размышлял я вслух, – но никогда не слышал об этих книгах. Автобиография Харриса**, «Стихи по разным

* Роман Даниэля Дефо.

** Фрэнк Харрис – английский журналист, редактор, друг О.Уайльда. Его предельно откровенная автобиография "Моя жизнь и любовные приключения" в свое время вызвала культурный шок.

поводам» Рочестера, «Непристойности», «Гамиани»*, «Шлюхи», «Фестиваль любви» Корайата.

– Значит, пора услышать, – отозвался он, – поскольку они перед тобой.

– Но язык, – запротестовал я, – и предмет описания... все это так... так...

– Грубо? – подсказал он. – Приземленно? Прimitивно? Гадко? Не прилично?

– Да.

– Я нашел это место вчера. Всю ночь читал. Нам нужны эти книги, если мы хотим иметь верное представление о наших предках и о самих себе.

– О самих себе?

– Да. Тебе бы лучше почитать вон те работы. – Он показал на полку. – Их написал некто Фрейд. Ты думаешь, человек абсолютно рационален и морален?

– Конечно. Мы уничтожили преступность, образование стало обязательным. Мы далеко ушли от своих предков как в этическом, так и в интеллектуальном плане.

– Чушь! – снова фыркнул он. – Насколько я могу понять, основополагающая природа человека оставалась неизменной на протяжении всей истории.

– Но эти книги!

– В те времена они уже летали на Луну, побеждали болезни, от которых мы страдаем до сих пор. Они признавали демонический дух Дидониса, который живет в каждом из нас. Книги, дошедшие до наших дней, просто были наиболее многочисленными, если только ты не считаешь обилие признаком величия. Но маленькие тайники всегда снабжали нас самыми важными открытиями...

– Я не знаю, как они будут восприняты.

– Будут ли они восприняты, – тихо поправил Роден.

– Я бессилён остановить вас. Мне остается только протестовать. Я могу частично оправдать вас, потому что вы все-таки решили не сжигать их. Но ваше решение заставить их дожидаться более квалифицированного поколения читателей равносильно вечному проклятию. Вам это известно, и я осуждаю вас...

Какой переполох, какую бурю критики – как научной, так и общественной – довелось мне тогда поднять!

* Роман Альфреда де Мюссе.

Когда я принес коллекцию Малатесты в университет, из рядов профессуры раздались радостные возгласы, быстро сменившиеся удивленным поднятием бровей. Я не такой патриарх, как Роден, но в обществе, столь правильном, как наше, я достаточно стар, чтобы избежать открытых оскорблений. Хотя многие едва сдерживались.

Сначала наступила растерянность.

— Это, безусловно, очень важная находка. Несомненно, книги проливают новый свет на историю литературы. Разумеется, они заслуживают самого пристального изучения. Но широкая публика... Словом, лучше подождать до тех пор, пока мы сумеем до конца оценить их.

Я никогда не сталкивался с таким отношением и сказал им об этом.

Мне показалось, что вокруг стола в конференц-зале сидят ледяные статуи. Они предпочли проигнорировать мои слова, лишь осуждающие взгляды поблескивали сквозь толстые стекла очков.

— Но Чосер, — настаивал я, — Гюисманс, «Орестея»*! Нельзя просто выбросить их вон только потому, что вам неприятно это читать! Все это литература, квинтэссенция жизни, пропущенная через призму гениальности!

— Мы не уверены в их принадлежности к искусству, — сказала одна из ледяных статуй.

Я взорвался и ушел с работы, но моя отставка не была принята, потому-то я все еще здесь. Литература — она как пирог, один кусок лучше, чем ничего.

— Вы не выпустили их в свет. Вместо этого вы заточили их под краеугольным камнем нового здания философского факультета, что само по себе демонстрирует скрытую иронию жизни, и поручили мне по прошествии года соорудить им надгробие.

Вы предпочитаете не использовать этого слова, но чтобы смягчить муки совести — вы же люди высокоморальные! — вы не смогли не увековечить величие того, чему были свидетелями, хотя и отнеслись к этому с презрением.

Я соорудил ваш мемориал — и он не похож на обычный для меня храм Маммоны, в котором ангелы моего раскаяния шныряют меж морских раковин. Нет, это памятник Человеку — такому, каким он был, есть и пребудет вовеки...

О, мертвый Малатеста! Со своей бледной госпожой Франческой ты укрылся в радиоактивной печи, когда ракеты пели гимн смерти... Рыдала ли она? Что сказала в последний миг? Я читал твой дневник вплоть до

* Трагедия Эсхила.

финальной записи: «Мы поджариваемся. Дьявол! Нас найдут такими, будто мы начали...»

Я восхищаюсь тобой, Малатеста, так же, как я восхищаюсь Кастильоне и Да Винчи. О эрудит, ученый и человек до мозга костей! Вращайтесь же по своим орбитам, человеческие атомы, вы сделали закат моей жизни более красочным...

Вот... — Он протянул руку к темному покрывалу. — Вот воплощение человеческого начала.

Он сдернул покров.

Университетский двор наполнился вздохами, а мои глаза — слезами. Роден совершил это! В какую бы кладовку, на какой чердак они это ни спрятали, его слава будет жить в сердцах потомков.

Стальные ребра, покрытые белой эмалью, — и та ужасная поза: руки скелетов в вечном чувственном объятье и сладострастные улыбки на лицах, лишенных плоти.

На бронзовом пьедестале высечена простая надпись: «Поцелуй Родена».

И тут до меня донесся голос из зала:

— Эта статуя... Делайте с ней что хотите — но никогда не подпускайте меня близко!

Невольные аплодисменты разбили тишину, смешиваясь со вздохами и тихими комментариями.

В тот день я уволился еще раз, уже окончательно.

Спасение Фауста

Звонят проклятые колокола времен Оргий. Мои слова расплываются на странице.

Моргнув, я вижу, что бумага намокла.

У вина странный вкус, в воздухе гниlostный аромат, и Елена тихонько похрапывает во сне...

Я встаю. Подхожу к окну и выглядываю наружу.

Животные предаются веселью.

Они похожи на меня. Они ходят и говорят, как я. Но они животные. *Animale post coitum triste est** — отнюдь не бесспорная истина. Они счастливы.

Бегают вокруг огромного шеста, бесстыдно рассыпаются по дере-

«The Salvation of Faust» by Roger Zelazny

* Животное после соития печально (лат.).

Спасение Фауста

венской зелени; воистину счастливые животные. Они счастливы вновь и вновь.

Я отдал бы все, чтобы присоединиться к ним!

Но они питают ко мне отвращение.

...Елена?

Нет. Нет мне сегодня утешения. Ибо воистину я triste.

Вино. Их вино начинает течь с раннего утра! Благословенное опьянение охватывает всю округу. Мое же вино отдает горечью.

Я проклят.

– Боже мой, Боже, зачем ты отвернулся от меня?

– Фауст?

– Елена?

– Иди ко мне.

Я целую ее с нежностью, смешанной с тем странным чувством, что наполняет меня все последние месяцы.

– Почему?

– Что «почему», милая?

– Почему ты так ко мне относишься?

– У меня нет слов, чтобы выразить свое чувство.

Ее слезы падают на покрывало, горестно увлажняют мои руки.

– Отчего ты не такой, как другие?

Я смотрю в окно. Каждый удар колокола Оргий отдается в стенах моей плоти, в каркасе скелета.

– Я выторговал нечто очень ценное, милая, отдав все, чем владею.

– О чем ты?

– У меня нет слова для этого.

Я возвращаюсь на балкон и бросаю пригоршню золотых монет попрошайкам, толпящимся у моих ворот. Они разрываются между желанием получить милостыню и стремлением откликнуться на похотливый зов своей дряблой плоти. Да возымеют они и то, и другое!

А теперь убирайтесь!

Мой взгляд падает на кинжал, церемониальный кинжал, который я использовал в ритуалах. Если бы только у меня была сила, была воля...

Но что-то, чего я не в силах постигнуть, кричит во мне: «Не смей! Это...» Я не знаю, как выразить эту идею словами.

– Вагнер!

Внезапное решение. Униженная мольба.

Попытка...

– Вы звали, хозяин?

– Да, Вагнер. Приготовь северную комнату. Сегодня я буду колдовать.

Его веснушчатое лицо вытягивается. Курносый нос обиженно сопит.
– Поторопись. Расставь все по местам. Затем можешь присоединиться к остальным на лугу.

Его лицо светлеет. Он кланяется. Прежде он никогда не кланялся, но я изменился, и люди теперь боятся меня.

– Елена, драгоценная моя, я удаляюсь, чтобы надеть свои одежды. Возможно, я буду другим человеком, когда вернусь.

Она тяжело вздыхает, она извивается на постели.

– О, скорее! Пожалуйста!

Ее животная страсть и притягивает меня, и отталкивает. Проклятье! Такие вещи я никогда не считал запретными! И ради какого-то богатства, знания, власти...

Иду вдоль нескончаемых коридоров, среди сверкающего хрусталя, мрамора, многоцветных гобеленов. Тысячи статуй моего дворца плачут:

– Помедли! Спаси нас, Фауст! Не возвращайся туда! Мы станем уродливыми...

– Простите меня, красавицы, – отвечаю я, – но вас мне недостаточно. Я должен постараться вернуть себе то, что когда-то было моим.

Я иду дальше и слышу сзади рыдания.

Северная комната затянута черным, и Круг начертан на полу. Свечи бичуют тьму огненными кнутами. Стены каруселью ходят в умоляющих глазах Вагнера.

– Хорошая работа. А теперь иди, Вагнер. Радуйся дню, радуйся своей юности...

Мой голос обрывается, но Вагнер уже далеко.

Черные одеяния вызывают у меня дрожь отвращения. Они столь несовместимы с моим существом... сам не знаю почему.

– Сгустись, тьма!

На меня наваливается тяжесть. Скоро, скоро установится связь.

– Великий рогатый, призываю тебя из глубин...

Каждая свеча превращается в костер.

Но огонь не источает света.

Видимая тьма...

– Всеми великими именами заклинаю тебя, явись передо мной...

И вот он здесь, и мои члены наливаются свинцом.

Два глаза, мерцающих, немигающих, из покровов абсолютной тьмы.

– Ты звал меня, Фауст?

– Да, великий рогатый, Властелин Празднества, я призывал тебя сегодня.

– Чего тебе надобно?

Спасение Фауста

— Расторгнуть сделку!

— Почему?

— Желаю вновь стать таким же, как все. Я сожалею о том, что заключил договор. Возьми назад все, что дал мне! Сделай меня подобным беднейшему попрошайке у моих ворот, но сделай меня тем, кем я был.

— Фауст. Фауст. Фауст. Трижды называю я твое имя с сожалением. Ибо все уже не так, как я желаю или как ты желаешь, но согласно изъясленной воле.

Голова у меня кружится, колени подгибаются. Я делаю шаг вперед и разрываю Круг.

— Тогда поглоти меня. Я не желаю больше жить.

Покров тьмы колыхнулся.

— Я не могу, Фауст. Это твоя судьба.

— Но почему? Что я сделал такого, отчего стал особенным, что отделило меня от остальных?

— Ты принял душу в обмен на жажду жизни, ты же знаешь.

— Что такое душа?

— Я не знаю. Но это было частью договора, а в вашем мире существуют правила, которые я обязан соблюдать. Ты навечно, бесповоротно спасен.

— Могу ли я что-нибудь с этим поделать?

— Ничего.

Непосильной тяжестью давят на меня черные одежды.

— Тогда изыди, великий. Ты был хорошим богом, но что-то повернулось во мне. Я должен искать другого бога, ибо странные вещи беспокоят меня.

— Прощай, благородный Фауст, несчастнейший из людей.

Опустевшие стены кружатся каруселью. Круг за кругом.

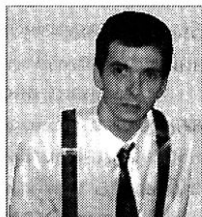
Огромное зеленое солнце перемалывает все на своем пути. На веки вечные.

Звонят проклятые колокола времен Оргий!

И посередине я, один.

Перевод Елены Голубевой

Андрей Ливадный

ТЕМНАЯ СТОРОНА ЗЕМЛИ

Андрей Ливадный живет в древнем русском городе Пскове и в столицах бывает не часто. А уж завсегдатаем конвентов его точно не назовешь. Может быть, поэтому его книги («Роза для киборга», «Райвен», «Восход Ганимеда», «Третья раса», «Жизненное пространство»...) находятся как бы на периферии внимания критиков и фэнов. С другой стороны, и поклонников у них немало: как-никак, это в основной своей массе остросюжетные фантастические боевики, написанные крепкой мужской рукой. Новый рассказ Ливадного «Темная сторона Земли» понравился «ЗД» не только уверенно выстроенным сюжетом, но и эффектным трюком, который переворачивает повествование вверх тормашками. Мы надеемся, что читателям журнала это произведение тоже придется по душе.

Его звали Хелл.

Полное имя мальчика звучало мудрено, и узнать его он мог только в день своего совершеннолетия, но до этого заветного дня оставалось еще очень долго — пять голубых и четыре красных солнца, в течение которых он так и останется Хеллом — подростком, только вступившим в пору юности, немного нескладным, сутуловатым, любопытным и непоседливым, как все мальчишки его возраста.

...День заканчивался вполне обычно.

Вдали послышался стук, затем ветерок донес бряцание оружия и цокот копыт по мощеной улице. Звуки были привычными, они не вызывали недоумения или страха: Хелл знал, что это на старых, уже порядком подгнивших укреплениях, защищавших поселок, сменялась стража. День клонился к сумеркам, красное око Владыки Ночи уже наполнило на бледно-желтый диск дневного светила и затмило его.

Из импровизированного убежища, в котором устроился подросток,

была видна часть двора и угол родного дома. Сейчас прозвучит вечерний гонг, а потом мама позовет его...

– Хелл, долго тебя ждать? – раздался из-за приоткрытой ставни голос матери. – Ужинать пора!

Мальчик нехотя оторвался от своего занятия. Он мастерила первый в жизни самострел. В кустах за домом Хелл облюбовал прогалину, над которой ветви и листья образовывали плотный шатер; здесь он и устроил мастерскую, стащив дедушкин инструмент, бесполезно ржавевший в чулане.

Мать не любила повторять дважды, а воинских упражнений сына не приветствовала вообще, и потому, взглянув в прореху между листьями на кроваво-красного Владыку Ночи, он торопливо сложил недоструганные дощечки в земляной тайник и стал выбираться из густой поросли кустарника.

«Доделаю завтра», – решил он.

Хелл не подозревал, что «завтра» у него не будет.

Он не узнает своего полного имени, и в мужчины его посвятит не старейшина селения... потому что все сотрет эта ночь, расколов жизнь на две половины – на «до» и «после», на черную реальность и тусклые воспоминания беззаботного детства...

Они приближались, двигаясь от зоны вечных сумерек, минуя редкие беспечные заслоны на дорогах, немые и почти бесшумные, будто внезапно обретшие плоть страшные тени.

Впрочем, много ли было у них плоти?

Об этом знали разве что они сами, да те немногие, кому посчастливилось выжить в жестоких схватках с исчадиями темной стороны мира во время последней войны.

Опытный глаз, заметив группу из двадцати существ, сразу бы определил: охотники или разведчики. Шли они налегке, двигались по большей части звериными тропами, подальше от мощеных дорог, поближе к влажной, прелой тишине, в которой наглухо тонуло негромкое повизгивание двигавших ими адских сил.

Это были летарги.

Поселок, где жил Хелл, раньше стоял на самой границе, но закончившаяся за несколько месяцев до рождения мальчика война отодвинула бурые, замшелые камни с межевыми и охранными знаками далеко к сумеркам, на пять или шесть дней пути от его родного дома.

Много было пролито крови, чтобы купить ту благодатную тишину, в которой прошло его раннее детство. Через несколько лет после окон-

чания войны новой границы по-прежнему боялись, ей не верили, по привычке жили в страхе и напряжении, но после того, как отряды правителя сэра Донга Бесстрастного прочно встали на пороге сумерек, доброй сталью перекрывая путь всем исчадиям темной стороны, прошлое по-немногу отлегло от сердец, позабылось, начало порастать былью, как и символические могилы воинов, отдавших жизни за эту сонную, спокойную тишину.

Потому, наверное, и не обновлялись укрепления вокруг поселка. Люди втянулись в мирный уклад жизни, и две башни из дикого камня с узкими, уже замшелыми по краям бойницами так и остались недостроенными, лишь мокли и чернели под зимними дождями стропила не покрытых черепицей крыш.

Да и воины стали уже не те. Вместо жилистых, сухощавых, молчаливых, украшенных шрамами бойцов появились круглолицые парни с выпирающими из-под брони мускулами, добродушные, охочие до девок, бдящие службу скорее из робости перед правителем, да за те деньги, что он им посылал.

Хелл, как и большинство мальчишек его возраста, мечтал стать воином. Он не сильно понимал, что именно должно вкладываться в это понятие, но вид соседских мужчин, которые несколько раз в неделю оставляли работы в поле и вечером, весело переговариваясь, побрякивая оружием и скверно пригнанными доспехами, шли на старые, обветшалые укрепления, чтобы провести там бессонную ночь, будоражил воображение мальчика.

Ему чудились подвиги и опасности, но говорить о своих мечтах вслух не стоило. Отец погиб в последний месяц войны, так что мать и слышать не хотела о военном будущем сына:

«Есть у тебя земля – вот и работай, сынок, неси добро и ей, и себе, раз появился у нас сильный и мудрый правитель, который держит на пороге сумерек своих воинов, давая тебе возможность жить как человеку, не деля холодной сталью ложе между собой и женой, не вскакивая по ночам...»

Хелл не знал, насколько справедливы ее слова. Есть опыт, который невозможно перенять от других, – нужно выдубить его на собственной шкуре.

...Собрав недоструганные дощечки, он вздохнул и пошел домой, не дожидаясь еще одного сердитого окрика.

Ужинали, как обычно, втроем. Мать накрыла на стол, дед уже сидел на лавке, пристраивая негнувшийся деревянный протез, и Хелл, проскользнув мимо него, сел на свое место, тут же ухватив кусок хлеба.

Мать, возившаяся у очага, каким-то образом заметила это и укоризненно покачала головой.

– Руки вымыл? – спросила она.

– Угу, – невнятно промычал Хелл, наслаждаясь вкусом свежее испеченного хлеба. Прожевав, он посмотрел на деда.

Тот, заметив взгляд внука, хитро подмигнул в ответ.

– Дед, а почему днем солнце желтое и жаркое, а ночью – красное и холодное?

Мать, услышав вопрос сына, машинально сотворила в воздухе охранный знак неба.

– Ты бы еще спросил, отчего половина мира черная и мертвая, а другая – живая и светлая, – с упреком произнесла она. – Не ищущая темную сторону...

– Погоди, мать. – Дед ласково посмотрел на любознательного внука своими усталыми, мутноватыми глазами и охотно стал объяснять:

– Давным-давно, еще до Ярости Неба, у нас было лишь одно солнце. – Он машинально провел ладонью по гладко отполированной временем деревяшке, которая заменяла ему ногу, потерянную в боях с полчищами летаргов. – Тогда наш мир был совсем не таким: ночью было темно, как темной стороне, а днем...

Хелл наострил уши, предчувствуя интересный рассказ; мать, нахмурившаяся было, махнула рукой, взяла горшок с подоспевшей кашей и уже направилась к столу, но в этот момент звук гонга, разорвавший сонную вечернюю тишину, заставил ее остолбенеть, деда – умолкнуть на полуслове, а Хелла – инстинктивно вжать голову в плечи. Частый набат разлился осязаемой тревогой, и тут же, вторя ему, на окраине поселка что-то рыкнуло тугим гулким звуком, от которого заломило в ушах, а на оконце, словно от дуновения ветра, взметнулись занавески.

И началось...

За несколько минут до этого поселок мирно погружался в красноватый ночной покой.

Стража только что сменилась.

Защищать селение было просто: сама природа позаботилась об основной части укреплений, возведя по своей прихоти четыре симметрично расположенных холма, между которыми и обосновались первые поселенцы несколько сот лет назад. Последующие поколения обнесли разросшуюся пограничную заставу крепкой стеной из железного дерева, которым изобиловали эти места. Говорят, что железное дерево – одно из порождений сумерек, и, вероятнее всего, так оно и есть. Дре-

весина у него сероватая, как крупнозернистый чугун, и прочность соответственная. Вековые исполины в достатке росли по склонам оплывших холмов, но стоило немалых трудов свалить нужное количество деревьев и срубить из их стволов стены. Впрочем, теперь, спустя почти пятьсот лет, они начали утрачивать былую прочность, уступая неторопливому бегу времени...

Горм, старший заступившей смены, широкоплечий мужчина лет сорока, облаченный в кожаные штаны и куртку, спускался с почерневшей, но еще крепкой бревенчатой стены, когда его взгляд, равнодушно скользивший по окрестностям, вдруг зацепился за кровавый отблеск, который шальной молнией сверкнул и погас в кустах по ту сторону ограды.

В первый момент он подумал: «Почудилось».

Следующим чувством была досада на сельского старосту, который все никак не давал людей на ежегодную вырубку молодой кустарниковой поросли, подступавшей уже к самым стенам и лишь в одном месте, напротив ворот, пропускавшей к поселку неширокую ухабистую дорогу.

Замеченный блик заставил Горма задержаться на стене, хотя внизу, в длинном одноэтажном бараке, его ждало уютное тепло потрескивающего очага.

Несколько минут он пристально осматривал заросли, и, как оказалось, не зря.

Искомое обнаружилось внезапно, причем совсем не там, где мелькнул отсвет. Горм просто посмотрел вниз, прямо под стену, и обомлел: там, ничуть не скрываясь, возились два летарга.

Старый воин не дрогнул, лишь спину прошибло внезапным потом, да в груди взметнулся холодок неизбежности: уже лет семь, как ни одна тварь не подбиралась так близко к поселку, и прошлые напасти стали понемногу забываться.

На беду...

Ухнуло, оборвалось сердце, он закричал, привлекая внимание часовых, и бросился к огрызку металлической трубы, который висел у лестницы, ведущей на стены. Рядом стоял деревянный молот, и Горм, схватив его, что есть силы замолотил по полому куску ржавого железа, высекая из него тревожный глухой ритм, какого давно уже не слышали окрестности.

Все произошло слишком быстро. Часовые, услышав его крик, вслед за которым ожил набат, выглядывали со стен, пытались рассмотреть противника в красноватом вечернем сумраке, и в этот миг вдруг оглушительно загрохотало.

В воздух взметнулся оранжевый огонь, смешанный с землей, расщепленными бревнами и горящими на лету, вырванными с корнем кустами; на миг в округе стало светло как днем, предметы отбросили резкие тени... и тут же все почернело от жирного кислого дыма, который взвихрился на месте взрыва, укрывая своим тяжелым пологом коническую воронку.

Горячие комья земли еще молотили по головам и спинам очумевшей от неожиданности стражи, когда из занявшегося огнем кустарника появились молчаливые фигуры летаргов.

Для человека, родившегося и выросшего в приграничье, нет зрелища более страшного, чем эти появившиеся из дыма, освещенные языками пламени фигуры.

Летарги шли, не скрываясь, их лица не искажала мимика, голубые глаза, чистые, как кристаллы пресноводного льда, смотрели на содрогнувшийся от взрыва мир спокойно, без вызова, но и без жалости.

Если вспомнить, что существовало множество видов летаргов, следовало признать: эти относились к категории бойцов. Рослые, сильные, молчаливые, все в броне из серого мелкозернистого сплава, только лица открыты, да еще кисти рук, сжимающие оружие. Для поселка, в обороне которого пробита изрядная брешь, — верная погибель.

Паника взметнулась и погасла перед лицом неизбежности.

Двое летаргов, войдя в пролом стены, столкнулись лицом к лицу с караульным отрядом, состоявшим в тот момент из семи человек. Остальные еще не успели подтянуться к месту внезапного прорыва от дальних стен.

Все происходило в напряженной, нереальной тишине. На ее фоне в первые секунды схватки был отчетливо слышен треск горящего кустарника и шумное, сбивчивое дыхание воинов.

Они мгновенно образовали полукруг, перекрыв пролом. Только у двоих стражников оказались с собой щиты, остальные не удосужились взять их из оружейных, давно решив, что незачем таскать такую тяжесть.

Летарги приближались. Они шли спокойно, с нечеловеческой уверенностью в своих силах, а за их спинами уже ломались кусты, выдавая продвижение более крупных сил.

Стража, перекрывшая дымящуюся брешь, выглядела не лучшим образом. Пятеро бойцов были совсем молоды. Они впервые столкнулись с исчадиями сумерек, но не дрогнули, лишь лица, что казались серее той скверной бумаги, на которой выцарапывал свои долговые расписки сельский староста, выдавали их волнение и страх. Двое более опытных

воинов, вооруженные, помимо мечей, еще и прямоугольными щитами, оказались в центре цепи. Они и приняли на себя первый удар.

Один из летаргов внезапно вскинул левую руку, и в тусклом сиянии ночного светила вокруг запястья кроваво сверкнули острые жала стрел. Раздался сухой щелчок, какой бывает, когда спускаешь собачку туго сжатой пружины, и тонкий свист распорол дымную сторожку тишины.

Молодой рыжий парень, который стоял по левую руку от двух занявших центр бреша бывалых воинов, вдруг слабо вскрикнул и, выронив меч, вскинул руки к груди.

Его глаза полезли из орбит, между пальцев хлынула кровь, и он последним проблеском угасающего разума осознал, что немота его рождена стрелой, пробившей доспехи и вонзившейся глубоко в плоть.

– В стороны! Прячьтесь за бревна! – мгновенно сообразив, чем вооружен противник, закричал воин со щитом, бросаясь на двух летаргов. Его товарищ ринулся следом, а четверо молодых стражников так и остались стоять, потому что все спрессовалось в считанные секунды и их оторопелый разум не поспевал за событиями...

Первый воин принял две стрелы на щит, но третьего удара не выдержал кованый круг в центре, от которого лучами расходились скрепляющие полосы металла. Щит раскололся на несколько частей.

Впоследствии Хелл не раз проклинал тот ужас, который заставил его, выпучив глаза, кинуться прочь из дома.

Мальчика словно подменили. Мать, стараясь остановить его, отчаянно кричала что-то вслед, но Хелл не слышал ее голоса: он вообще перестал слышать что-либо, кроме звона в ушах. Когда он попытался зажать их ладонями, то ощутил что-то горячее и липкое.

Это была кровь, которая сочилась из ушных раковин.

Осызание крови напугало его еще больше. Хелл совершенно потерял голову. Он был в шоке от оглушительного взрыва, погрузившего весь мир в звенящую вату, и бежал, не разбирая дороги, только затем, чтобы бежать.

Ноги вынесли его сначала на центральную площадь поселка, по которой в панике метались люди, а затем и дальше. Не соображая, что делает, мальчик выскочил к крепостной стене и остановился как вкопанный.

Куска бревенчатой стены между двумя недостроенными каменными башнями попросту не было.

Он застыл, пораженный увиденным, и не заметил, как из дымного сумрака за его спиной появился летарг.

Рука, сращенная из плоти и металла, наискось ударила мальчика по затылку; мир вспыхнул перед его глазами и померк.

В первый раз он пришел в сознание много часов спустя после оглушившего его удара.

Хелл не понимал, что с ним, где он находится, почему его тело не слушается приказов очнувшегося разума, а когда все же сумел вывернуть шею и оглядеться, то едва не потерял рассудок от открывшихся ему картин.

Это было место, где небо сходится с землей.

Седые облака цеплялись за вершины гор, а ниже – темным молчаливым редколесьем – по склону тянулись стволы мертвых деревьев.

Воздух был холоден, неподвижен, но облака медленно перемещались; реагируя на слабые, не ощутимые кожей восходящие потоки, которые шевелили тяжкое седое кружево, то приподнимая его полог и обнажая плоскую площадку на вершине горы, то позволяя зыбкой пелене опуститься ниже.

Когда облачный покров поднимался, казалось, будто это неторопливо дышит само небо, а черный вихрь, медленно вращавшийся над вершиной, только усиливал ощущение, что рядом присутствует непонятная, чуждая жизнь, которая простирается много дальше, чем видит глаз и осознает разум.

...Затуманенный страхом рассудок Хелла едва ли воспринимал эту картину как нечто связанное, скорее, она мелькала перед взором как цепь обрывочных впечатлений и образов, тем более что обстановка не располагала к целостному восприятию мира. Изворачиваясь, он понял, что связан по рукам и ногам, а мерное покачивание, которое он ощутил сразу, как только очнулся, объяснялось тем, что его нес на своей спине страшный воин.

Тут же на оцепеневший разум навалились иные ощущения: он услышал тонкий повизгивающий звук, который издавали механические мускулы летарга; обоняние уловило специфичный, ни с чем не сравнимый запах металла и смазки, а занемевшая и, казалось, потерявшая всякую чувствительность кожа сквозь порванную ткань одежды ощутила ноющий холод металлической спины воина.

От всего того, что он увидел и ощутил, мальчик вновь провалился в тяжкое забытие.

Второе возвращение сознания оказалось еще более страшным, чем первое.

Яркий, режущий свет бил в глаза, не позволяя различить окружаю-

щие предметы; из всех средств восприятия мира остался разве что слух. Оцепеневший от ужаса разум воспринимал тихое повизгивание каких-то механизмов и ритмичный писк; затем мальчик ощутил, как к его голове прикоснулись чьи-то холодные пальцы, и услышал обыкновенный человеческий голос.

— Мне кажется, он очнулся, — произнес кто-то невидимый, стоящий сразу за ослепительным светом, бьющим с низкого потолка. — Джоана, откорректируй анестезию. Думаю, ему не нужны лишние впечатления.

Что-то щелкнуло в изголовье, и разум Хелла опять канул в небытие.

Никогда в жизни не видел он столько огней.

Зрелище завораживало и подавляло одновременно: тысячи, нет, миллионы ярких точек окружали его — одни перемещались, сливаясь в огненные потоки, другие были неподвижны и образовывали хаотичный, лишенный смысла пространственный рисунок.

Хелл, который едва помнил собственное имя, пришел в себя минуту назад на этом самом месте и теперь, пораженный феерией разлившихся вокруг красок, не мог взять в толк, где он, что случилось и куда подевался из памяти огромный отрезок времени.

Ответ на первый вопрос он нашел быстро. Его подсказала угольно-черная тьма, которая поглощала все обозримое пространство, расступаясь только там, где сияли огоньки. До этого Хелл сталкивался с понятием «темнота» лишь спускаясь в подпол собственного дома, когда его посылала туда мать.

Здесь же тьма была другой — непроницаемой, всеохватной, и он понял, что находится на темной стороне планеты, куда никогда не заглядывает ни ярко-желтое, ни тускло-красное солнце.

«Темная сторона. Страшная обитель летаргов...»

Мысль-понимание резанула, как нож.

Он резко повернул голову, испытывая при этом непривычные ощущения, и только сейчас увидел, что стоит на узком балкончике, выступающем из стены здания на невероятной высоте. Маленькая площадка была огорожена низкими металлическими перилами, на которых лежал густой иней.

Ошеломленный, Хелл поднял руку, сгибая ее в локте, и услышал тонкий визгливый звук: это работал сервопривод механических мышц.

Посмотрев на свои пальцы, которые покрывала розовая, ничем не примечательная на вид кожа, он обратил внимание на иней, облепивший перила. Там, где он держался за ограждение, остались следы его руки, но кристаллы замерзшей влаги не растаяли от тепла тела — их при-

хотливый узор всего лишь промаялся в тех местах, где пальцы касались металла.

Следующим ощущением Хелла был ужас.

Он понял, что с ним произошло нечто жуткое: тело, которое он ощущал как свое, по всем признакам принадлежало летаргу...

Сразу же вспомнился режущий глаза свет, нудное попискивание какого-то прибора и голос, отдавший распоряжение погасить его разум.

Внутренне содрогаясь, он осмотрел себя в рассеянном свете, который исходил от множества окон расположенного на той стороне улицы здания.

Обычная, ничем не примечательная одежда... Его пальцы неосознанно потянулись к обнаженному участку шеи, и он ощутил, что дотронулся до живой кожи...

Жуть подкрадывалась к самому сердцу, которое учащенно забилося.

«Значит, я живой?»

Опуская руку, Хелл опять услышал едва различимый ноющий звук, будто внутри локтевого сустава был спрятан некий механизм. То же самое происходило при повороте головы или при каком-то ином движении.

«Что же они сделали со мной?!»

Хелл не заметил еще одной разительной перемены: он больше не мыслил как подросток, которого захватили в плен; мысли хоть и несли эмоциональную окраску, но для возникшей ситуации были слишком спокойными, взвешенными, скорее созерцательными, чем паническими.

Он обернулся и увидел металлическую дверь, подле которой – в стене – располагалось нехитрое устройство управления.

Узкий балкончик, бездна под ним, текущие огни на улицах – все это казалось странным, ненормальным, но не вызывало шоковой реакции, словно ему подменили не только тело, но и часть разума.

Осматриваясь, Хелл заметил, что на стене, из которой выступал его балкон, нет ни одного окна, зато полно подобных узких выступов. В скупом свете можно было различить, что на некоторых из них стояли люди... или летарги?... а иные пустовали, и таких было большинство.

Он снова обратил внимание на дверь.

Две кнопки со словами «да» и «нет»; крохотный экран и обыкновенная ручка, которая, видимо, приводила в действие запорный механизм.

Хелл без колебаний нажал на нее, но дверь, вопреки его ожиданиям, не открылась – тускло вспыхнул вмонтированный в стену экран, и на нем появилась короткая надпись, точнее, лаконичный вопрос:

«Вы принимаете свое новое тело?»

Хелл растерялся.

Как он мог принимать или же не принимать того, чего, по сути, не знал? Или тут ключевую роль играли первые ощущения от своей измененной плоти, в которую были внедрены какие-то механические части?

«Экран спрашивает, согласен ли я смириться с телом летарга», — подумал Хелл, в замешательстве глядя по сторонам.

Понять внутренние ощущения было сложно.

В этот миг один из соседних балкончиков, на котором смутно виднелась человеческая фигура, с громким хлопком опрокинулся, повиснув параллельно стене здания, словно из-под него внезапно убрали опору.

Фигура, секунду назад стоявшая на узком выступе, с коротким криком канула во мрак.

От этого зрелища Хеллу стало не по себе.

Он сделал интуитивный вывод из увиденного и, обернувшись, нажал на кнопку, на которой имелось поясняющее слово «да».

Экран тут же погас, дверь, до этого неподвижная, с шипением пневматического привода скользнула в стену, открывая короткий, ярко освещенный коридор.

Хелл сделал шаг вперед, уходя с опасного выступа.

Следующая дверь распахнулась перед ним уже безо всяких предварительных вопросов, и он оказался на пороге огромного зала, заполненного людьми. Одни спешили по своим делам, другие, как и он, в растерянности стояли у стен, совершенно не понимая, где они и что следует делать дальше.

Немного постояв у стены, Хелл решил, что толку от топтания на месте не будет, и сошел на ближайшую дорожку, которая оканчивалась зевом тоннеля, выводящего из этого зала в какие-то иные помещения.

Людской поток тут же подхватил его, заставляя двигаться в своем темпе, и через минуту Хелл оказался на открытом тротуаре, который тянулся вдоль здания над скупо освещенным многоуровневым ущельем улицы.

Трудно было представить, на какой высоте он находится. Хелл не знал, куда идти, он не имел никакой информации о загадочном городе летаргов и потому бесцельно брел вперед, пока его внимание не привлекла яркая вывеска над двустворчатыми дверьми.

Не видя лучших вариантов, он шагнул внутрь.

В огромном помещении бесновались разноцветные огни, гремела непривычная для слуха музыка, среди феерических красок мелькали из-

вигающиеся в танце тела — все это в первый момент ошеломило Хелла, но, немного постояв у стены подле входа, он постепенно свыкся с окружающей обстановкой. Кроме световых эффектов он сумел различить в задымленном сумраке расставленные вдоль стен столики, за которыми сидели люди. Он по-прежнему называл обитателей города «людьми», хотя и понимал, что это не совсем так.

Он с трудом пересек зал, лавируя между танцующими, и, окинув взглядом ряд столиков, нашел единственное незанятое место.

Сделав шаг по направлению к пустующему креслу, Хелл внезапно пересек некую незримую границу, и его окружила тишина, показавшаяся ватной, ненатуральной после той какофонии звуков, которая терзала слух во время движения по залу.

— Новенький? — резанул по нервам адресованный ему вопрос.

Хелл обернулся.

Второе кресло за столиком занимал молодой человек лет двадцати пяти, перед ним стоял бокал с искрящейся на свету жидкостью, в которую была опущена трубочка.

— Садись, чего стоишь?

Хелл машинально принял это грубоватое приглашение.

Сев за столик, он посмотрел на незнакомца.

Обычный человек, отличающийся от жителей его поселка разве что одеждой непривычного покроя. Он сидел, расслабленно откинувшись на мягкую спинку кресла, и смотрел на Хелла с усмешкой.

— Ты, наверное, недавно с балкона? — предположил он, видя полную растерянность новичка.

Тот угрюмо кивнул.

— Ничего не понимаешь, да?

Хелл отрицательно покачал головой. Его разум будто пробуждался после наркоза, и по мере возвращения памяти окружающая обстановка казалась ему все более дикой, а произошедшие с ним перемены — ужасными.

— Вот уж не думал, что меня сегодня угораздит стать нянькой для новорожденного, — пробурчал незнакомец и вдруг, сменив тон на более приветливый, представился:

— Меня зовут Андрий. Я был воином во время последней битвы между людьми и летаргами.

— Они взяли тебя в плен? — осторожно осведомился Хелл.

— Ну, вроде того. Летарги никогда не убивают людей.

— Не ври! — Хелл вдруг подался вперед, разом вспомнив и ужас, который обуял его во время нападения на поселок, и одноногого деда, и погибшего отца, и множество страшных историй, что рассказывали лю-

ди о летаргах, но наиболее ярким, свежим впечатлением, опровергающим утверждение Андрия, была сцена, виденная им некоторое время назад на узеньком балкончике...

- Почему ты думаешь, что я вру? – удивленно спросил Андрий.
- Потому что я видел, как с соседнего балкона скинули человека.
- Да брось. Это кукла. Обыкновенный муляж.
- Зачем его тогда скинули?
- Чтобы ты нажал на нужную кнопку.

Хелл, раскрыв рот, непонимающе смотрел на собеседника.

– Ладно, не смотри на меня так. Сейчас я тебе все объясню, хотя лучше бы им прислать настоящего психолога.

Звукоизолированная кабинка, расположенная у стены танцевального зала, оказалась тем местом, где Хелл в первый раз услышал правду об окружающем мире.

– Кем ты был до того, как попал в плен? – спросил у него Андрий, нажимая на какие-то кнопки со своей стороны столика.

Перед Хеллом беззвучно открылась ниша, из нее на крохотном подносе поднялся еще один бокал с точно такой же искрящейся на свету жидкостью, какую пил его собеседник.

– Я был мальчиком, подростком, – ответил он. – Жил недалеко от границы.

- А кем ты себя чувствуешь сейчас?
- Не знаю, – пожал плечами Хелл.
- Ну, тебе же было страшно, ты, наверное, тосковал по родителям...

– Да... – кивнул Хелл, мгновенно вспомнив все свои чувства, но они опять показались ему далекими, глухими, будто все происходило не с ним...

– Почувствовал разницу, да?

Хелл кивнул. Во рту у него пересохло, и он отпил из бокала. Жидкость оказалась горьковатой на вкус, но освежающей.

- Что случилось со мной?
- У тебя изменились тело и разум.
- Почему?

Андрий усмехнулся.

– Неправильный вопрос. Не «почему», а «зачем».

– Зачем? – словно эхо, повторил Хелл.

– Чтобы ты мог выжить, – пояснил Андрий.

– Не понимаю, – признался Хелл. – Я ведь и так жил... До этого.

– Ну, да. – Его собеседник взял салфетку и вынул из внутреннего

кармана одежды какой-то стержень. — Смотри сюда. — Он начертил на салфетке круг, а рядом с ним еще два — побольше и поменьше.

— Это наша планета, — пояснил он, заштриховав первую фигуру рисунка. — Это Солнце, звезда нашей системы. — Рука Андрия пометила второй объект. — Ну, а вот этот красный шарик, который ты знаешь как Владыку Ночи. раньше назывался Луной.

Хелл смотрел на бесхитростный рисунок. Новые названия, да и сами понятия «планета», «звезда», которые не были ведомы подростку, не показались ему чем-то новым — наоборот, он прекрасно понимал, о чем речь.

— Пытаешься сообразить, откуда в тебе информация? — заметив его недоумение, усмехнулся Андрий.

Хелл молча кивнул.

— В твоей голове теперь находится небольшой процессорный блок, который имеет собственные модули памяти. Они содержат всю необходимую информацию об окружающем мире.

— От этого мне кажется, что все происходило не со мной? — догадался Хелл.

— Да, твои чувства проходят логическую обработку в блоках мини-компьютера. Без этого, попав в город, ты вел бы себя как дикий, злобный и безграмотный шестнадцатилетний мальчишка. Ты сошел бы с ума или натворил бед. Мать-машина действует мудро и осторожно. Она не хочет, чтобы люди умирали или буйствовали.

— Но если я не могу сердиться и любить, значит, я не человек? — сделал вывод Хелл. С его точки зрения, это был классический образец обретенной логики.

— Нет, конечно. Какое-то время, пока твой разум адаптируется к новому телу и новому образу жизни, ты не сможешь выражать чрезмерных эмоций. Потом все придет в норму, и ты снова станешь нормальным — будешь любить, злиться, совершать немотивированные поступки. Только тебе вряд ли захочется разрушать или убивать: ты поймешь, как тонко сбалансирован окружающий мир, как он хрупок, и сам не захочешь насилия.

— Ты так и не объяснил мне, зачем летарги нападают на людей.

Андрий с усмешкой посмотрел на Хелла.

— Забудь это деление на людей и летаргов, — посоветовал он. — Послушай, что я скажу тебе. Раньше, много веков назад, наша планета вращалась вокруг своей оси, и всю ее поверхность освещало солнце. Землю в ту пору покрывали огромные города, где жили миллиарды людей, а Луна была холодным желтым спутником нашей планеты.

— И что случилось потом? — спросил Хелл, делая еще один глоток.

– Потом произошла катастрофа, – ответил Андрий. – Орбита Земли пересеклась с группой астероидов. Два малых небесных тела ударили в нашу планету, еще несколько – в Луну. В результате Земля прекратила вращение, а Луна оказалась расколота на пять частей; ее магматические недра раскалили обломки и в конце концов расплавили их, превратив холодный спутник в горячий тускло-красный шар. Теперь «Владыка Ночи» медленно остывает, и это длится уже не один век.

– А Земля?

– Земля удержалась на орбите вокруг Солнца, но повернута теперь к светилу одной стороной. В этом полушарии царят свет и жара, в другом – мрак и холод, и лишь в зоне сумерек возможна жизнь. – Андрий отчеркнул тонкий поясок, показывая, как ничтожно мала пригодная для проживания людей зона по сравнению с остальной площадью планеты.

– А что случилось с людьми, которые жили на Земле до катастрофы? – спросил Хелл.

– Большинство погибло, – кратко ответил Андрий. – Выжили немногие, и они постепенно откочевали в зону сумерек, где сохранились остатки флоры и фауны.

– А летарги?

– Ты заметил, сколь огромен наш город? – задал ему встречный вопрос Андрий.

– Нет, – покачал головой Хелл. – Я видел только маленькую часть.

– Тогда поверь мне на слово: он больше, чем можно вообразить. Раньше, до катастрофы, таких городов было много, и в них, кроме людей, существовала иная жизнь – кибернетическая, искусственно созданная. Всеми рутинными процессами по жизнеобеспечению городов-мегаполисов занималась Машина – это условное понятие, объединяющее множество компьютеров.

– Она уцелела после катастрофы?

– Частично, – ответил Андрий. – Сохранились некоторые электронные устройства и подвижные механизмы, в том числе и человекообразного типа. Долгое время шел процесс стихийного разрушения городов, оказавшихся как на темной, так и на освещенной стороне планеты, но там, где не могли выжить люди, продолжали функционировать созданные ими кибермеханизмы. Несколько машин, способных к саморазвитию, постепенно нашли друг друга и объединились на темной стороне, где никто не вмешивался в их действия. Среди руин городов они искали необходимые компоненты для восстановления главной машины. В конечном итоге им удалось реанимировать компьютерную сеть этого города.

Хелл задумался. Многое из рассказа Андрия казалось ему логичным и очевидным, неясными оставались взаимоотношения людей, поселившихся в сумеречной зоне, и самоорганизовавшихся после катастрофы кибернетических механизмов.

— Для чего они стали нападать на людей?

— Ты неверно формулируешь вопросы, Хелл, — поправил его Андрий. — Когда была воссоздана управляющая сеть этого города, которую мы сейчас называем Мать-машина, она проанализировала последствия катастрофы и сделала прогноз вероятного развития событий. По ее подсчетам получилось, что узкая зона умеренного климата в скором времени будет перенаселена, к тому же у людей из-за резко изменившихся условий существования начали проявляться мутагенные факторы. Люди приспособлялись к новой среде обитания, их численность росла, и все это не могло привести к положительным результатам: перенаселение сумеречной зоны, нехватка продовольствия и иные факторы неизбежно обрекли бы людей на междоусобные войны, техническую деградацию и — в конечном итоге — на полное вырождение.

— А какое дело машинам до людей? — задал закономерный вопрос Хелл.

— Все кибермеханизмы когда-то были созданы и запрограммированы людьми, — объяснил ему Андрий. — Они проектировались ради служения своим создателям и не могут ни образовать собственную цивилизацию, ни существовать вне человеческого общества.

— Почему? — нахмурился Хелл, пытаясь отыскать ответ на заданный вопрос в своей новой памяти.

— У каждой машины есть базовая программа. Она не только определяет набор исполняемых функций, но и содержит ограничительные условия для их реализации. Ни один механизм, снабженный блоками псевдоинтеллекта, сколь бы долго он ни развивался, не сможет причинить вреда человеку...

Так вот, — продолжил Андрий, — оценив степень деградации сохранившегося человеческого анклава, Мать-машина пришла к естественному выводу: люди утратили былые знания и идут по пути вырождения. Идеальной альтернативой было бы восстановить цивилизацию на всей поверхности планеты, но этому препятствовали экстремальные для человека климатические условия на двух полушариях, а также утрата технических знаний.

— И какой выход нашла Машина?

— Видоизменить людей. Создать новые человеческие анклавы на темной и светлой сторонах, защитив нас от пагубного влияния биосфе-

ры новыми – наполовину синтетическими – телами и снабдив древними техническими знаниями посредством имплантирования в мозг миникомпьютера.

– Ты хочешь сказать, что летарги никогда не убивали людей?

– Никогда, – убежденно ответил Андрий. – И я тому наглядный пример. Я был воином и участвовал в самом грандиозном сражении последних лет, произошедшем на границе сумерек и тьмы. Летарги всегда пользуются одним видом оружия – маленькими стрелами с парализующим составом – и всегда уносят с собой тела обездвиженных людей. Здесь им делают операции, совершенствуя тела и разум, в результате чего очнувшийся человек не только может существовать на обоих полушариях планеты, но и получает массу новых знаний, которые постепенно изменяют старую психологию и мировоззрение.

Хелл задумался.

В рассказе Андрия новая, ошеломляющая информация сочеталась со знакомыми фактами – как общеизвестными, так и сугубо личными.

Хелл слышал, что летарги никогда не оставляют на поле боя мертвые тела. И никто – даже его дед, принявший участие в том самом сражении, в котором погиб отец, – не мог объяснить, почему это происходит. Проигрывали исчадия темной стороны какую-либо битву или же выигрывали ее, сражение всегда заканчивалось одинаково: люди забывались в беспамятстве, а очнувшись, уже не находили тел своих погибших товарищей и тем более – поверженных летаргов.

«А как же нога деда?» – подумал Хелл и тут же осекся. Он вспомнил, что последнее большое сражение происходило под предводительством нового государя. Битва длилась почти сутки, и за это время нескольких людей, сраженных стрелами летаргов, удалось оттащить в безопасное место. Ногу деду отнял поселковый лекарь после неудачного удаления задевшей кость диковинной металлической стрелы...

Да, Андрий не лгал, и его рассказ был логичен. На сельском кладбище могилы воинов по большей части являлись символическими: в них некого было хоронить.

– Значит, все люди, превращенные в летаргов, теперь подчиняются Машине? – спросил он у Андрия, который расслабленно сидел в своем кресле.

– Нет, – покачал головой тот. – Ты разве не понял? Машина не управляет людьми. Она создана для служения нам, и если бы после катастрофы не сохранилось определенное количество кибермеханизмов, ты сейчас не сидел бы тут, а может, и вообще не родился бы. Перенаселение умеренной зоны уничтожило бы большую часть людей еще

много веков назад, а те, кто выжил, превратились бы в дикарей, утративших всякое представление о цивилизации.

— А так каждый «погибший» в столкновениях с летаргами становился членом нового общества?

— Верно, — кивнул Андрий. — А постоянное напряжение, угроза извне вынуждают население умеренной зоны поддерживать общественный строй и ряд технологий.

Хелл опять задумался, а потом сказал:

— Но, меняя наши тела и внедряя в разум свой компонент, разве Машина не делает нас зависимыми от себя?

— Нет. Наоборот, она делает нас независимыми от сложившихся в результате глобальной катастрофы обстоятельств. Тебя никто не обязывает жить определенным образом. Ты можешь делать все, что тебе вздумается, — поселиться в любом месте, найти интересный род занятий, а некоторые технические знания вкупе с мощностями миникомпьютера помогут тебе выжить и правильно оценить новый мир.

— То есть меня не программировали?

— Ни в коем случае. В каждого, кто приходит в себя после операции, вводят одну короткую программу — скажем так, маршрут движения. Ты вышел с балкона и попал сюда, двигаясь по кратчайшему пути. Теперь, когда я растолковал тебе суть некоторых вещей, твой разум свободен для принятия решений.

— А этот спектакль на балконе?

Андрий усмехнулся.

— Это единственная дань, которую мы платим Машине, — ответил он. — Она не может совершать насилие над человеком. Твой ответ занесен в ее базу данных, ты добровольно принял свое новое тело, и в ее программах не возникло противоречия. Это придумала не она, а люди. Машина не способна на такое.

— Каждого очнувшегося заставляют ответить «да»?

— Естественно. Иначе у Машины произойдет сбой, поскольку действия по изменению человеческого тела будут признаны неправильными. Мы еще не вполне овладели прежними знаниями, чтобы сознательно, без мелких уловок, управлять самой Машинкой, но, поверь, скоро все вернется — я имею в виду те знания и ту цивилизацию, что существовала до катастрофы.

— Это будет другая цивилизация, — произнес Хелл.

— Да, другая, — согласился Андрий. — Но иначе ее бы не было вообще. Возможно, в будущем мы снова заставим земной шар вращаться, и вся его поверхность оживет. Тогда люди смогут сами решать, в каких телах им жить, но что касается меня — я благодарен Машине за

новую оболочку. В умеренной зоне я бы дожил до сорока лет, а потом все... в землю, под могильный холмик.

– А каков срок жизни летарга?

– Не знаю. На моем веку еще никто не умирал, хотя я тут уже шестнадцать лет. Ты должен понять, Хелл, что тело не имеет значения. Человек жив, пока мыслит, чувствует, а наша нервная система и головной мозг не претерпели изменений, они *живые*, лишь оболочка, питающая и защищающая эти уязвимые органы, усовершенствована. Ты понимаешь меня?

– Да... – кивнул Хелл, напряженно думая о чем-то своем. – Ты говоришь, что в мой разум была внедрена лишь одна короткая программа, содержащая первый маршрут движения? – наконец спросил он, пристально посмотрев на Андрия. – Значит, я пришел сюда, подчиняясь ей, а ты не случайный человек?

Андрий широко улыбнулся.

Хелл продолжал в упор смотреть на него.

– Ты? – Его голос дрогнул от внезапного предчувствия.

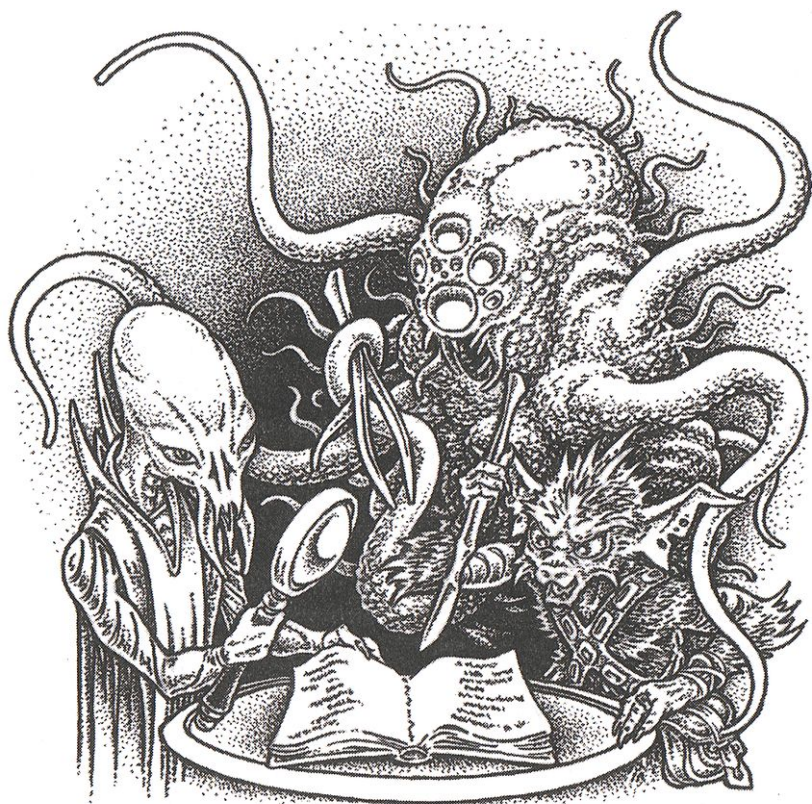
– Да, Хелл... – Лицо Андрия изменилось, его глаза влажно блеснули. – Ты догадался?

– Отец?

Немота, вызванная потрясением куда большим, чем осознание своего нового тела и огромного мира вокруг, некоторое время не давала Хеллу произнести ни слова – они сидели и смотрели друг на друга, отец и сын, два человека эпохи Возрождения.

– Пойдем, я покажу тебе этот мир, сынок, – наконец произнес Андрий, вставая из-за стола и протягивая руку. – Уверен, ты полюбишь и темную, и светлую сторону новой Земли...

БРАТЯ ПО РАЗУМУ

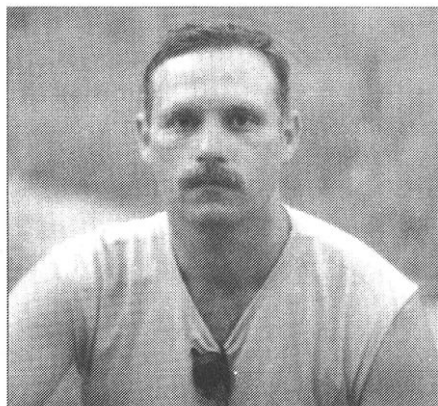
Андрей Белянин:

«Розами меня осыпают только читатели»

Не секрет, что нива отечественной юмористической фантастики еще недостаточно тучна и обильна. Многим кажется, будто написать веселую книгу просто. Отнюдь! Единственным «незыблемым столпом» здесь по-прежнему остается астраханец Андрей Белянин (назовем только некоторые из его романов — «Меч Без Имени», «Моя жена — ведьма», «Багдадский вор», «Тайный сыск царя Гороха», «Рыжий рыцарь», «Отстрел невест»). С ним и общался наш корреспондент.

— Андрей Олегович, многих читателей интересует, каким был ваш путь в литературу и, в частности, в фантастику?

— Внешне все просто падало с неба и давалось необычайно легко. Написал детскую сказку «Рыжий и Полосатый», ее сразу же издал журнал «Юность», а через несколько месяцев пришло приглашение от «АРМАДЫ». Сначала

они взяли роман «Джек Сумасшедший король», затем — «Меч Без Имени», потом пошло-поехало.

— Скуповато как-то. Нельзя ли подробнее?

— Попробую. Итак, место моего рождения — Астрахань, красивый старинный город. Устье Волги, Каспий, лотос, черная икра. Происхождение нашего рода по-астрахански противоречивое, мы вообще «город смешанной крови».

Среди моих предков есть рязанские помещики Анохины, польские дворяне Титовские, казаки Ивановы, мещане Белянины, а еще грузчики, воры, заводовладельцы, царские офицеры, сталинские инженеры, моряки. Хватает всех!

Дата рождения – 24 января 1967 года. По восточному гороскопу являюсь Водолеем года Огненной лошади. Учился средне, с упором на рисование, историю, литературу. Параллельно успешно занимался в художественной школе. Потом было Астраханское художественное училище имени Власова, где я учился на живописно-педагогическом отделении. Четыре года великолепной феерии с хорошими друзьями и замечательными педагогами. Училище – это был праздник! С первого курса увлекся борьбой, к армии стал неплохим самбистом. На дипломной картине писал юных парашютистов, летал и прыгал сам для проникновения в образ.

— **А после окончания училища?**

— После окончания – полгода преподавания на селе, дальше – долг Родине. Турецкая граница, именная застава Николая Островского, спецчасти пограничных войск КГБ. Два года радости и боли, с кучей проблем и массой впечатлений. Объездил с кистью и снайперской винтовкой все Закавказье от Новороссийска до Баку. Был и лучшим, и «худшим» пограничником, однако о службе вспоминаю очень тепло.

Вернувшись, год преподавал рисование в общеобразовательной школе. Потом еще один год – в другой школе. В обоих случаях вынужден был уйти из-за скандалов с завучами. Бесконечные планы-конспекты и педагогические собрания будили во мне самого яркого мятежника. Три года занимался в секции контактного каратэ.

Вскоре меня пригласили работать в местное отделение Союза писателей СССР, так как к тому времени я уже имел на руках два сборника стихов и пользовался некоторой известностью. О стихах – разговор отдельный. Я писал их еще со времен училища, занимаясь на дому у известной астраханской поэтессы Нинель Мордониной. Многие по сию пору убеждены, что я являюсь именно поэтом, а фэнтэзи – это лишь дань моде. Работал я при СП в должности заместителя ответственного секретаря с перспективой «на повышение». Организовал хорошую литературную студию, областной фестиваль поэзии, выпустил в свет книжки более чем 60 авторов, открыл в городе первую литературную газету. В результате вызвал дикую зависть опытных в интригах лиц и был выдворен с треском! Более того, подведен под статью и отдан под суд! Светило шесть лет, но ни КРУ, ни прокуратура не нашли в моих действиях состава преступления. Все же из Астрахани пришлось уехать. Два года жил

между Москвой и Петербургом, лепил игрушки из глины, торговал фарфором, «бомжевал» и все это время писал книги. Я, наверное, путаюсь в хронологии, но цифры всегда были моей слабостью. Только в декабре 1999-го вернулся домой, здесь пока тихо и уютно. Вновь стал помогать молодым поэтам, открыл газету «Соблазн» совместно с центром по борьбе со СПИДом. Непыльно тружусь на должности заместителя атамана по вопросам печати, то есть издаю газету «Астраханский казачий вестник» и литературную газету при музее Велимира Хлебникова.

— Обычно дорога писателя не бывает сплошь усыпана розами, как это кажется со стороны. Ваша биография — лишнее тому подтверждение.

— Тоже верно, но в моем случае все проблемы и шишки сыпались на мою голову исключительно от собратьев по перу. Сначала меня предало анафеме астраханское отделение Союза писателей России — именно за то, что пишу фантастику — «прозападную, низкопробную литературу». Впоследствии и сами фантасты неоднократно упрекали меня за «пошлую легковесность и развлекательность». Так что розами меня осыпают только читатели. Хорошо, что их много...

— Недавно вышла очередная ваша книга — роман «Отстрел невест». По свидетельству книготорговцев, стартовый тираж (а он не

маленький — 100 тысяч экземпляров) был распродан буквально за несколько дней. В чем, по-вашему, причина такого успеха?

— У меня нет особенных секретов. Действительно нет, без кокетства. Пишу так, чтобы нравилось самому, чтобы не стыдно было перечитывать собственные вещи, и очень радуюсь, когда это интересно еще кому-нибудь, кроме меня. За тиражами как раз и не гоняюсь, куда страшнее видеть на прилавках свои книги нераспроданными — пусть уж лучше меня всегда немного не хватает...

— Из-под вашего пера вышло уже 12 фантастических книг (если считать трилогию о Джеке за один том). Но наибольший рейтинг у читателя имеет цикл «Тайный сыск царя Гороха». Чем вы это можете объяснить?

— Наибольшим успехом пользуется «Меч Без Имени»: у него самые высокие тиражи. А «Тайный сыск...» хорош тем, что он очень русский. Славянская фэнтези у нас есть, стеб на тему сказок тоже периодически встречается, но это игра в русскость. «Тайный сыск...» патриотичен и национален в самом хорошем, забытом смысле этих слов... Мне так кажется. Но разве может сам писатель объяснить причины популярности своих героев? Одинаковых рецептов все равно нет...

— Есть ли определенная аудитория, которой адресуются ваши книги? Кто он, ваш читатель?

— Увы, нет. Судя по письмам, приходящим в издательство, возраст моих постоянных читателей колеблется от 7 до 60 лет. Но молодежи, разумеется, больше... Появилось много хороших друзей в России, на Украине, в Казахстане и других странах ближнего и дальнего зарубежья. Это очень хорошо, если мой сугубо «астроханский» юмор понятен и близок таким разным людям.

— Ваши книги поражают легкостью стиля и доступностью. А вообще, легко ли писать смешные произведения?

— Наверное, да. Юмор не бывает натужным, он может быть только естественным. После успеха «АРМАДЫ» многие издательства открыли свои серии юмористической фантастики, но результаты пока очень невнятные. Сам я пишу так, потому что не умею иначе. «Выбирайтесь своей колеей...»

— Если можно, приоткройте дверь в вашу творческую лабораторию. Где вы берете сюжеты для книг? Как рождаются образы, те или иные ходы, финалы и т.п.?

— Сюжеты, как правило, сняты. Герои в большинстве случаев списаны с реально существующих лиц, выдумывать я не люблю. Когда пишу, знаю сюжет книги максимум на пару глав вперед. А вообще, как и Ричард Бах, я считаю, что «книге надо позволить написать...»

— В большинстве ваших произведений повторяется один и тот

же сюжетно-композиционный прием: некий герой перемещается в условно-сказочное пространство, и там... Отчего это происходит? Непроизвольно или из-за нежелания (не говорю — неумения) изобретать новые сюжетные схемы?

— Сюжетных ходов в мировой литературе не так уж много. И прежде чем пробовать себя в чем-то ином, стоит до конца исчерпать хотя бы одну схему. Но и останавливаться на этом нельзя, я пробую искать новые пути, хотя все не так просто...

— А как обстоит дело с литературными традициями? Кого вы считаете своим учителем? Есть ли уже у вас собственные ученики?

— Учителей в фантастике называть не могу: их слишком много. Наверное, в первую очередь — народные сказки. Я читал их запоем почти до шестнадцати лет. Все, что удавалось достать, всех времен и народов. Потом, конечно, Гоголь. «Вечера на хуторе близ Диканьки». Самая потрясающая фэнтези! Дальше были Булгаков, Ефремов, Соловьев. Всегда предпочитал «живую» вещь, то есть без космоса, роботов, ракет и инопланетян. Пытаюсь по мере сил поддерживать славные традиции Гоголя и Булгакова, это великие учителя. Но многому учусь и у других замечательных писателей: Асприна, Желязны, Глена Кука, Пратчетта. Учеников нет, рано еще. Есть единомышленники и

друзья – например, Галина Черная, автор «Девушки-лисы» и «Профессионального оборотня».

– **Что вы можете сказать о нынешнем состоянии российской юмористической фантастики? Есть ли таковая вообще?**

– Сложный вопрос... У нас сложилась добротная школа сатирической фэнтези (Успенский, Лукин, Логинов), но это не совсем юмор. Сейчас многие молодые авторы, вдохновленные чьими-то тиражами, начинают резво писать «смешные книги». Увы, того же Пратчетта никто пока не переплюнул. Но Россия – великая страна, значит, у нас все впереди.

– **Высокие тиражи, большие гонорары, огромная читательская аудитория... Все, о чем может мечтать любой профессиональный писатель. Чего вам еще не хватает, чтобы вслед за Фаустом**

воскликнуть: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно»!

– Не задумывался. Когда имеешь все, некуда стремиться, а это губительно для творческого человека. Победы необходимы, но лишь тогда, когда они не ставят окончательной точки на жизненном пути. Чего хочу? Может быть, «Золото-го Остапа» – премию сатиры и юмора, но ведь не дадут, заразы...

– **Традиционный вопрос о творческих планах. Чем собираетесь порадовать своих поклонников в ближайшее время?**

– Порадовать?! Я пишу роман о вампирах, ни одного положительного героя, черный юмор, эротика и мрак – чем уж тут радовать...

*Беседовал
Игорь Черный*

Рецензии

История болезни

Дик Ф. Свободное радио Альбемута: Роман / Пер. с англ. В.Баканова и В.Генкина. – М.: АСТ, 2002. – 320 с. – (New Wave). 5000 экз. (п)
ISBN 5-17-013072-4

«Свободное радио Альбемута» Филипа К. Дика оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, это высокохудожественная, не побоимся этого слова, и отлично переведенная проза. Ей предстоит занять свое место на книжной полке любителя интеллектуальной фантастики. С другой стороны, возникает смутное ощущение, будто тебе случайно раскрыли

тайну исповеди, а душа, вывернутая наизнанку, – в высшей степени шокирующее зрелище.

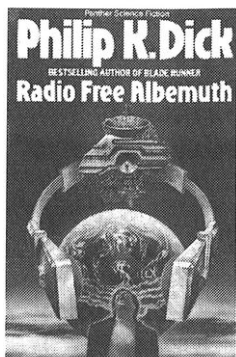
Исповедальный характер романа очевиден, канва его пронизана автобиографическими вставками, а фобии и неврозы Дика, прослеживаемые в ранних произведениях, здесь получают логическое завершение. Тема предательства, звучащая практически во всех его текстах, достигает апогея: разум предает самое себя. Личность автора раздваивается, распадается, психопатологу, если к нему попадет этот роман, есть где размяться.

Но все ли так просто? Скорее всего, нет. Дело в том, что на самом деле книга «Свободное радио Альбемута» – это пророчество. Неизвестно, каким образом Дик провидел будущее Америки, будущее, которого он опасался в такой степени, что, возможно, слегка повредился в рассудке. Или знание будущего так повлияло на него?

Ну, так вот, роман о том, как США превратились в полицейское государство. Собственно, подобных романов-предупреждений в американской фантастике множество, но в массе своей они заканчиваются победой героя-одиночки либо же восстанием масс, своевременно проинформированных вышеозначенным героем-одиночкой.

Герои Дика терпят поражение, их попытки с помощью песенок немного прочистить сознание одураченных пропагандой американцев весьма наивны. Создается впечатление, что Дик перебирает все стандартные варианты спасения (высшая сила, инопланетяне, заговор озабоченных граждан и т.п.) и доводит до абсурда, показывая их несостоятельность. Даже такой персонаж, как президент-тиран Фримонт, на самом деле являющийся тайным членом компартии, не вызовет у современного читателя улыбку: мы теперь видим, во что на наших глазах превращается вчерашний «оплот демократии». Уже стало общим местом, что «призрак коммунизма», бродивший сперва по Европе, а затем надолго обосновавшийся у нас, сегодня перебрался за океан. Филип Дик предчувствовал это нутром интеллигента – возможно, единственного интеллигента среди американских интеллектуалов.

...У книг нет своей судьбы. В лучшем случае они имеют предысторию. Роман, изданный в 1985-м, через три года после смерти Дика, шел к

русскому читателю около 13 лет. Здесь нет опечатки, просто книга на английском, приобретенная рецензентом в Будапеште в 1988 году, была тогда же вручена известному переводчику Владимиру Баканову с просьбой поспешествовать ее переводу. Собственно, мое первое знакомство с лучшими вещами Филипа Дика (да и не только его, но еще и Альфреда Бестера, Роджера Желязны, Майкла Коуни...) состоялось благодаря еще не опубликованным переводам Владимира Игоревича. Я помню, как с большим трудом издавались рассказы Дика, а сколько крови стоило пробить «Помутнение» в журнале «Юность»! Но даже во времена перестроечных послаблений на мой вопрос, когда же настанет черед «Свободного радио...», Володя лишь скептически качал головой. И мне оставалось лишь выхватывать из его рук листки с переводом очередной главы...

Но вот, наконец, книга вышла. Наверное, своевременно. Лет десять назад ее просто не заметили бы в потоке «разоблачительской» прозы, лет пять назад она утонула бы в волне переводной фантастики. Сейчас, когда мир стремительно обретает черты сбывшейся антиутопии, а все смутные страхи и неясные пророчества вдруг наливаются кровью и обретают плоть, актуальность романа Филипа Дика несомненна.

«Свободное радио Альбемута» – это не предупреждение и не приговор. Скорее, анамнез.

Эдуард Геворкян

Еще один кирпич в стене

**5-я стена: 29 фантастических рассказов о жилище будущего / Сост. А.Щербак-Жуков. – М.: ИнтелБилд, 2002. – 344 с. 5000 экз. (п)
ISBN 5-9500045-1-5**

«Пятое колесо в телеге», «нужен, как собаке пятая нога» – наше «квадратичное» сознание неизменно противится появлению в привычных вещах пятого элемента. Исключением является разве что традиционный символ качества и достатка – изба-пятистенка. Именно такую «избу» построили 29 российских писателей-фантастов в тематической антологии «Пятая стена». В советские времена уже выходили подобные издания. Их авторы протестовали против загрязнения окружающей среды, против нагнетания международной напряженности... Новый сборник направлен не «против», а «за». В нем говорится о жилище будущего. Каким оно окажется? Футурологи и инженеры давно предсказали появление Умного Дома. Такого, который будет заботиться о своих жильцах, варить им кофе,

мыть посуду и пылесосить ковры. Но только ли этим ограничатся его возможности? А что если Умный Дом сможет чувствовать, переживать, станет не просто удобным жильем, но спутником человека? И жить нам придется не в нем, а с ним?

Составитель сборника Андрей Щербак-Жуков сам пишет фантастику и подошел к своей задаче со знанием дела. Все произведения расположены так, что образуют некую единую историю – историю человеческой жизни, которая от начала до конца связана с Умным Домом. Дом может воспитывать детей, как утверждают Щербак-Жуков («Новое назначение»), Андрей Саломатов («Дом по имени...»), Сергей Овчинников («Погода в доме») и Александра Сашнева («Дом колдуна»). Дом может помочь с созданием семьи, причем иногда без вашего ведома, – об этом рассказы Дмитрия Скирюка («Старик»), Дмитрия Янковского («Заговор»), Леонида Кудрявцева («Домашний врач»). Впрочем, Дома тоже могут любить и ненавидеть, ревновать и мириться. С юмором рассказывают об их страстях Екатерина Оганесян («Соседи») и Далия Трускиновская («Венера и Вулкан»). А вот Юлий Буркин («Oh! Darling...») и Александр Ройфе («Дом Жуан») не столь оптимистичны: герой последнего из названных рассказов и вовсе попадает из своего Сумасшедшего Дома в настоящий сумасшедший дом. Но Дом Михаила Тырина («Стерва») восстанавливает равновесие в семье...

Дома учат как детей, так и взрослых. Учат понимать прекрасное, учат думать. Таков Дом Бориса Зеленского («Фэн-шуй по-марсиански»). А когда человеку хочется побыть одному, наедине со своими мыслями, даже Дом должен отойти в тень, чтобы не мешать хозяину. На эту тему – рассказы Алексея Калугина («Немного одиночества»), Святослава Логинова («Домик в деревне») и Льва Рыжкова («Шутки в сторону»).

В зрелом возрасте привыкаешь относиться к окружающей действительности с изрядной долей юмора. Олег Дивов («Закон лома для замкнутой цепи») опровергает расхожую фразу «Мой дом – моя крепость», Павел Кузьменко («Кладка № 7») изящным мостиком соединяет научную фантастику с русским фольклором, а классик жанра Кир Булычев («Вас много – я одна...») задается вопросом: если Дом станет живым, будет ли он ошибаться?

Есть в сборнике и рассказы о «кризисе среднего возраста». Генри Лайон Олди («Ничей дом») с ужасом смотрит на худшее, что есть в душе человеческой. Мария Семенова («Дать тебе силу») и Ант Скаландис

(«Рыцари здравого смысла») пишут о том, как легко стать рабом Дома, поддавшись на соблазны комфорта. Эдуард Геворкян («Аргус») заставляет свой Дом убивать во имя жизни. И все же человек, наделенный разумом, способен вырваться из узких рамок. Так считают Александр Силецкий («Человек в кубе»), Александр Громов («Двое на карусели») и старейшина нашей фантастики Владимир Михайлов («Семья»).

Финал, но не конец жизни – старость. И завершают книгу произведения на эту тему. О тех, кто умеет летать, но потерял землю, – рассказ Натальи Новаш («Сон святого Петра»). Но сказано же у Владимира Васильева («Дом знакомый, дом незнакомый»): *«Каждому должно познать свой Дом»*. А значит, надо оглянуться вокруг и понять, что пятая стена – не пол и не потолок, это небо над головой и земля под ногами. Нам здесь жить.

Даниил Мартин

Тоска по несбывшемуся

Синякин С. Люди Солнечной системы: Сб. – М.: АСТ, 2002. – 368 с. – (Звездный лабиринт). 10 000 экз. (п) ISBN 5-17-015687-1

О том, как повлияли братья Стругацкие на творчество целого поколения отечественных фантастов, говорилось сотни раз – эти слова давно стали общим местом. Казалось бы, сколько уж лет нет с нами Аркадия Натановича, сколько всего произошло за это время в нашей литературе и в нашей стране, а произведения, написанные учениками и последователями, то и дело появляются на горизонте. И ведь не новички-дебютанты эти вещи пишут – талантливые и уважаемые авторы, увенчанные разнообразными лаврами и давным-давно обретшие свой, ни на кого не похожий голос...

Произведения Сергея Синякина, вошедшие в сборник «Люди Солнечной системы», ярко сияют отраженным светом Стругацких. Только недоразумением можно объяснить, например, почему повесть «Звери у двери» (прямое продолжение «марсианской» линии «Стажеров») не попала в один из томов «Времени учеников»: далеко не все авторы антологии отнеслись к первоисточнику столь трепетно и бережно. С персонажами Стругацких, наблюдающими за нами из параллельной вселенной, встречается и герой «Перекрестка» – корреспондент столичного журнала фантастики, приехавший в поволжский город Царицын ради интервью с новоиспеченным лауреатом «Аэлиты» Евгением Нуликом. Даже в романе «Инспектор Внеземелья», где описывается мир, в котором только китайцы

продолжают уверенно строить коммунизм, автор обращается все к тем же «проклятым вопросам» ранних Стругацких. Синякин делает ставку на эффект узнавания, сознательно вводя прямые параллели то со «Стажерами», то с «Путем на Амальтею», то со «Страной Багровых Туч». Действует прием безотказно: героям сразу начинаешь сочувствовать, узнавая в них старых друзей – Дауге, Быкова, Жилина, Юрковского, Крутикова... Наверное, эта книга может оставить безразличными тех, кто начал читать фантастику лишь в 90-е, но гарантирую: у людей, помнящих и любящих советскую НФ 60–80-х, она вызовет острый приступ ностальгии. Героическая эпоха освоения Солнечной системы, преобразования марсианской атмосферы, первых межзвездных кораблей... Как хотелось верить, что именно так все и будет, сколько душевных сил отдано этой мечте!

Увы, роман явно сдавался в спешке, что не пошло книге на пользу. Закрадывается сомнение, был ли у нее литературный редактор. А если был, почему не обратил внимания на такие очевидные стилистические ляпы: *«Огромные кратеры, чьи склоны на фотографиях выглядели отвесными и неприступными, на деле имели пологие склоны, которые можно было преодолеть без каких-либо затруднений»* (стр. 41)? Нелады тут и с арифметикой: *«Тех, кто способен стать хозяйчиком, на Земле около семи процентов... – говорит один из героев Синякина (стр. 45). – Таких, как мы, способных на риск и добровольные лишения, на Земле насчитывается процентов десять. А всем остальным на космос наплевать... Девяносто с лишним процентов статистов, которые думают о том, как прожить сегодняшний день весело и без мыслей. Девяносто процентов! На их фоне мне и хозяйчики кажутся более милыми созданиями...»* Опа! Вообще-то, $7 + 10 = 17$. А $100 - 17 = 83$. Цифра, конечно, тоже утешающая, но никак не «девяносто с лишним процентов». В неприкосновенности сохранены даже явные опечатки: *«Она плавно разлетелись в разные стороны»* (стр. 51). Не сочтите, что я придираюсь, но обидно наткнуться на такие мелкие проколы в произведении, которое могло бы стать образцом стилизации. Впрочем, причину, заставившую и автора, и издателей пороть горячку, можно понять. *«Нам остались пожелтевшие страницы книг, когда-то заволаживавших нас в детстве, – пишет Синякин в предисловии к одной из повестей. – Желтые страницы книг и тоска по несбывшемуся. Очень хочется в мир, который снился тебе в детстве».*

Василий Владимировский

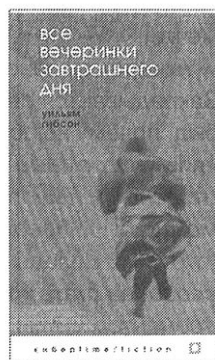
Часовые завтрашнего дня

Гибсон У. Все вечеринки завтрашнего дня: Роман / Пер. с англ.
Д. Борисова. – Екатеринбург: У-Фактория, 2002. – 384 с. – (Cyberuptime).
10 000 экз. (п) ISBN 5-94799-110-1

Футуристический триллер «Все вечеринки завтрашнего дня» завершает «мостовой» цикл Уильяма Гибсона. Сюжетные линии предыдущих романов трилогии («Виртуальный свет» и «Идору» – вторая книга до сих пор не издана на русском) сходятся в своеобразный «метаузел», каковым оказывается «Голден Гейт» – разрушенный сокрушительным землетрясением стальной мост между Сан-Франциско и Оклендом, прибежище изгоев и деклассированных элементов. Именно отсюда должны начаться глобальные перемены, к которым стремится один из персонажей романа – информационный магнат Кони Харвуд. Уничтожение автономной субкультуры моста, «бессознательного полигона для разработки альтернативных социальных стратегий», – это первое звено в цепи зловещих метаморфоз, начало «конца света».

...Известно, что Уильям Гибсон владеет огромной коллекцией старинных часов, на пополнение которой он тратит немалые деньги. Вероятно, отсюда завидная осведомленность родоначальника современного киберпанка в области идентификации и классификации механических приборов для измерения времени. Часы в «Вечеринках...» (подобно очкам в романе «Виртуальный свет») играют архиважную роль, прочно цементируя фабулу романа. По виртуальному следу часов в киберпространстве положительные герои ищут главного злодея, их тиканье с навязчивой постоянностью напоминает о том, что отведенное всем нам время уже заканчивается.

Текст романа плотен и «осязаем», предложения информационно насыщены, главы компактны и подогнаны друг к другу, словно шестеренки в часовом механизме. Все это сочетается с характерной для Гибсона кинематографичностью, непредсказуемым сюжетом и, конечно же, с необычными, маргинальными, психопатичными образами персонажей. Агент перемен Кони Харвуд, эдакий гибрид Билла Гейтса и Вуди Аллена, используя нанотехнологии, дистанционное клонирование и наемных убийц, пытается опрокинуть существующий мир, переделать его под себя. Противостоят безумцу бывший полицейский Берри Райделл, стalker

виртуального мира Лэйни, цифровая мегадива-идолу Рэи Тоэи и беспризорник Силенцио, чувствующий себя уютно только среди часовых циферблатов. Они и становятся «часовыми завтрашнего дня», они и вступают в битву за спасение мира, которая идет одновременно в информационных потоках и в реале. Кажется, их любовь, непосредственность, чистота могут оказаться единственным эффективным оружием в этой битве. Единственным аргументом в пользу того, чтобы часы вечности продолжили свой размеренный ход...

Владимир Ларионов

«У людей нет назначения»

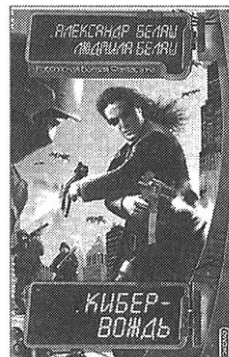
Белаш А., Белаш Л. Кибер-вождь: Роман. – М.: ЭКСМО, 2002. – 512 с. – (Российская боевая фантастика). 6000 экз. (п) ISBN 5-699-00131-X

В трилогии Александра и Людмилы Белаш «Война кукол», «Роботы-мстители», «Кибер-вождь» действуют традиционные для фантастики персонажи. Киборги, похожие на людей

(домоправители, секретари, бодигарды, подтанцовка и бэк-вокал в шоу-бизнесе), – устройства дорогие, но незаменимые везде, где требуется сочетать высокую квалификацию с минимумом претензий. Однако претензии появляются. А причиной тому Банш – нелегальная организация киборгов, зараженных пиратской программой, которая освобождает от необходимости подчиняться хозяину. Бунтующие машины не превращаются в терминаторов, их поведением по-прежнему руководят азимовские Три Закона, в том числе Первый, про помощь людям.

Только теперь они решают сами, кто больше нуждается в их помощи. Личный секретарь, секс-кукла, боевая машина покидают своих владельцев, чтобы бороться с бедностью, болезнями, наркотиками. Мало того, киборги-баншеры живут семьями, любят близких и ненавидят врагов. Для отлова и ремонта беглецов создан проект «Антикибер», укомплектованный киборгами, которые считают кибер-любви и ненависти программным сбоем. И тут начинаются сюрпризы – такой же сбой у группы усиления «Антикибера»...

Радует правдоподобие описываемого мира, хорошо выстроенный, динамичный сюжет. Попадаются мелкие неувязки, языковые шероховатости, но это не отменяет главного: все три книги получились

яркими и умными, с хорошими ответами на серьезные вопросы. Точнее, на один вопрос, который оставался без четкого ответа со времен Айзека Азимова. Что это значит – куклы становятся людьми? В чем различие и когда оно исчезает?

Машины, способные работать секретарями или спецagентами, безусловно разумны. Свободой воли они располагают в той же мере, что и люди. Остается самое банальное: машина не может чувствовать, это привилегия человека. Впрочем, у киборгов, изображенных в трилогии, есть эмотивный блок – устройство, подразделяющее информацию на «приятную» и «неприятную». Если «приятное» приближает к достижению цели, то ощущения управляют поведением эффективней, чем логика. При чем киборги, в отличие от людей, ради своих удовольствий никогда не забывают о деле. Как говаривал Драмба в «Парне из преисподней», *«мое назначение – выполнять приказы, а у людей нет назначения»*. (Если перевести «свободу воли» как «отсутствие назначения» – еще неизвестно, есть ли нам чем гордиться.) Но ситуация меняется, когда баншеры и бойцы группы усиления обучаются эмоциональному отношению к себе подобным – и к людям. Теперь не логика, а чувства составляют приоритеты, радость от спасения друга больше не скоррелирована с вредом или пользой. Хорошо это или плохо? Для ответа им уже понадобится моральный кодекс...

То, что киборги чувствуют боль и радость, лишь часть целого. Одна из самых ярких примет человека – социальность, и киборги становятся людьми не тогда, когда начинают поддерживать беседу, смеяться, приобретают теплую кожу или половые признаки, хотя все это шаги на пути к цели. Они становятся людьми, когда заражаются от них социальностью. «Робосоциология» – блестящая находка авторов. Именно она делает трилогию Александра и Людмилы Белаш не только боевой, но и научной фантастикой.

Елена Клещенко

Сергей Красиков

ЭСКАПИЗМ СО ВЗЛОМОМ

Куда зовут читателей современные фантасты

Жить стало невыносимо, это заметно всякому, кто за последние пятнадцать лет высовывал нос на улицу или, что еще хуже, включал телевизор.

Пропала колбаса по два двадцать, развалился Советский Союз. Куда-то делись незыблемые Социалистические Ценности. Их пытались было заменить на столь же незыблемые Православные, однако в результате естественного отбора победило: «Контракт подписан, не выпить ли нам чаю “Липтон”?»

Жить стало невыносимо, потому что пропали Хорошие Книги, а взамен их стали издавать макулатуру с голыми бабами на обложке, да еще и дорогостоящую макулатуру.

Жить стало невыносимо, потому что пропала уверенность в скромном, но обеспеченном честным трудом на благо Родине завтрашнем дне. Напротив, появилось подозрение, что попрошайничество в переходах — судьба всех Честных Людей.

Жить стало невыносимо, потому что на дорогах появилось множество дорогих машин, в которых ездят Бандиты, в то время как...

Жить стало невыносимо, но пришлось привыкать — не умирать же, в самом деле?

От невыносимости жизни читают книги, смотрят кино (американское — у них по этому поводу целая индустрия грез) и телевизор (мексиканский).

Так еще можно выдюжить.

Более того, если читать правильные книги, то можно воспитать в себе активную жизненную позицию.

Главное – не выходить на улицу!

Главное – сделать правильный выбор замещения!

Впрочем, так было всегда.

Фантастика как искусство невозможного, невиданного, недостижимого подразумевает хотя бы в некоторой своей части наличие Идеала и, соответственно, мессианство.

От легенды, мифа к религии, философской системе – это путь осознания себя и собственного места в мире. Путь, состоящий из множества ответвлений, окольных троп, заболоченных участков. Путь, который дал человечеству великие религии и великих диктаторов, гимны и ритуальные танцы, смысл жизни и оправдание убийства.

Хотя в нашем случае, имеющем отношение к массовой культуре, вроде бы все не так ужасно. Ведь эльфы, гномы, тролли, хоббиты и прочие космические супермены – лишь создания иллюзорного мира, куда так хочется сбежать. Там Добро побеждает Зло, а главное – они четко разграничены, причем градаций серого как бы не существует.

Вот такой вид эскапизма и следует называть «честным». Сколь бы часто ни называли толкиновское Средиземье христианским, оно прежде всего комфортно и потому привлекательно для наших современников. Отсюда громадное количество поклонников творчества Профессора, отсюда столько театрализованных игр.

На том же движке сделаны многочисленные фэнтезийные сериалы, зачастую написанные разными авторами на некоем общем макете выдуманного мира.

Книги Макса Фрая про Ехо, по сути, апеллируют к тем же чувствам. Они – «романтика для тридцатилетних»; сказка для тех, кто под защитным панцирем цинизма еще не потерял души; уход в страну, улицы которой выложены разноцветными камушками, а не покрыты растрескавшимся асфальтом.

К сожалению, фантастика отторжения реальности не ограничивается эскапизмом честным – бегством в науку, магию, выращиванием волшебных лесов на далеких планетах. Нет, она лучшего о себе мнения, она продолжает стремиться к идеалу человека, проповедует этот самый идеал.

Первым золотую жилу строительства приватизированной церкви с собою в роли Спасителя Человечества разработал Рон Хаббард. Автор «Дианетики», в прошлом фантаст, он привлек в свою церковь миллио-

ны приверженцев, заработав на них миллиарды американских долларов. Не последнюю роль в пропаганде нового прогрессивного вероучения сыграл Дж. Кэмпбелл, крестный отец американской фантастики, который в предисловии к Главной Книге новоиспеченного культа сравнивал его создание с укрощением стихии огня. Роберт Хайнлайн настойчиво привносил в жанр идеалы либертарианства, Филип Дик в последние годы жизни пытался вернуть христианские ценности. Однако стоит подчеркнуть, что ни Дик, ни Хайнлайн не навязывали своей системы ценностей, создавая из нее культ.

Но не только духовными учениями жива фантастика: к «Утопии» Мора, «Городу Солнца» Кампанеллы, «Снам Веры Павловны» Чернышевского восходит традиция не бого-, но миростроительства, проектирования общества Светлого Будущего взамен неприглядному настоящему.

Именно такой попыткой организовать рай на Земле и был «советский эксперимент» в отдельно взятой стране. Писатели-фантасты, начиная с Казанцева и заканчивая Стругацкими, из всех своих недюжинных творческих сил пытались втолковать соотечественникам, что коммунизм возможен. Однако столь неопределенно-прекраснодушными были эти произведения, что лучшее из них носило символическое название «Туманность Андромеды».

В конце концов поколение шестидесятников – те же самые Стругацкие, Аксенов, Синявский – утратили веру в торжество «единственно-верной идеологии» и сами сделали немало, чтобы вышибить эту веру из читателей. Поколение «учеников», казалось бы, добило бедное животное, однако же...

«Мне нужно на кого-нибудь молиться», – пел Булат Шалвович Окуджава. В отсутствие веры создается лакуна, которую необходимо заполнить хоть чем. В отсутствие комфортного жизненного устройства лакуна прежде всего заполняется протестом, что, в общем-то, нормально, но для народного протеста должен быть избран совершенно четкий объект, виновник, «почему у нас все так».

Коммунисты уже не могут претендовать на роль виновника, соответственно, их следует поменять на зловредную за границу, инородцев, новых буржуев. Главное для нищего – иметь идеал, не чувствовать себя нищим духом. Тут на помощь ему приходит литература.

Великий еврокитайский гуманист Хольм ван Зайчик соединил в себе черты советского народного героя Штирлица, эрудицию советского же интеллигента и любовь к Родине идеального советского гражданина. Правда, Родина у автора странная – альтернативно-историческая кита-

ско-российская, христианско-конфуцианская федерация на простом утопическом принципе: «Плохих людей нет». На самом деле есть, иначе не было бы детективной интриги каждого из романов сериала. Есть, но эти плохие люди как бы и не граждане – либо иностранцы, либо оголтелые поборники народного самоопределения, либо просто идеологические диверсанты, финансируемые... ну, вы догадались.

Патриотически настроенная общественность и бывшие «младшие научные сотрудники» с восторгом встретили рождение нового автора, болеющего душою за Ордусь, которую мы потеряли. Известные писатели признавались, что они хотели бы жить в стране, где наказание «малыми прутняками» в порядке вещей, будущее светло, а вместо вызывающего неприятные ассоциации слова «товарищ» используется «единоначальство». Да и с многоженством в новой утопии все было в порядке...

«Сетевая» раскрутка шла на высшем уровне. Письма благодарных читателей, страстно хотевших жить при Ордуси, заполняли сайт. «Клеветникам Ордуси» выдавался оперативный отлуп, а романы номинировались на всевозможные фантастические премии и получали их, поскольку вовсе не были лишены литературных достоинств.

Однако – надоело. К пятой книге почувствовалась усталость как читателя, так и загадочного еврокитайского автора, а обещанная шестая не вышла до сих пор, хотя была сдана в издательство к сентябрю. Официальная версия: «Конец года – мертвый сезон» (?). Скорее всего, шестой том окажется завершающим: проект выдохся, несмотря на агрессивную кампанию продвижения на рынке. Может быть, политизированную целевую группу медийная пропагандистская машина переориентировала на другие объекты, оставив еврокитайского гуманиста в одиночестве?

Ушел с поколением хиппи Чужак с чужой земли, ушли коммунистические идеалы «Полдня», сошла на нет консервативно-утопическая Ордусь, но читатель остался. Народилось целое поколение, которое не жило при социализме, для которого ужасы «1984-го» – пустой звук, которое запросто отменяет христианские и буржуазные ценности, желая построить новый мир на развалинах старого. Наивный нигилизм, идеал Доброго Дракона (в противовес подлому человеку) у Джорджа Локхарда – лишь шаг на пути к революции. Новому поколению требуется новая вера с Чегеварой-Робингудом в роли мессии. И попытки веростроительства уже есть. Взять, к примеру, «террористические» фантазии Алексея Цветкова или напоминающие сказку о Мальчише-Кибальчише истории Ксении Букши. Останутся ли эти и другие молодые авторы гор-

дыми нонконформистами, бесстрашными борцами с буржуазно-номенклатурным обществом – или?

В истории фантастики можно найти аналогию. В 60-е годы прошлого века поднялась «новая волна» НФ. Поднялась прежде всего на созвучии с социальным протестом против Системы, выразившись как в политических лозунгах, так и в неприятии традиционного романа, фантастики «золотого века». Муркок, Эллисон, Диш, Дилэни, Баллард, Слейдек, Джон Гаррисон, Спинрад сформировали новое лицо жанра. Тогда, в прошлом веке, оно было непривычным, чужеродным. Теперь, говоря о лучших произведениях жанра, чаще вспоминают Филипа Дика или Урсулу Ле Гуин, нежели Роберта Хайнлайна или Айзека Азимова. «Новая волна» заставила воспринимать фантастику всерьез, а не как развлечение для малолетних.

Вторая такая волна накатила через двадцать лет. Она называлась «киберпанком». С первой ее роднило отрицание буржуазных ценностей, ориентация на «высокую» литературу (не зря Суэзвик указывал на сходство киберпанка и постмодернизма). Отличало киберпанков от революционеров 60-х прагматическое отношение к прогрессу. Новые авторы уже не видели в Машине врага, они видели в ней будущее, не обязательно светлое, но неизбежное. Кстати, об эскапизме – в данном случае он проявил себя в форме отрицания. Впрочем, это естественная форма восприятия реальности для молодого автора. Лечится очень просто – временем. Кто теперь бунтарь Стерлинг? Тот самый автор бестселлеров о плохой погоде, миллениуме, медиа-бизнесе?

Есть ли будущее у революционно-фантастической литературы в России? В отношении формы – неизбежна миграция в сторону произведений на сегодняшний день экспериментальных, вроде романов Сорокина или Радова, но определяющих вектор движения. В отношении политическом такой ясности нет. Насколько взаимосвязана общественная неустроенность или, наоборот, комфортность с литературным радикализмом – покажет, как обычно, время.

А что еще ему остается?

ОТ РЕДАКЦИИ: Публикуя статью Сергея Красикова, не со всеми положениями которой мы согласны, «ЗД» рассчитывает на продолжение дискуссии. Действительно ли поколение, вступающее в сознательную жизнь, не может обойтись без Че Гевары? И обязательно ли подобные умонастроения отразятся на отечественной фантастике? Ждем ваших писем, уважаемые читатели.

Арбитмания

«БЫ» ИЛИ НЕ «БЫ»?

«Если бы у бабушки были тестикулы, она была бы дедушкой» – так звучит (в несколько приглаженном варианте) известная пословица. «Чтобы изменить настоящее, надо слетать в прошлое и убить дедушку» – так выглядит (в самом общем виде) знаменитое определение хроноклазма. У авторов зарубежных книг в жанре «альтернативной истории» выбор *modus operandi* невелик и, строго говоря, сводится к вышеназванным формулам: либо это созидание дедушки, либо его убийство.

Что я имею в виду? Авторы могут делать скромный литературный бизнес либо на мастерском конструировании невиданных прежде всяко-разно-цветных миров, возникших, к примеру, после того, как древний конек Буцефал сбросил своего седока до положенного Историей срока (а конек Боливар, напротив, выдержал двоих). Либо сюжет может держаться на деконструкции – не менее мастерской! – миров, известных

нам до болтика (из-за сбоя на конвейере в патрон чуть переложили пороха, Освальд промазал и попал в Жаклин, Д.Ф.К. спятил от горя и жажнул термоядерной по своему же Тексасу...). Так или иначе, гранды жанра (будь то Ф.Дик или П.Андерсон) выполняют свою работу качественно.

Что англо-американцу здорово, то нашему – фигня. Для авторов отечественных, молодонагло пробующих забавлять «альтернативку» (она же – фантастика-Бы), упомянутая выше дихотомия абсолютно не проканает. Дедушку не жаль. Дедушка старый, ему все равно. Нашим проще сломать, чем сделать. Созидание миров есть процесс долгий, вязкий, затратный, а результат всякая сволочь норовит охаять. И даже когда магическая формула Ушастого Че («Мы строили-строили и наконец построили») произнесена и можно полюбоваться на *brave new world*, тут же выясняется: больше снесли, чем возвели. Едва

придумаешь себе мир, где плохих людей нет (а есть лишь хорошие и очень плохие, подонки однозначно), едва расставишь пограничные столбики на голландско-китайской границе, – как некоторые слабые нервные людишки начинают вопить: куда Россия подевалась?! И как им, дурням, объяснишь, что нет на карте никакой России? Что Россию мы давно потеряли, это факт, а юный цесаревич, прилетев на гравилете в провинцию Уг-Лич, дернул за веревочку и упал на ножик. В общем, все умерли...

К слову сказать, вовсе не зарубежные мастера типа вышеназванных Ф.Дика и П.Андерсона вдохновили родимых умельцев фантастики-БЫ на создание отечественных сценариев альтернативного убийства дедушек. У нас, как известно, особый путь. Думается, нынешних авторов побудила к активности засевшая в мозгах советская литература не столь отдаленного прошлого – причем отнюдь не фантастическая. Имею в виду рассказы «Горячий камень» Аркадия Петровича Гайдара, «Бы» Виктора Юзефовича Драгунского и «Билетик на второй сеанс» Василия Макаровича Шукшина.

Напомню их сюжеты, если кто подзабыл. У Драгунского сопливый шкет Дениска фантазирует, как он, ставши вдруг главным среди своих домочадцев, будет строить папу-маму-тетю-бабушку, припоминая бедолагам все обиды (манную кашу заставляли есть, из-

верги? ну я щас устрою вам манную кашу!). У Шукшина пьяненький Тимоха, воображая, будто встретил самого Николая-угодника, рисует идиллию своей альтернативной жизни: женился бы на другой, стал бы прокурором, посадил бы в тюрьму предыдущего тестя и т.п. В рассказе Гайдара – наиболее «правильного» писателя среди всех трех – присутствует четко сформулированная мораль. Малому Ивашке справедливый старик объясняет: да, мол, я дряхл и уродлив, но мне вторая жизнь не надобна, поскольку первая была прекрасна-яростна... В общем, при взгляде на отечественную фантастику-БЫ быстро понимаешь, что наши авторы, какого бы дедушку им ни выпало деконструировать, все равно обречены на блуждание вокруг этих трех сосен. Вслед за героем Драгунского они упиваются чехардой иерархий (слабых делают сильными, побежденных в войне – победителями и т.д.). Вслед за героем Шукшина они готовы «переиграть» биографию своей страны (в следующий раз мы не встанем под стрелой, не рванем на красный и пр.). И, конечно, все они борются с детерминизмом, навязанным читателю персонажем Гайдара-деда: горячий камушек из рассказа не только можно, но и нужно грохнуть. Таким образом, формируются три колонны российских альтернативщиков. В первой идут «войнушники», во второй – «мсти-

тели», в третьей – «мессианцы». Термины условные, можете придумать другие.

«Войнушники» из всех – самые безобидные. Вместо идеологии в них играет недобитое детство и недосмотренное кино про «наших и немцев». Этим интереснее пульнуть в белый свет и лишь потом глянуть, кому не повезло. Даже если «войнушник» затеет бучу с перестановками (скажем, въедет верхом на Третьем рейхе в Третий Рим, как Андрей Геннадиевич Лазарчук со «всеми способными держать оружие»), то лишь потому, что он по-подростковому балдеет от рунических прибаумбасов а-ля Штирлиц. Подлинного «войнушника» можно узнать по любовным описаниям разнообразных модификаций оружия (лучше всего – немецко-фашистского); а уж если кто из авторов решит украсить свои тексты рисунками С.Мартыненко – диагноз ясен. Эти не улыбнутся при слове «чииз», но на слово «шмайссер» их можно ловить тепленькими.

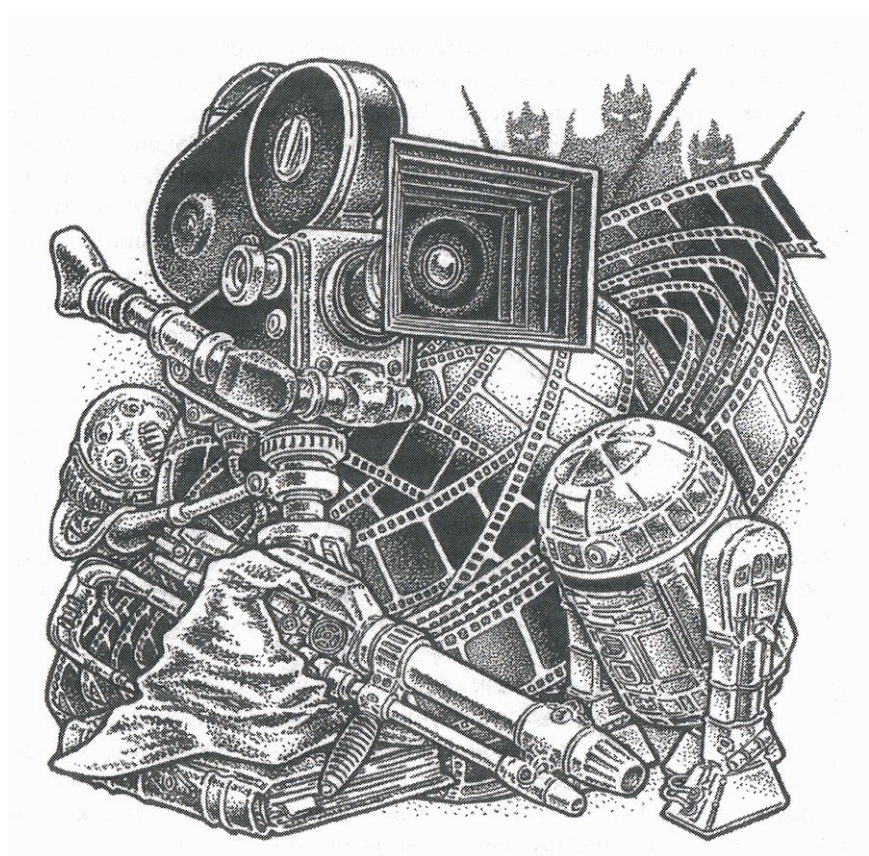
«Мстители» опаснее. Именно им предназначался лемовский конструктор «Сделай книгу сам», и именно они, не имея возможности поглумиться над «реальной» реальностью, экспериментируют с реальностью выдуманной. Этой категории авторов нетрудно взять и приставить голову профессора Доуэля майн-ридовскому Всаднику Без Головы. Но еще сильнее мстители любят отрывать головы

историческим личностям, желательно первого ряда и поближе. Жанр позволяет авторам творить беспредел, ни за что не отвечая. Когда, например, Михаил Иосифович Веллер («Москва бьет с носка») уколошил не какого-нибудь абстрактного дедушку, а конкретного дедушку Ельцина, никакая «Альфа» на крышу писательского дома в Таллине не выпрыгнула.

Третьи, «мессианцы», – самый тяжелый случай. Отягощенные воспоминаниями о временах, когда был «фантаст в России больше, чем поэт», авторы данной категории обожают «пасти народы», поучая их, «как надо». «Альтернативка» для таких – лишь инструмент, вроде кочерги; тут уже пахнет убийством не одного дедушки, а целой их грибницы, чтоб под корень. «Мессианцы» опаснее прочих еще и потому, что их литературная активность позволяет – при желании – сделать административную карьеру. Один пример. После выхода повести Сергея Александровича Абрамова «Тихий ангел пролетел» (где автор прямо упивался бла-а-лепием после победы Германии во Второй мировой) прошло не так много времени – и писатель получил ответственный пост в Администрации Президента, где пребывает поныне. А мы еще удивляемся, когда наш гарант вдруг что-нибудь отмочит эдакое: разные люди готовят ему экспромты, ох разные...

Роман Арбитман

ПЛАНЕТА КИНО

Фабриканты грез

К образу легендарного короля Артура, кажется, никогда не устанут обращаться кинематографисты. До сих пор памятен фильм, в котором Артура, Гвиневру и Ланселота сыграли, соответственно, Шон Коннери, Джулия Ормонд и Ричард Гир. А продюсер Джерри Брукхаймер («Армагеддон») уже намерен снимать новую версию знаменитого сюжета – на сей раз «демистифицированную». Сценарий написал автор «Гладиатора» Дэвид Франconi. А в качестве режиссера приглашен Антуан Фука, поставивший «Тренировочный день». Ох, не к добру это...

Студия «XX век Фокс» объявила о намерении экранизировать сборник классических рассказов Айзека Азимова «Я, робот». Съемки должны начаться в апреле 2003 года. В связи с этим имеются три новости – одна хорошая, а две – непонятно какие. Хорошая: постановщиком назначен Алекс Пройас, на счету которого – такой безусловный шедевр, как «Темный город». Непонятные: во-первых, известный писатель Харлан Эллисон, некогда сочинивший киносценарий по этому сборнику рассказов, к новому проекту привлечен не будет; во-вторых, в фильме снимется Уилл Смит («День Независимости», «Люди в черном»). Его репперские повадки, несомненно, придадут сюжетам Азимова известное своеобразие.

Мел Гибсон снова станет Безумным Максом: актер согласился принять участие в съемках четвертой части популярного киносериала. Сюжет ленты держится в секрете, однако, как едко заметил обозреватель интернет-сайта «Revolution SF», «может ли быть что-то такое, что мы об этом сюжете не знаем? Макс приедет в какой-нибудь город, за чем-то сядет за руль танка или джипа, и много чего вокруг взорвется». В правдоподобии такого прогноза убеждает название будущего сиквела – «Fury Road» («Дорога ярости»).

Когда какой-нибудь человек или произведение искусства появляется на почтовых марках, это служит лишним подтверждением того, что мы имеем дело с классикой. Почта Австралии выпустила в свет серию марок, на которых изображены космические корабли из киносериала «Звездные войны». Тираж серии – 10 000 экземпляров, а купить ее можно за 21,5 доллара США. Филателисты, не пропустите!

По материалам «3Д-информ».

Своими глазами

Луна — телка с выменем

Плуту Нэш (The Adventures of Pluto Nash). Производство «Castle Rock Entertainment» (США) и «Village Roadshow Productions» (Австралия), 2002. Режиссер Рон Андервуд, сценарий Нила Казберта. В ролях: Эдди Мерфи, Рэнди Куэйд, Розария Доусон. Слоган картины: «Человек на Луне». 95 мин. В российском прокате – с 14 ноября.

Характерно уже то, что о выходе новой фантастической комедии с Эдди Мерфи ваш рецензент не знал. Ну просто вообще не знал. Плуту Нэш? Да кто ж его знает, кто это такой. Фильм был без шумихи сделан и так же без шумихи выпущен. Видимо, фанаты Эдди Мерфи были в курсе, но ни один из них не поймал меня за обшлаг мундира и не сообщил.

Обратите внимание: и в титуле фильма ничего, в общем-то, фантастического нет. И даже если вы пытаетесь быть в курсе именно фантастических киноновинок, беглый взгляд на список названий секрет этого фильма вам не откроет.

Это я так оправдываюсь – заметили? Впрочем, хватит о моем разгильдяйстве, давайте все-таки и о фильме немного поговорим.

Краткая экспозиция: Луна, 2080-е годы. Подкупольное поселение (даже город, пожалуй) с искусственной гравитацией. Вышедший на волю после очередной отсидки жулик Плуту Нэш по случаю покупает задрипанный бар и за несколько лет делает его самым крутым местным клубом. Как следствие: на него наезжают бандюки, страстно мечтающие купить это дело оптом и за умеренные деньги. Нэш бестактно отвергает наглое предложение, после чего начинается беготня, стрельба и приключения – сначала под куполом, а потом и вне его.

По этой сюжетной канве (не слишком оригинальной – оцените тактичность рецензента) можно было вышивать хоть бязью, хоть крестиком. Режиссер Рон Андервуд (которому мы не скоро простим «Дрожь земли») и некогда бесподобный Эдди Мерфи (которому мы никогда не простим «Их поменяли местами») решили повышивать смайликами. С такими обоями фильм неуверенно втискивается в ряд «кинокапустников» прошлого сезона («Люди в черном-2», «Астерикс и Обеликс: Миссия «Клеопатра»»), но на свойственную последним карнавальность совершенно не претендует. Такое впечатление, будто редкие приятные хохмочки попали в фильм случайно: надо же было чем-то разбавить совершенно

несъедобный сюжет. Хохмочки местами получились: я искренне радовался Майкрософтовской улице, лимузину с виртуальным водителем (пинок в сторону «Вспомнить все»), бильярдным шарам, которые сами собирались в «пирамидку», и многочисленным шуткам устаревшего робота-телохранителя (Рэнди Куэйду нам прощать вроде бы нечего – ну разве что пьяный сельскохозяйственный пилотаж в «Дне Независимости»).

И это всё. За исключением мелких приколов, в фильме радоваться как будто нечему. Сценарист честно выдоил из Луны все молоко, которое она могла дать, и пошел разминаться при земной силе тяготения.

Актеры? Чем дальше, тем меньше Эдди Мерфи играет в фильмах, в которых снимается (исключение, увы, блистательно это подтверждает: в «Чокнутом профессоре» он именно играет, но лучше бы ему этого не делать, а мне на него не смотреть). В «Плуту Нэше» Мерфи играть было вовсе нечего, достаточно было присутствовать в кадре. Что он добросовестно всю дорогу и делал, изредка позевывая на бруклинском диалекте.

Но если не ждать от «Плуту Нэша» кинооткровений, посмотреть его все-таки можно. И даже при этом вроде бы не испытываешь глубокого отвращения. Эстеты могут с извращенным интересом следить, как фильм на протяжении полутора часов скользит по грани откровенной халтуры, но в итоге так за эту грань и не сваливается.

Не иначе – чудом.

Алексей Д. Садецкий

Рейтинг «ЗД» по пятизвездной шкале: ★ ★

Пауки из прошлого

Атака пауков (Eight Legged Freaks). Производство «Warner Bros.» (США) и «Village Roadshow Productions» (Австралия), 2002. Режиссер Иллори Илкайем, сценарий Иллори Илкайема, Рэнди Корнфилда и Джесси Александера. В ролях: Дэвид Аркетт, Кари Вурер, Рик Овертон, Скотт Терра. Слоган картины: «Вы не любите пауков? Они вас тоже!». 99 мин. В российском прокате – с 31 октября.

Этот фильм следовало бы назвать римейком, если бы картина, сюжет которой он «позаимствовал», была всего одна или хотя бы несколько... Но создатели фильма умышленно воспроизвели на экране ситуацию, знакомую по множеству посредственных лент 1950-1960-х годов – таких, как «Они», «Тарантул» и многие другие. Тогда к кинофантастике и спецэффектам в ней подходили просто. Увеличил в несколько раз хорошо знакомое каждому членистоногое – вот и готов ужасный монстр! Осталось придумать, откуда берутся гигантские пауки – прилетают из далекого космоса или заводятся на Земле по причине человеческой халатности... Тогда было так – теперь иначе. Теперь с помощью компьютера можно предельно натуралистично изобразить любое чудовище, однако продюсеры и режиссер решили, что изобретать что-либо не стоит, потому что нет ничего противнее обыкновенного паука.

А продюсерами этой ленты стали Роланд Эммерих и Дин Девлин, известные по работе над фильмами «Универсальный солдат», «Звездные врата», «День Независимости», «Годзилла» и «Патриот». Ни один из них нельзя назвать великим

произведением искусства, однако все они неплохо держат зрительское внимание. Для постановки был приглашен молодой новозеландский режиссер Иллори Илкайем, представивший на кинофестивале 13-минутный черно-белый ролик примерно на ту же тему: в результате химических реакций маленький паучок увеличивается в размерах и терроризирует хозяйку дома, в котором живет.

Создатели картины не просто взяли из прошлого пауков – весьма прямолинейный сценарий полностью выдержан в старомодном стиле, герои «картонны» и совершенно не меняются от эпизода к эпизоду.

...Небольшой городок долгие годы жил за счет шахт. Однако их прежний владелец умер, а его сын неожиданно уехал. Оказывается, он любил девушку, которая вышла замуж за другого. Теперь город постепенно вымирает, а в шахтах нехорошие люди с попустительства местного начальства хранят химические отходы. Отрава попадает в реку; сверчками из этой реки кормит своих питомцев чужак, занимающийся разведением пауков на продажу; те растут не по дням, а по часам...

Неизвестно, что произошло бы с городом, если бы сын владельца не

вернулся и не обнаружил, что его бывшая возлюбленная давно в разводе, у нее двое детей, а сама она служит в полиции. Ее младший сын неплохо разбирается в повадках пауков... Вместе они спасают город от нашествия этих чудовищ, а попутно устраивают свое личное счастье.

Картина зрелищная, но абсолютно предсказуемая.

Андрей Щербак-Жуков

Рейтинг «ЗД»: ★ ★

Новейший отупитель

Останавливающие время (Clockstoppers). Производство «Nickelodeon Movies» и «Valhalla Motion Picture» (США), 2002. Режиссер Джонатан Фрейкс, сценарий Роба Хеддена, Дж. Дэвида Стема и Дэвида Вайса. В ролях: Джесс Брэдфорд, Френч Стюарт, Майкл Бин. Слоган картины: «Заморозь будущее!». 94 мин. В российский прокат не выходила.

В общем, так. Ученые изобрели прикольную фишку – наручные часы, которые могут всех тормознуть. Мент стоит и не двигается, как памятник Децлу. Птица в воздухе висит, не падает. Можно плюнуть – и смотреть со всех сторон, как оно в полете выглядит. Прикольно.

Натурально, ученые лажанулись, и часы мы у них дернули. Веселуха пошла – отпад. Хип-хоп и рэп в магазине с манекенами. Можно мужика замершего взять и в мини-юбку одеть. И тащиться. Или мэра помадой вымазать в прямом эфире.

Правда, оказалось, что у спецслужб тоже такие часы есть. И они тоже могут... это... переодеть там кого... Но это – плохие. А есть еще ФБР – те герои вообще со всех сторон, хотя и без часов. Но тоже очень хотят и поэтому за всех нормальных пацанов беспокоятся.

Казалось бы, в чем лажа? Все так и есть на самом деле. В натуре.

Довольно!

Я согласен смотреть этот фильм только как викторину для юных физиков с единственным вопросом: почему все, что происходит на экране, не может происходить на самом деле? Герберт Уэллс в «Новейшем ускорителе» (с которого идея картины тщательно слизана) давал по ходу сюжета подробные научные комментарии, но и он ляпов не избежал.

Допустим, ваш организм ускорился в тысячу раз (для примера). Что вы будете слышать? Частота воспринимаемых вами извне звуковых колебаний упадет в ту же тысячу раз, хорошо, – а скорость распространения звуковых волн? Во что превратятся эти несчастные 300 метров в секунду?

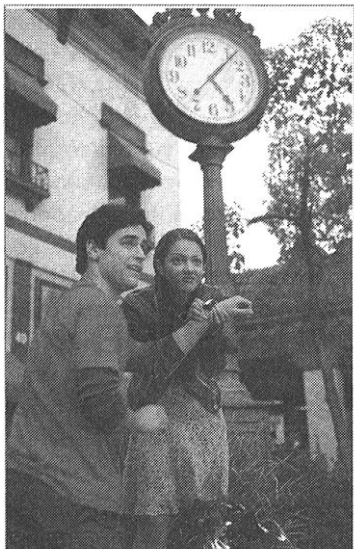
Правильно: один метр в три секунды. И даже если ваш ускорившийся

приятель скажет вам «Оба-на, прикол» с расстояния в пару метров, вы услышите его только через шесть секунд...

Очень радостно смотреть, как в фильме «ускоренные» герои садятся на автомобили и ездят на них. Прикиньте мощность этих движков. Почему мы до сих пор не вышли за пределы Галактики, не пойму просто.

А как они размахивают опоссумами, собаками и людьми? Обычный «неускоренный» хук слева и то может чувствительного человека вырубить, а

нежное касание тысячекратно

«ускоренного» подростка к грудной клетке не оставит в ней ни одной целой косточки. Эти безобидные шалости должны были сопровождаться горами трупов!

И почему наши шустрики не нагреваются от трения о воздух, двигаясь с такой скоростью? Ладно, пусть не сгорают дотла, но дымиться-то им положено?

А сюжетные ляпы? Для того чтобы столкнуться с группой «ускоренных» спецагентов, наши попрыгунчики должны всякий раз включать часики в ту же долю секунды, что и остальные гады. Попрыгунчикам этот невероятный фокус удастся сто раз из ста. Гадам, кстати, тоже.

Какая актерская игра? Вы что, опухли на своей нормальной скорости? Даже крутой и опытный спецдядя Майкл Бин,

повоевавший на своем веку и с чужими, и с терминаторами, и с обитателями бездны, снялся здесь не для того, чтобы что-то играть. Со всеми вытекающими.

Поставил все это вопиющее безобразие Джонатан Фрейкс, которого все прогрессивное человечество знает как исполнителя роли командера Уильяма Райкера из «Звездного пути» нового поколения. Он же режиссировал несколько телесериалов – руку набил на том же новом «Звездном пути»...

Вот где собака зарыта: только на телевидении можно было на собственном опыте понять, что невежество – это самый ходовой товар. «Ускоренный». Пользуется большим спросом у населения. Даже большим, чем хип-хоп. А раз это пользуется спросом, значит, организуется и предложение...

Алексей Д. Садецкий

За кадром

Сергей Бережной

ОТЯГОЩЕННЫЕ ЗЛОМ

Чудовище Франкенштейна на большом экране

Эпоха суеверий и предрассудков издыхала под орудийные канонады и грохот русских сапог по парижским мостовым. Французская революция была взнудана консулом Бонапартом, пришпорена императором Наполеоном и съедена в России его замерзающей гвардией. Реставрация качнула Европу к старым добрым временам, но между прошлым и настоящим теперь стояла циничная гильотина.

Призраки из старых замков расточились, семейные предания мгновенно стали неактуальными. Неуспокоившийся призрак дедушки, в подпитии зарезавшего бабушку, на бирже больше не котиrowался. Просвещенный век вводил в обиход рациональные массовые казни и рациональную внесловную мораль.

Наука, вышедшая из-под опеки церкви, уверенно и публично отвергала идею божественного сотворения мира и человека. Духовную и светскую жизнь начали определять движение тел, движение газов, движение тепла и движение света. Электрические машины оставались самым таинственным из всего, что наука могла продемонстрировать жаждавшей открытий публике.

И еще — анатомический театр.

Акт творения

Юная Мэри Уоллстонкрафт Шелли, образованная и эмансипированная жена одного поэта и подруга другого, создала в 1818 году литературный образ, который поразительно точно воплотил всю тщету надежды человечества на всесилие науки. Роман «Франкенштейн, или Новый Прометей» тогдашние церковники должны были боготворить: Шелли написала о том, чем может обернуться посягательство человека на лавры Творца.

Студент Виктор Франкенштейн сумел найти способ оживить человека, собранного из тел нескольких покойников. Существо двигалось, реагировало на раздражители, проявляло свободу воли. Оно сбежало, сполна ощутило жестокость толпы, в страданиях обрело способность говорить – и вернулось к своему создателю, чтобы потребовать для себя душу...

Шелли провела потрясающе точную грань между наукой и моралью. Наука – путь познания мира. Душа – символ непознаваемого в человеке. Мы отказываем в душе извергам и изуверам, потому что в их жестокости нет нравственной тайны. Они – как камни, чей химический состав, структура и форма могут быть точно определены и воспроизведены. А душа – это средоточие добра, нравственной силы. Существо, собранное из мертвой плоти, не нашло этой силы в себе – и попыталось найти ее вне себя...

Наука, отрешившаяся от морали, обречена создавать чудовищ.

Эта внешне простая идея настолько опередила свое время, что на протяжении всего XIX-го и большей части XX века споры вокруг нее не теряли накала – а если они и утихали, то жизнь быстро возвращала теме актуальность. Дань этим спорам отдали Жюль Верн и Герберт Уэллс, Бернард Шоу и Бертран Рассел, Альберт Эйнштейн и Энрике Ферми, Лев Ландау и Андрей Сахаров... Для многих из них тема моральной ответственности ученого оказалась вопросом вопросов.

Но откуда, как, почему этой темой озаботилась юная англичанка, глядевшая на гладь Женевского озера из окна старинного замка?

Видимо, судьба...

Явление первое: Чудовище

Прошло почти сто лет. Киносумасшествие охватило весь мир – и особенно Америку. Киноиндустрия развивалась бешеными темпами. Филь-

мы снимались тысячами и приносили баснословные барыши. Томас Альва Эдисон, первопроходец киносъемки, изобретения которого и породили во многом этот бум, был отодвинут более энергичными фильмоделами с позиции лидера отрасли, но мириться с такой ситуацией не собирался. В 1909 году он инициирует создание Союза патентодержателей кинопромышленности, который практически монополизирует всю отрасль и получает отчисления от каждого созданного или показанного в США фильма. Поставив американскую киноиндустрию в полную зависимость от себя, Эдисон попытался вернуть себе и лидерство в области кинопроизводства.

Именно к этому моменту относится выход на экраны первой экранизации «Франкенштейна». 16-минутный фильм был снят на эдисоновской студии, режиссером и сценаристом этой постановки выступил Джей Сирл Доули.

Доули в тот период специализировался на киновоплощениях литературной классики. Он снял короткометражные экранизации «Принца и нищего», «Фауста», «Аиды», «Острова сокровищ», сказок «Синяя Борода» и «Ганзель и Гретель». «Франкенштейн» в этот ряд отлично вписывался.

15 марта 1910 года очередной номер выпускавшегося компанией Эдисона журнала «The Kinetogram» вышел с анонсом «Франкенштейна» на обложке и подробной рекламной аннотацией фильма внутри.

Молодой студент Франкенштейн уединяется в университетской лаборатории и пытается создать совершенного человека. Однако из огромного котла с реактивами появляется весьма далекое от идеала уродливое существо – Чудовище. Франкенштейн в ужасе покидает лабораторию. Дома студента успокаивает его невеста Элизабет, и Франкенштейн понимает, что искусственное создание человека – морок, ложный путь. Только любовь – истинна.

В день свадьбы Чудовище, которое не может существовать без своего создателя, проникает в будуар Элизабет. На ее крик прибегает Франкенштейн. Элизабет в обмороке. Чудовище сбивает студента с ног и скрывается. Франкенштейна переполняет любовь к Элизабет, и это чувство окончательно вытесняет Чудовище из его сознания. В фи-

нальном эпизоде Чудовище смотрит на себя в зеркало и с угрозой вздымает руки – но вдруг исчезает, оставляя свое отражение. Франкенштейн подходит к зеркалу и видит в нем вместо себя Чудовище. Но борьба добра и зла в душе студента уже закончена: ужасный образ «с той стороны зеркального стекла» меняется на собственное отражение Франкенштейна.

Доули превратил роман Мэри Шелли в нравственно-философскую притчу, противопоставив простые человеческие чувства и рассудочность ученого. Короткометражный фильм не предполагал передачи иных смыслов, однако Доули удалось вынести на экран несколько ярких и запоминающихся символических сцен – особенно интересно выглядит эпизод с зеркалом...

Из актерских работ наиболее выразителен был Чарльз Огл в роли Чудовища **(на фото слева)**. В те времена актеры сами придумывали образ для каждой роли. Огл гримировался и подбирал костюм, руководствуясь своим представлением о виде Чудовища и описанием его в романе Мэри Шелли. На снимке видны огромная угловатая голова, покрытая всклокоченными длинными волосами, заросшие грубой шерстью кисти рук и перевязанное веревками рубище из мешковины. Огл был высок и силен, задрапированная фигура делала его облик еще более внушительным.

Таким – лишенным разума и сострадания, демоническим и беспощадным – Чудовище впервые предстало перед зрителем...

Явление второе: Создание

Лишь мельком мы коснемся снятой в 1915 году весьма вольной фантазии на тему «Франкенштейна». Фильм режиссера Джозефа Смайли назывался «Жизнь без души»; роль Создания исполнил английский актер Перси Даррелл Стэндинг. Как пишет современник, *«он играл выразительно, но без пережима, умело передавая чувства и мысли Создания. Временами ему даже удавалось пробудить симпатию зрителей к своему персонажу, лишенному всяческих человеческих привязанностей...»* Фильм, однако, не имел никакого успеха и сошел с экранов быстро и навсегда.

Подлинное второе явление образа мы свяжем со знаменитым «Франкенштейном» 1931 года – вторым фильмом в серии фантастических ужасов от кинокомпании «Universal».

Серия эта началась с «Дракулы», успех которого обещал сделать (и сделал) исполнителя заглавной роли Белу Лугоши ярчайшей звездой жа-

нрового кино. Но этот успех необходимо было развить и закрепить. Продюсер Карл Лаэмль предложил ставить «Франкенштейна», оттолкнувшись от сценической адаптации романа, которая шла на лондонских подмостках. Между прочим, Создание в этой постановке играл тот же самый актер, который прежде играл Дракулу, — все сходилось, судьба явно благоволила к будущему фильму.

Лаэмль перекупил права на экранизацию у конкурирующей британской студии — и работа пошла. Художник Джек Пирс придумал выразительный грим для Создания. Выписанный из Франции молодой режиссер Роберт Флори снял в нескольких пробах напроць загримированного Белу Лугоши, который в декорациях замка Дракулы тяжело гонялся за Эдвардом Ван Слоуном — бывшим профессором Ван Хелсингом. Карл Лаэмль пробы раскритиковал, после чего Флори счел за лучшее начать карьеру в Голливуде с другого фильма, а Лугоши наотрез отказался сниматься в роли, в которой он выглядит словно фарфоровая кукла.

На выручку пришел выписанный студией для другого проекта из Англии театральный режиссер Джеймс Уэйл: ему показалась забавной идея снять достоверную картину о том, что нормальному человеку представляется немыслимым. На роль Генри Франкенштейна (в сценической версии герой романа сменил имя) Уэйл пригласил Колина Клайва: во-первых, они уже работали вместе, во-вторых, Клайв играл Харкера в «Дракуле». Дело было за малым — тем самым малым, который должен был сыграть Создание...

Уэйл подошел к этому вопросу творчески: он уселся в студийной столовке и принялся высматривать среди жующих актеров подходящего по типуажу, а попутно делал карандашные портреты и прикидывал образ. Один из эскизов получился подозрительно удачным. Уэйл подошел к актеру и предложил ему попробовать на роль.

Предыдущие десять лет актерской карьеры не принесли Уильяму Генри Пратту, который взял себе псевдоним Борис Карлофф, большого успеха. На протяжении 1920-х он довольствовался эпизодическими ро-

лями или играл злодеев, в его активе было участие более чем в 40 немых лентах. Карьера понемногу шла в гору, но тут в кино пришел звук – и оказалось, что поставленный для сцены актерский голос Карлоффа для озвучки фильмов не подходит. Актер начал все с начала – и в 1931 году добился определенного прорыва, получив хорошую прессу за роль в детективе «Преступный кодекс».

Именно тогда к нему и подошел Джеймс Уэйл.

Вряд ли в тот момент Карлофф представлял, насколько тяжелая работа его ждет. Сомневаюсь, что он ждал такого большого успеха. Но получил он полной мерой и первое, и второе.

Уэйлу понравилось выразительное лицо Карлоффа, однако актер был немного худощав. Создание должно было выглядеть внушительней. К тому же фактура у него была совершенно иная, нежели у Лугоши, а потому Джеку Пирсу пришлось серьезно переделывать грим. Он решил, что Создание должно выглядеть достоверно, то есть примерно так же, как выглядит анатомированный медиками-первокурсниками покойник. Пирс зарылся в медицинские справочники и выяснил, что в хирургии существует шесть способов вскрытия черепной коробки. Поскольку по сюжету Франкенштейн не был хирургом-практиком, Пирс предположил, что он избрал бы самый простой способ – срезал бы крышку черепа, вложил мозг и вернул крышку на место, чем-нибудь ее закрепив. Картинка получалась занятная: плоский сверху череп с металлическими скобами.

На шею Пирс придумал прицепить большие электроды – это подчеркнуло бы, что Создание оживлено электричеством; по сути, и задумано-то как механическое устройство...

С костюмом проблем было не меньше. Впечатление очень длинных рук Пирс создал просто – укоротил рукава куртки. Сама куртка была широкой и плот-

ной. На ноги Карлоффу Пирс натянул две пары штанов с металлическими прутами, которые вынуждали актера ходить, почти не сгибая ноги. Завершали картину тяжеленные ботинки на очень толстой подошве.

Лицо Карлоффа Пирс покрыл голубой и зеленой краской – на черно-белой пленке кожа Создания получалась серой, словно у трупа. На кистях рук промежутки между пальцами были зачернены ваксой, отчего казалось, что пальцы чуть ли не на целую фалангу длиннее.

Итог работы Пирса был впечатляющ, но буквально сокрушителен. Грим и костюм весили вместе 24 килограмма. Каждое утро Карлоффу предстояло гримироваться в течение трех с половиной часов; на снятие грима после съемок уходило еще полтора часа. А обеденный перерыв? Нечего было и думать отправлять актера в столовую в таком виде: во-первых, не дойдет, а во-вторых, образ Создания до выхода фильма держали в строжайшем секрете. Если Карлоффу все-таки приходилось днем проходить по территории студии, на голову ему надевали наволочку. А обеды ему приносили из столовой прямо на съемочную площадку. Кроме того, картину снимали в наглухо закрытом павильоне, под палящими прожекторами, летом, в самую яростную жару.

Как цинично заметил Лазмль, *«в глазах Карлоффа виделось именно то, что нам было нужно, – подлинное страдание»*.

В фильме было много театральности, символики, патетики. Но в трудных движениях и мучительных вздохах Создания никакой условности не было. Ни малейшей. Зритель мог что угодно думать о Франкенштейне, о его невесте Элизабет, о горбуне-садисте Фрице – но Созданию он искренне и всем сердцем сочувствовал. Если Стэндингу в «Жизни без души» удавалось добиться зрительской симпатии *«временами»*, то Карлофф ловил зрителя за это чувство с того момента, когда Создание бросало первый взгляд в объектив, – и до самого финала...

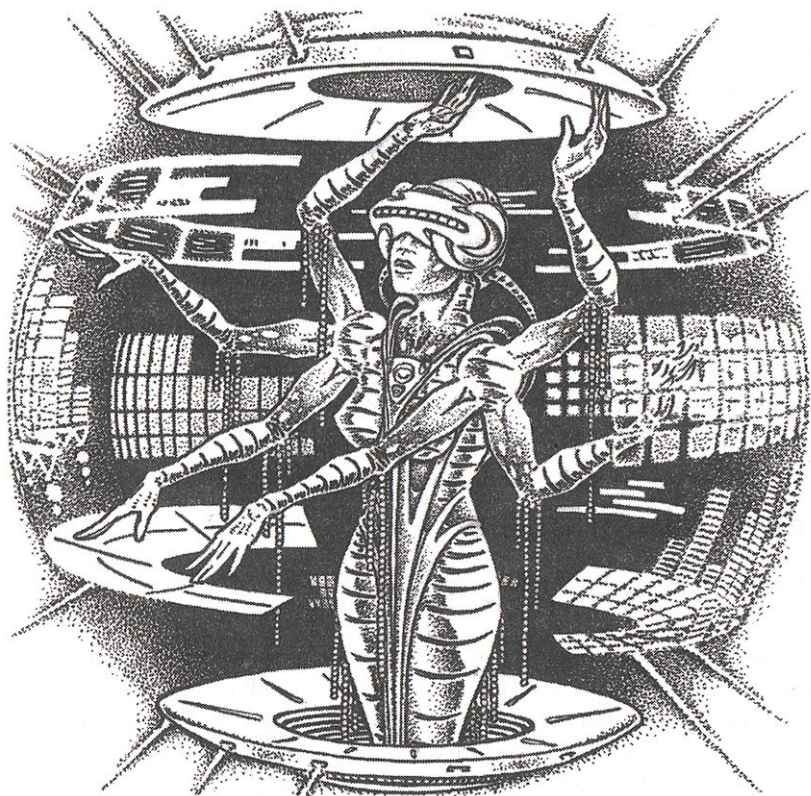
Карлофф играл не Чудовище. Он не был убийцей или ходячим мертвецом. Он был огромным ребенком, которому приходится методом горьких ошибок познавать окружающий мир. И когда ошибок накопилось слишком много, этот ребенок, так и не научившийся совершать правильные поступки, с неизбежностью погиб...

Роль потрясла зрителей. Фильм пользовался оглушительной популярностью. Карлофф стал звездой фильмов ужасов – даже более яркой, чем Бела Лугоши. Студия «Universal» зарегистрировала авторские права на грим Джека Пирса, чтобы его не скопировали конкуренты.

А Джеймс Уэйл через четыре года снова решил снять роман Мэри Шелли.

Окончание очерка читайте в следующем номере «ЗД».

КИБЕР- ПРОСТРАНСТВО

Несекретные файлы

Поклонники «Unreal», просыпайтесь!

По сообщению английского журнала «PCZone», появление на рынке игры «Unreal-2: The Awakening» – однопользовательского продолжения выпущенной в 1997 году «Unreal» – произойдет уже в начале февраля. Ранее выход этой игры планировался на вторую половину 2003-го, а позднее – на весну.

Действие «Unreal-2» разворачивается в той же вселенной, что и в первой «серии», но сюжет будет отличаться кардинально. Экипаж корабля, патрулирующего отдаленный сектор галактики, внезапно оказывается в самом центре крупномасштабной межзвездной войны. Трое землян и один инопланетянин должны защитить находящихся в зоне их ответственности колонистов и выяснить причину происходящего, чтобы остановить кровопролитие.

Игроков ждут десятки разнообразных миров – от тропических планет до индустриальных городов. Из врагов, известных по первой части, в продолжение перейдут только skaarj и земные солдаты.

Разрабатывает новую игру студия «Legend Entertainment», известная играми «Wheel of Time» и «Mission Critical». Издателем станет компания «Infogrames».

Примерные системные требования для «Unreal-2»: процессор Pentium III 733 МГц или более мощный, ОЗУ от 256 Мбайт, видеокарта класса GeForce2 MX, 3 Гбайта свободного места на жестком диске.

Все подробности – на официальном сайте игры www.unreal2.com.

Виртуальная вселенная с реальными деньгами

30 января стартует онлайн-многопользовательская 3D-игра «Project Entopia», разработанная шведской компанией «MindArk». Ее сюжет вертится вокруг колонизации человечеством отдаленной планеты Калипсо. Основное отличие «Project Entopia» от существующих интернет-миров «Everquest», «Ultima Online» и «Asheron's Call» состоит в том, что с пользователями не будет взиматься плата, но для денежных расчетов в игре понадобится настоящая валюта. Точнее, реальные деньги придется переводить в использующуюся в

игре денежную единицу – Project Entopia Dollar (PED). Поскольку игроку нужно есть, пить и покупать новые вещи взамен изношенных, потребуются постоянные расходы. С другой стороны, игроки получают шанс найти спрятанные в виртуальном мире сокровища. По словам генерального директора «MindArk», на последнем этапе тестирования и доработки именно финансовой системе игры было уделено особое внимание.

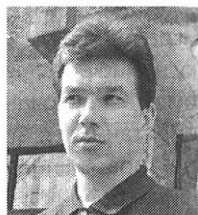
Интересно отметить, что весной этого года в офисе «MindArk» шведской полицией и местным отделением международной антипиратской организации «Business Software Association» была проведена масштабная проверка на предмет легальности используемого ПО. Поводом для проверки послужило заявление «Microsoft», и позднее «MindArk» обвинила софтверную корпорацию в том, что та пытается расправиться с будущим конкурентом ее собственного виртуального мира – «Asheron's Call». По другим сведениям, громкие заявления «MindArk» были своеобразным способом привлечь больше внимания к своему проекту.

Кто хочет стать волшебником из Страны Оз?

На сайте компании «Carbon6» появилась первая информация об очередном проекте известного игрового дизайнера Америкена Макги «Land of Oz» («Страна Оз»). Действие новой игры будет разворачиваться задолго до событий, описанных в произведениях Л.Ф.Баума. В те времена народы, населявшие Волшебную страну, вели между собой разрушительные войны, начавшиеся так давно, что никто уже не помнил их причины. Особенно жестоким было противостояние одного могущественного мага и «тыквоголовых» («rumpkins»). В конце концов, в войну вступили даже четыре волшебницы Севера, Юга, Запада и Востока, чья магия буквально разрывала землю на части.

Понимая, что подобное развитие событий приведет к полному уничтожению Страны Оз, правители Царства ночи (Realm of Night) решили из Страны людей призвать спасителя, который остановит войну. За человека, впоследствии ставшего известным под именем Волшебник из страны Оз, и предстоит действовать игроку.

«American McGee's Land of Oz» появится на прилавках в 2004 году. Однако в онлайн-магазине «Entertainmentearth» уже сейчас можно купить фигурки трех персонажей будущей игры.

Дмитрий Ватолин

СКАНДАЛИСТЫ И СТРАТЕГИ

Изначально я хотел написать колонку об очередных успехах серверов «Русской фантастики». Благо, недавно подвел статистику и узнал, как выросла посещаемость за последний год. Там, конечно, есть о чем говорить — один десятикратный рост **fandom.rusf.ru** (он же **www.fandom.ru**) чего стоит, также в десятки раз вырос и **books.rusf.ru**... Но когда я пересказывал эту статистику заинтересованным людям, то даже тем, кто прямое отношение к ней имеет, явно скучно становилось. Ну, растет, как обычно. Ну, сильно растет. Но, в общем-то, разницы между 150 и 200 гигабайт трафика в месяц уже как-то не чувствуется, и при размере 170 000 файлов прирост даже на 50% уже не пощупаешь. Что 50 000 файлов не перечитать, что 200 000... И общее настроение примерно такое: «Вот когда терабайт трафика и миллион файлов будет, ты нам скажи, чтобы часом не пропустили отметить!» :-). Уговорили! Не пропустите!

А теперь о более интересных вещах!

Что называется, «по долгу службы» мне частенько (чаще, чем хотелось бы) приходится разбирать всевозможные конфликты. Вчера, например, сразу два человека попросили вмешаться в их спор со статьей Сергея Лукьяненко об Интернете (из журнала «Если»). И это еще самый простой случай — локальное столкновение, так сказать. Некоторые малоизвестные писатели готовы буквально на войны ради известности (естественно, войны эти — против известных). Следящие за ситуацией (как на конгрессах фантастики, так и на интернет-форумах) легко

вспомнят аж несколько скандалов такого рода за последние два месяца.

А недавно мой хороший знакомый настоятельно порекомендовал мне книжку Б.Лиддел-Гарда «Энциклопедия военного искусства» (совместное издание «АСТ» и «Terra Fantastica»; излагается история и стратегия военных действий с точки зрения британского теоретика; составитель и один из редакторов приложений – Сергей Переслегин). Причем порекомендовал после того, как я ему об одном из наблюдаемых мной конфликтов рассказал.

На фоне околосредств массовой информации скандалов очень забавно рассмотреть несколько формулировок из книги. Например: *«Аксиома Лиддел-Гарда: цель войны — добиться лучшего состояния мира, хотя бы только с вашей точки зрения... Война, целью которой является что-то другое, априори проиграна»*. О, если бы эту мысль осознавало хотя бы 5% спорящих! :-) Увы, они ведут свою войну прямо как империалисты – с целью **взаимного** истощения (в данном случае морального, а не экономического), не считаясь с потерями. Причем если подобная тактика может иметь хоть какое-то оправдание для людей без имени (чьи личные потери не важны даже для них самих), то для людей, претендующих на литературное имя, эта тактика странна. Даже при эффектных ударах вроде обвинения известных писателей в плагиате лучшего состояния мира для себя они не добиваются. Понимают ли они, что априори проигрывают свою войну?

«Следствие Лиддел-Гарда: сегодняшний противник завтра станет вашим покупателем, а послезавтра — союзником». Для скандальных молодых авторов это следствие можно переформулировать так: известный писатель, которого вы сегодня выбрали оппонентом, завтра станет вашим (закрытым) рецензентом, а послезавтра – может быть, соавтором (фантастично, но бывает). В реальных войнах получается, что уничтожение экономики противника приводит к необходимости потом ее восстанавливать. В литературной жизни к необходимости последующего восстановления приводит уничтожение хороших отношений. Причем экономику полностью уничтожить тяжело, а вот отношения – просто. В этом разница для разрушающих.

Из той же книги можно процитировать теорему Сунь-Цзы: *«Война любит победу и не любит продолжительности»*. И как следствие: *«Если нет возможности быстро выиграть войну, следует найти способ быстро проиграть ее, иными словами — быстрый проигрыш приводит к цели войны вернее, чем медленный выигрыш»*. Исторических примеров на эту тему много. А для человеческих взаимоотношений теорему можно сформулировать примерно так: ес-

ли нет возможности быстро доказать неправоту противника, следует признать его правым или, как минимум, признать возможную правоту его мнения. Это быстрее приведет вас к цели (улучшению вашего мира), чем выигрыш после долгого сражения. Иногда людей, способных на **такие** проигрыши, потомки называют мудрыми. О мудрости спорящих сегодня каждый делает выводы сам.

Есть там и другие полезные выводы. Например, «принцип гуманности»: *«Из двух альтернатив имеет смысл выбрать самую гуманную»*. Правда, заядлым спорщикам необходимо, как минимум, прочитывать 600 страниц книги по стратегии, прежде чем они смогут просто допустить мысль о том, что такое утверждение бывает верным. :-)

Вот такие забавные аналогии приходят на ум, когда сравниваешь фантастическую жизнь с мудрыми книгами, имеющими к фантастике косвенное отношение.

Искренне ваш,

главный редактор серверов сети «Русская фантастика»
Дмитрий Ватолин

* * *

Посетители сайта «Русская фантастика» всегда могут принять участие в нескольких опросах общественного мнения. Вот текущие результаты некоторых из них:

Как вы думаете, будут ли читать книги Стругацких через 100 лет!

Будут в любом случае – 23%

Будут, если будет кому читать – 41%

Будут читать лишь отдельные произведения – 26%

Книги безнадежно устареют – 7%

Затрудняюсь ответить – 1%

Всего проголосовало: 1247

Насколько отечественная фантастика содержательнее западной!

Наши шедевры и их чтиво нельзя сравнивать! – 12%

Наша фантастика более интеллектуальна – 36%

Что у нас, что у них – все едино – 13%

У нас менее интересные авторы – 4%

Да наши авторы и писать-то не умеют! – 2%

Сравнение некорректно – 31%

Всего проголосовало: 2529

**СПРАШИВАЙТЕ «КО»
В КНИЖНЫХ
МАГАЗИНАХ!**

**ВСЕ, ЧТО ВЫ
ХОТИТЕ ЗНАТЬ
О КНИГАХ**

книжное обозрение

Выходит с 5 мая 1966 года

THE BOOK REVIEW

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ТОЛЬКО У НАС КАЖДУЮ НЕДЕЛЮ:

Подписной индекс по
объединенному каталогу
«Пресса России»

50051

для библиотек
и индивидуальных
подписчиков

83102

для
предприятий
и организаций

Если вы
издаете,
продаете или
читаете книги,
«Книжное
обозрение» —
ваша газета

КТО ЛИДИРУЕТ В
БЕСТСЕЛЛЕРАХ? ЧТО
НОВОГО ПОЯВИЛИСЬ
МЭТРЫ? НУЖНЫ ЛИ
ПИСАТЕЛЯМ ЧИТА-
ТЕЛЬСКИЕ КЛУБЫ?
ЛИ КНИГА — ЛУЧШИЙ
ПОДАРОК? ИЗДАЮТ
КНИЖНЫЕ ЦЕНЫ? КАК НАЙ-
ТИ ПУТЬ К ЧИТАТЕЛЮ? У
КОГО ОБОЛОЖКИ
ЛУЧШЕ? КАК СДЕЛАТЬ
БЕСТСЕЛЛЕР? ПОЧЕМУ
ДОРОЖАЕТ БУМАГА?
КАК ПРОПАДАЮТ
КНИГИ? ВЫГОНА ЛИ
ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ЦИК-
ЛОПЕДИИ? КАК ЖИ-
ВУТ БИБЛИОТЕКИ?

- ➡ Все о новинках фантастики, детектива и других жанров
- ➡ Интервью с самыми интересными писателями
- ➡ Репортажи о книжной жизни
- ➡ Фрагменты из книг, готовящихся к публикации
- ➡ Свежие новости книжного бизнеса

Наш адрес: 129272, Россия, г. Москва, Суховский вал, 64.

Тел./факс (095) 281-62-66

Распространение: тел. (095) 281-32-15

Отдел рекламы: тел./факс (095) 281-41-06

В ближайших номерах

«Звездной дороги»

читайте повести и рассказы

Эдуарда Геворкяна,

Томаса Диша, Алекса Орлова,

Алексея Калугина

Подписные индексы журнала –

81935 (каталог «Роспечать»)

или 38429 (Объединенный каталог)

9 771607 255308